Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в ноябре 1946 г.

Lomonosov Journalism Journal

Серия 10 **ЖУРНАЛИСТИКА**
Издательство Московского университета

№ 4 (48) • 2023 • ИЮЛЬ—АВГУСТ
Выходит один раз в два месяца

Содержание

Новые медиа

Кравцов К. С., Соболева Е. Д. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке 3

Социология журналистики

Проскурнова Е. Л. Профессия тележурналиста в оценке студентов направления «Телевидение» 23

Ван Фан. Особенности саморегулирования журналистики в России и Китае в период 1991–2023 гг. 44

История журналистики

Прохорова И. Е., Коробова А. К. В. Л. Пушкин в «Вестнике Европы» в начале 1810-х гг. и его брошюра «О каруселях» 65

Сартаков Е. В. Смерть Гоголя и сербская пресса 84

Эссе

Соколова В. М., Коренева Е. В. Родольфо Хорхе Уолш: свидетельство эпохи и актуальные стратегии повествования литературной журналистики 104

Все материалы журнала опубликованы на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

CONTENTS

New Media

Kirill S. Kravtsov, Elena D. Soboleva. PRC'S Digital Diplomacy in Social Network Accounts of Chinese Embassies in Africa..... 3

Sociology of Journalism

Evgeniya L. Proskurnova. Assessment of the TV Journalist's Profession by Students Studying TV Journalism..... 23

Wang Fang. Self-Regulation of Journalism in Russia and China in 1991–2023 44

History of Journalism

Irina E. Prokhorova, Aleksandra K. Korobova. V. L. Pushkin in the Vestnik Evropy Journal in the Early 1810^{s} and His Booklet "About Carousels" 65

Egor V. Sartakov. Gogol's Death and the Serbian Press..... 84

Essay

Veronika M. Sokolova, Elena V. Koreneva. Rodolfo Jorge Walsh: the Testimony of the Time and the Current Narrative Strategies of Literary Journalism 104

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2023

НОВЫЕ МЕДИА

Кравцов Кирилл Сергеевич, студент программы «Востоковедение», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: kskravtsov@edu.hse.ru

Соболева Елена Дмитриевна, PhD (политическая наука), доцент кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; e-mail: edsoboleva@hse.ru

АККАУНТЫ КИТАЙСКИХ ПОСОЛЬСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР В АФРИКЕ[1]

Китай в период председательства Си Цзиньпина совершенствует информационное и идеологическое сопровождение своей внешнеполитической деятельности, в том числе с помощью инструментов цифровой дипломатии. Авторы статьи на примере цифровой дипломатии КНР в Африке анализируют, какие идеи стремятся донести диппредставительства КНР до иностранных пользователей социальных сетей. Эмпирическая часть исследования включает фрейм-анализ 295 постов, опубликованных в аккаунтах посольств КНР в Кении, ЮАР, Алжире, Египте, Судане за период с 2019 по 2021 г. Диппредставительства подробно описывают успехи КНР, преимущества китайской модели развития, стремятся популяризировать традиционную культуру – ключевой элемент мягкой силы Китая, а также пытаются отразить критику со стороны западных стран. Несмотря на отсутствие единой стратегии по развитию цифровой дипломатии КНР, во изученных нами аккаунтах был зафиксирован общий набор фреймов, так как их контент во многом копирует дискурс китайских официальных СМИ и практически не адаптируется под социальных сети.

***Ключевые слова**: цифровая дипломатия, международные коммуникации, социальные сети, китайско-африканские отношения, фрейм-анализ.*

Kirill S. Kravtsov, student of BA program Asian Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia; e-mail: kskravtsov@edu.hse.ru

Elena D. Soboleva, PhD in Political Science, Associate Professor at the Chair of Chinese, South and Southeast Asian Studies, HSE University, St. Petersburg, Russia; e-mail: edsoboleva@hse.ru

PRC'S DIGITAL DIPLOMACY IN SOCIAL NETWORK ACCOUNTS OF CHINESE EMBASSIES IN AFRICA

Since Xi Jinping became President, China has been trying to improve informational and ideological support of its foreign policy by different means, including digital diplomacy. Focusing on China's digital diplomacy in Africa, the authors of this article

analyze which ideas and in what way Chinese diplomatic missions seek to convey to foreign users of social media. The empirical part of the study includes a frame analysis of 295 posts published in the social media accounts of Chinese embassies in Kenya, South Africa, Algeria, Egypt, Sudan between 2019 and 2021. In these accounts, Chinese diplomats describe in detail the successes of the PRC and the merits of its development model, strive to popularize traditional Chinese culture, a key element of China's soft power strategy, and aspire to refute accusations and criticisms of China's foreign and domestic policies voiced by Western countries. Despite the absence of a unified strategy for digital diplomacy development in the PRC, the authors detected the same set of frames in all the accounts under study. This can be explained by the fact that the content of communication to a large extent copies the discourse of Chinese official media and is not largely tailored to social media.

***Key words**: digital diplomacy, global communications, social media, China-Africa relations, frame analysis.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.320

Введение

Сотрудничество с африканскими странами является важным элементом внешней политики КНР: в 2006 и 2015 гг. были опубликованы стратегии КНР по Африке[2, 3], а в 2022 г. товарооборот вырос до 282 млрд долл. – рекордного показателя за всю историю торгово-экономических отношений[4]. Помимо увеличения объемов торговли, запуска инвестиционных проектов и развития культурных связей, Китай увеличивает и присутствие в медиасекторе африканских стран (Jedlowski, Röschenthaler, 2017). В частности, китайские диппредставительства в Африке активно ведут аккаунты в социальных сетях, которые заблокированы внутри КНР: цифровая дипломатия использует новые каналы для коммуникации с иностранной аудиторией (Салью, 2022: 158).

Под цифровой дипломатией понимают использование правительствами ресурсов сети Интернет, прежде всего социальных медиа, для коммуникации с иностранной аудиторией и достижения внешнеполитических целей (Olubukola, 2017). Цифровая дипломатия появилась на рубеже 2009–2010 гг. как направление публичной дипломатии. С тех пор подходы и методы влияния на аудиторию с помощью цифровых инструментов значительно эволюционировали: наряду с публикациями, транслирующими позитивный имидж собственного государства, появились негативные сообщения о других странах, а распространяемая информация часто

направлена на обострение политических дискуссий внутри этих стран (Цветкова, 2020). Акторами цифровой дипломатии традиционно выступают министерства иностранных дел и посольства. Однако все чаще они прибегают к помощи других, формально независимых субъектов, например популярных блогеров (инфлюэнсеров), аналитиков больших данных, хакеров (Цветкова, Сытник, Гришанина, 2022).

Исследователи отмечают, что в период председательства Си Цзиньпина совершенствуется информационное и идеологическое сопровождение внешнеполитической деятельности КНР (Денисов, Зуенко, 2022), к которому как раз и относится цифровая дипломатия. Внутри Китая тема цифровой дипломатии с недавних пор привлекает внимание исследователей, они занимаются теоретическим осмыслением данного феномена (Guo, 2021; Shi, Wang, 2020; Zhang, 2018). Среди отечественных и зарубежных ученых популярны сравнительные исследования цифровой дипломатии КНР и других стран (Цветкова, Сытник, Гришанина, 2022; Bjola, Jiang, 2015; Repnikova, Chen, 2023). Например, И. Е. Денисов, А. Р. Дагаев и С. П. Султанаев (2021) изучили цифровую дипломатию КНР в русскоязычных социальных сетях в первый год пандемии коронавируса и сравнили ее с деятельностью посольств Японии и Южной Кореи. Авторы делают вывод, что китайские посольства зачастую являются «информационными посредниками», цифровая дипломатия КНР носит оборонительный и реактивный характер, но обладает большим потенциалом для развития.

Отечественные исследования китайско-африканских отношений, как правило, фокусируются на истории и тенденциях взаимодействия КНР и стран Африки, например торгово-экономических связях или военном сотрудничестве (Дейч, 2014; Кравцов, 2021; Зеленев, Солощева, 2021). Что касается изучения применения цифровой дипломатии КНР в Африке, то стоит отметить работу Мадрид-Моралеса (Madrid-Morales, 2017), который дает общий обзор китайской цифровой дипломатии на африканском континенте, описывает институты, вовлеченные в ее реализацию, и оценивает аудиторию и ее интересы. Также появляются исследования, посвященные отдельным кейсам использования социальных сетей китайскими диппредставительствами в Африке, например в разгар пандемии коронавирусной инфекции (Shumba, 2021).

Хотя структура китайской цифровой дипломатии описана довольно подробно, ее содержательное наполнение требует дальнейшего изучения. Мы стремимся проанализировать, какие идеи китайские диппредставительства транслируют пользователям социальных сетей в пяти африканских странах. Предполагается, что коммуникация через социальные сети должна способствовать более эффективной реализации китайской внешней политики в Африке, снижать синофобию и формировать нарративы и повестку, которые были бы выгодны КНР (Аликберова, Балакин, 2019).

Методика исследования

В качестве основной площадки, на которой размещаются интересующие нас страницы посольств, была выбрана социальная сеть *Facebook*[5], т. к. именно в ней у китайских посольств в Африке больше всего подписчиков. Кроме того, цифровая дипломатия китайских посольств в Кении и ЮАР на примере другой популярной социальной сети *Twitter*[6] уже попадала в фокус исследовательского интереса (Repnikova, Chen, 2023).

В работе анализировались аккаунты посольств КНР в ЮАР, Кении, Египте, Алжире и Судане. Страны были выбраны по следующим критериям: 1) более 20 000 подписчиков у аккаунта диппредставительства КНР в этой стране в *Facebook*; 2) страна входит в 10 крупнейших экономик Африки; 3) страна имеет значительный объем торговли с КНР; 4) страна имеет относительно большую численность населения (более 40 млн чел.). Мы включили в нашу выборку страны с разными политическими режимами (свободный, несвободный, частично свободный)[7]. Общая информация о страных представлена в таблице 1.

Для анализа содержания постов в статье использовался фрейм-анализ. Под фреймированием понимается организация новостного сюжета тематически, стилистически и фактически таким образом, чтобы передать определенную интерпретацию (Entman, 1993). Фреймы, как правило, объединяют ключевые идеи, стандартные фразы и стереотипные изображения для поддержки такой интерпретации. Фрейм-анализ был выполнен с помощью индуктивного метода, который позволяет выделить подходящие для целей конкретного исследования фреймы. На первом этапе при

чтении постов мы обращали внимание на то, какие темы затрагиваются и в каком ключе они обсуждаются. Например, в публикациях, посвященных сотрудничеству КНР и африканских стран, мы фиксировали повторяющиеся идеи и лексику, указывающую на то, какое взаимодействие интерпретируется, и присваивали таким интерпретациям определенный код. Далее на основе обобщения всех выделенных на первом этапе кодов был составлен список фреймов, с помощью которого на втором этапе были повторно закодированы все собранные данные. В исследовании использовался холистский подход, то есть кодировалось наличие или отсутствие медиафрейма в целом, а не его отдельных индикаторов. При этом единицей анализа являлся один пост в аккаунте посольств КНР, то есть каждому посту присваивался один фрейм. Также, чтобы дать общий обзор аккаунтов китайских посольств в Африке и определить уровень внимания пользователей к публикуемому контенту, с помощью сайта *Popsters*[8] были собраны количественные показатели, такие как количество подписчиков, постов, лайков и комментариев, показывающих уровень вовлеченности аудитории.

Таблица 1

Общая информация об изучаемых странах

Страна	ВВП по ППС (млрд долл.)[9]	Население (млн чел.)[10]	Политический режим	Объем торговли с КНР (млрд долл.)	Объем инвестиций КНР (млрд долл.)[11]	Кол-во интернет-пользователей (млн чел.)[12]	Кол-во подписчиков Facebook
Алжир	537,07	45,2	несвободный	7,43	1,64	37,84	27 294
Египет	1 388,33	111,7	несвободный	19,97	1,19	54,74	30 133
Кения	276,22	54,5	частично свободный	6,96	2,15	46,87	24 834

Окончание таблицы 1

Судан	189,39	47,4	несво-бодный	2,6	1,12	13,12	28 093
ЮАР	865,82	60,1	свобод-ный	54,35	5,42	34,55	53 191

Данные для фрейм-анализа были собраны в 2022 г., а в качестве хронологических рамок были выбраны три года – 2019, 2020 и 2021. Этот период примечателен резким ростом количества аккаунтов китайских диппредставительств в Африке (Дейч, Цветкова, Кравцов, 2022: 14), что объясняется необходимостью компенсировать репутационный урон, который КНР потерпела в начале пандемии коронавируса. Поскольку не представляется возможным изучить десятки тысяч публикаций на предмет фреймов, было решено взять по 2 случайные новости в месяц в каждом из 5 рассматриваемых аккаунтов, что считается достаточным для объективной репрезентации медийных материалов в рамках одного месяца (Wimmer, Dominick, 1997). В сумме было проанализировано 295 публикаций на официальных языках изучаемых африканских стран (английском, арабском и французском) за 2019–2021 гг.: Кении (68), Алжира (54), ЮАР (72), Египта (58) и Судана (43). Количество публикаций разнится в силу того, что активность аккаунтов неодинакова, а некоторые из них начали функционировать не с самого начала 2019 г.

Результаты

В таблице 2 представлены данные для краткого обзора количественных показателей аккаунтов посольств КНР в пяти выбранных странах Африки. Лидером по числу пользователей выступает Судан с 60 тыс. подписчиков, далее следуют ЮАР, Египет, Алжир и Кения. На протяжении 2019–2021 гг. наиболее активно публиковал новости аккаунт посольства в Судане (3 382 поста), у аккаунта в Алжире 338 постов – в 10 раз меньше. Такая разница в работе диппредставительств объясняется тем, что в КНР нет единой программы по развитию цифровой дипломатии и посольства самостоятельно выбирают стратегию ведения аккаунтов в социальных сетях. Несмотря на то что аккаунт в Египте

имеет меньшую аудиторию и меньшее количество постов, чем ЮАР и Судан, количество лайков за рассматриваемый период достигло 278 тыс., в среднем каждый день пользователи ставили отметку «мне нравится» 194 раза. Этот же аккаунт получил наибольшее количество комментариев (16 135), конкуренцию ему составил только аккаунт в Кении (15 134). Индекс вовлеченности аудитории наиболее высок у аккаунта посольства в Египте, а меньше всего внимания пользователей привлекли страницы посольств в ЮАР и Судане, что примечательно, ведь ЮАР – главный торгово-экономический партнер Китая в Африке.

Таблица 2

Показатели аккаунтов посольств КНР в *Facebook* (2019–2021)

Показатель	**Судан**	**Египет**	**Алжир**	**Кения**	**ЮАР**
Подписчики	60 000	32 000	29 000	24 000	52 000
Посты	3 382	1 434	338	2 237	1 279
Лайки	13 701	278 273	68 171	42 213	6 994
Комментарии	1 027	16 135	9 375	15 134	4 586
Лайки в среднем	4	194	201	18	5
Комментарии в среднем	0	11	27	6	3
ER на пост	0,0146%	0,7038%	0,8951%	0,1172%	0,0203%
ER в день	0,073%	1,1509%	0,3078%	0,2589%	0,0237%
Языки	Английский/ арабский/ китайский/ русский/ французский/испанский	Английский/ арабский/ китайский	Английский/ арабский/китайский/ французский	Английский	Английский

Фрейм-анализ постов в 5 аккаунтах посольств КНР в Африке выявил, что для представления информации чаще всего используются следующие фреймы: успешная модель, знакомство с культурой, рука помощи, призыв к справедливости и ответ на критику, дружеские контакты, личная история, спасем природу. Наиболее распространенными фреймами стали первые три, которые встречались более чем в 60% публикаций из нашей выборки (таблица 3).

Таблица 3

Результаты фрейм-анализа постов в аккаунтах посольств КНР

Фрейм	Кения	Алжир	ЮАР	Египет	Судан	В среднем
Успешная модель	23,5% (16)	18,5% (10)	23,6% (17)	20,7% (12)	25,6% (11)	22,4%
Знакомство с культурой	14,7% (10)	20,4% (11)	31,8% (23)	6,9% (4)	34,9% (15)	21,7%
Рука помощи	32,4% (22)	25,9% (14)	16,7% (12)	15,5% (9)	14% (6)	20,9%
Призыв к справедливости и ответ на критику	10,3% (7)	14,8% (8)	16,7% (12)	27,6% (16)	11,6% (5)	16,2%
Дружеские контакты	8,8% (6)	18,5% (10)	5,6% (4)	27,6% (16)	7% (3)	13,5%
Личная история	4,4% (3)	1,9% (1)	1,4% (1)	1,7% (1)	7% (3)	3,3%
Спасем природу	5,9% (4)	0% (0)	4,2% (3)	0% (0)	0% (0)	2%

Самым частотным оказался фрейм «успешная модель» (22,4%), который рассказывает о развитии КНР, делая акцент на достижениях как на международной арене, так и внутри страны. В частности, можно выделить пять сфер, успехам в которых посвящено больше всего внимания: борьба с бедностью, реализа-

ция реформ и модернизация, борьба с коронавирусом, развитие науки и техники, международное сотрудничество. Китайские диппредставительства подкрепляют этот фрейм статистическими данными: например, южноафриканской аудитории сообщалось, что на Китай приходится две трети мировых скоростных железных дорог, а в Пекине построили 4 300 станций *5G*. Посольства не просто пишут о достижениях КНР, но и транслируют идею о том, что Китай является моделью для подражания. В частности, напрямую говорится, что Египту следует извлечь уроки из политики реформ и открытости Китая, чтобы добиться быстрого развития экономической зоны Красного моря, а также следует стремиться к достижению чуда развития по модели «Шэньчжэнь».

Что касается достижений на международной арене, то в публикациях подчеркивается выгода от успехов КНР для других стран. Инициатива «Пояс и Путь» изображается как наиболее успешный проект КНР, который «родился в Китае и принадлежит всему миру», который покончит с изоляционизмом и создаст «новую модель открытого взаимовыгодного международного сотрудничества». Посольства пишут о том, что Китай способен сделать вклад в глобальное управление, предлагает новые концепции, ориентированные на мирное развитие и многостороннее сотрудничество.

Публикации, отнесенные к следующему по популярности фрейму «знакомство с культурой» (21,7%) также рассказывают о КНР, но в фокус попадает китайская культура: праздники, музыка, культурные достопримечательности, традиции народов Китая. При этом мало внимания уделяется современным китайским художникам и артистам, книгам, актуальным социальным трендам. Ключевой частью стратегии КНР по наращиванию мягкой силы является продвижение именно традиционной культуры (Liu, 2019), что находит отражение и в цифровой дипломатии. Среди публикаций изредка можно встретить новости о культуре и обществе африканских стран и культурных связях между КНР и этими государствами, например пост о фильме алжирского производства «Абу Лейла», который был показан на Шанхайском кинофестивале в 2020 г. Стоит отметить, что данный фрейм редко встречается в постах китайского посольства в Египте. Одним из исключений является сюжет о радостном праздновании Ид-аль-Фитра мусульма-

нами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Такой сюжет, с одной стороны, может заинтересовать аудиторию, которая преимущественно исповедует ислам, а с другой – помогает опровергнуть обвинения в том, что уйгуры в КНР страдают от дискриминации.

Не менее важным является фрейм «рука помощи» (20,9%), отражающий позитивное влияние Китая на национальную экономику, здравоохранение, гуманитарную и социальную сферы африканских стран. КНР изображается как важный помощник африканских стран в борьбе с коронавирусом: бесплатные поставки масок и другого медицинского оборудования, экономическая помощь, списание долгов и т. д. Аккаунт китайского посольства в ЮАР рассказывает, как посол Линь Сунтянь лично дарил рождественские подарки пожилым людям и детям в бедном районе, что преподносится как «знак настоящей дружбы и братства» между КНР и ЮАР. Не только чиновники, но и местные жители-китайцы участвовали в благотворительной деятельности: фермеры китайского происхождения жертвовали большие объемы овощей для нуждающегося южноафриканского населения. С одной стороны, публикации такого рода демонстрируют положительное влияние КНР на жизнь простых африканцев. С другой стороны, использование таких сюжетов несколько двусмысленно, поскольку содержит нотки «афропессимизма» (Bassil, 2011): африканские страны и их жители предстают слабыми и нуждающимися в посторонней помощи.

Для создания этого фрейма приводится статистика о завершенных Китаем проектах, например о строительстве в Кении 6 000 км дорог, 170 школ, 20 портов, то есть о повышении качества жизни кенийских граждан. Этот фрейм подкрепляют заявления официальных лиц из африканских стран. В частности, публикуются слова президента Египта Абдель Фаттах Ас-Сиси, который подтвердил, что египетская сторона приветствует дальнейший приток китайских инвестиций в Египет, а также выразил свою «глубокую признательность» за постоянную поддержку Китаем развивающихся стран. Стоит отметить, что китайские посольства повторяют идеи китайского официального дискурса о том, что сотрудничество КНР с другими странами носит равноправный и взаимовыгодный характер, не является попыткой вмешиваться в их внутренние дела: например, Китай обещает ни при каких об-

стоятельствах не контролировать Кению посредством так называемой «долговой ловушки».

Четвертый по популярности фрейм «призыв к справедливости и ответ на критику» (16,2%) зафиксирован в публикациях, в которых китайские дипломаты пытались защитить репутацию своей страны и ответить на критику по поводу корыстных намерений Китая в китайско-африканских отношениях, ненадежности китайских вакцин в борьбе с *COVID-19*, ситуации в Гонконге и СУАР. Также в связи с критикой КНР в начале пандемии коронавируса упоминалось, что «вирус не имеет национальных границ, не различает цвет кожи, расу, богатство» и что необходимо избегать связывания коронавируса с отдельными людьми.

Для подтверждения своей правоты дипломаты публиковали материалы из других источников, например китайского информагентства «Синьхуа» (*Xinhua*), цитировали политиков других стран, приводили мнения специалистов по медицине, которые подтверждали эффективность китайских вакцин, или новости о принятии вакцин в качестве резервных в отдельных странах (например, ОАЭ). Китайское посольство в ЮАР процитировало речь президента этой страны Сирила Рамафозы, в которой он говорил об «очевидной зависти США», из-за того что китайская компания «Хуавэй» (*Huawei*) их «обошла». В публикации заявлялось, что ЮАР поддерживает компанию, способную обеспечить мир в целом и ЮАР в частности «лучшими технологиями». В отдельных постах встречаются видеоролики и статьи о жизни уйгуров в КНР, разоблачается дезинформация о политике КНР в СУАР.

Фрейм «дружеские контакты» (13,5%) касается особых отношений между китайским и африканскими народами. Часто можно встретить обращение к африканским народам как к «братьям и сестрам» Китая, упоминание длительной истории контактов между двумя сторонами и возможности общего будущего. Зачастую поводом для публикаций служили различные формальные встречи между чиновниками, форумы и саммиты. По итогам встречи в рамках Китайско-арабского форума сотрудничества китайское посольство заявило, что «китайско-арабское сообщество единой судьбы развивается». Из другой новости уже о Форуме сотрудничества Китай–Африка следова-

ло, что Китай нацелен создать «здоровое сообщество единой судьбы» для китайцев и африканцев, чтобы вместе преодолеть существующие трудности.

В небольшой части публикаций в нашей выборке встретился фрейм «личная история» (3,3%). В фокусе таких постов была история одного человека, как правило связанного с Китаем, – история успешного молодого предпринимателя из Кении или местного жителя, жизнь которого кардинально изменилась после запуска участка железной дороги, построенной китайскими подрядчиками. Этот фрейм призван сделать публикации более эмоциональными, продемонстрировать положительное влияние КНР на жизнь отдельных африканцев и таким образом привлечь внимание аудитории. Стоит отметить, что в постах посольств КНР в Алжире, ЮАР и Египте, попавших в нашу выборку, такой фрейм почти не встречался.

Последний фрейм «спасем природу» (2%) связан с экологической повесткой, которая стала актуальна для многих стран в последние годы в контексте проблем с изменением климата. Упор здесь делается на успешный вклад Китая в защиту лесов и дикой природы в своей стране и в Африке, на стремление продолжать работу в этом направлении. Довольно неожиданным оказался материал про бобров в СУАР, с которых рекомендуется брать пример, поскольку они скорее способствуют росту деревьев, чем уничтожают их. Другие посты освещали выступление председателя Си Цзиньпина на Саммите по вопросам климата, в котором он говорил о приверженности КНР своим обязательствам по борьбе с изменением климата и поиске баланса между защитой окружающей среды и устойчивым развитием.

Заключение

Несмотря на отсутствие единой стратегии по развитию цифровой дипломатии КНР и значительные различия в интенсивности использования социальных сетей китайскими посольствами в разных странах мира, во всех изученных нами аккаунтах был зафиксирован одинаковый набор фреймов. Это можно объяснить тем, что контент не является уникальным, во многом копирует дискурс китайских партийных СМИ и практически не адаптируется под социальные сети. Поэтому очень редко используется фрейм «личная история», который освещает межгосударственные отношения

в менее формальном стиле, обращаясь к истории отдельных людей. Намного больше внимания уделяется встречам официальных лиц и другим формальным мероприятиям (фрейм «дружеские контакты»), которыми изобилуют китайские СМИ (Кривохиж, Соболева, Мельникова, 2023: 108). Кроме того, посольства просто транслируют информацию, которую берут из официальных пресс-релизов МИД КНР, и не используют доступный в социальных сетях инструментарий для привлечения пользователей к диалогу, как это, например, происходит в китайских социальных сетях (Repnikova, Fang, 2018).

Значительная часть постов в нашей выборке обращает внимание аудитории на успехи КНР на национальном и международном уровне (фрейм «успешная модель»). Диппредставительства описывают экономические, политические и социальные достижения китайского руководства, в частности такие, как победа над крайней бедностью, а некоторые публикации содержат прямые призывы к лидерам африканских стран копировать китайский опыт как успешную модель развития. Такой фрейм призван, с одной стороны, создать положительный имидж КНР как эффективного и потому желаемого партнера, а с другой – показать, что западная модель развития не является единственно возможной. Второе является важной идеей в китайской борьбе за дискурс.

Также в публикациях нашей выборки Китай часто представляется как страна с богатой традиционной культурой (фрейм «знакомство с культурой»), которая считается ключевым элементом стратегии мягкой силы Китая. Несмотря на отмечаемое учеными разочарование Китая в стратегии мягкой силы и культурной дипломатии (Денисов, Зуенко, 2022), китайские диппредставительства за рубежом продолжают популяризацию китайской культуры и через относительно новый канал – аккаунты в социальных сетях.

Следующий по популярности фрейм «рука помощи» также связан с попыткой рассказать о преимуществах сотрудничества с КНР. Он делает акцент на том, что Китай является не просто одним из главных партнеров африканских стран, но самым надежным помощником, готовым оказывать финансовую, медицинскую и другую помощь. Как и в случае с призывами перенимать китайский опыт, в такой подаче информации можно заме-

тить нотки высокомерия и даже афропессимизма, то есть дискурса, в рамках которого африканские страны предстают как слабые и нуждающиеся в помощи.

Помимо попыток повлиять на дискурс путем создания собственного нарратива про успешный Китай и преимущества сотрудничества с ним, публикации в социальных сетях также содержат ответы на критику со стороны США и других развитых стран, которые обвиняют КНР в нарушении прав человека, неоколониализме, долговой ловушке (фрейм «призыв к справедливости и ответ на критику»). В таких постах часто цитируются официальные представители международных организаций или авторитетные иностранные специалисты для подкрепления китайской позиции. Примечательно, что чаще всего этот фрейм наблюдался в аккаунтах посольств в ЮАР и Египте – крупнейших партнеров США на континенте.

Наконец, несмотря на отмеченные сходства в выборе фреймов, происходит некоторая настройка содержания цифровой дипломатии под особенности аудитории. Например, подписчикам китайских посольств в арабских странах рассказывают о роли КНР в решении конфликта Израиля и Палестины и про празднование исламских праздников в СУАР.

Примечания

[1] Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 21-04-013) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

[2] Zhongguo dui feizhou zhengce wenjian (quanwen) [Политика Китая по Африке (полный текст)] // МИД КНР. 2006. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/ce/cebn/chn/xw/t231064.htm (дата обращения: 13.01.2022).

[3] Zhongguo dui feizhou zhengce wenjian (quanwen) [Политика Китая по Африке (полный текст)] // Правительство КНР. 2015. Режим доступа: http://www.gov.cn/xinwen/2015-12/05/content_5020197.htm (дата обращения: 13.01.2022).

[4] 2022nian 12yue jinchukou shangpin zhuyao guobie (diqu) zongzhibiao (meiyuanzhi) [Таблица общей стоимости импортных и экспортных товаров по основным странам (регионам) в декабре 2022 г. (в долларах США)] // Главное таможенное управление КНР. 2023. Режим доступа: http://nanning.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html (дата обращения: 26.01.2023).

[5] *Facebook* – проект *Meta Platforms Inc*., деятельность которой в РФ запрещена.

[6] *Twitter* – социальная сеть, доступ к которой заблокирован в РФ.

[7] Countries and territories (2022) *Freedom House*. Режим доступа: https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores (дата обращения: 25.09.2022).

[8] Popsters. 2022. Режим доступа: https://popsters.ru/ (дата обращения: 22.12.2022).

[9] GDP, PPP (current international $) (2021) *The World Bank*. Режим доступа: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD (дата обращения: 25.09.2022).

[10] Zhonghua renmin zhongheguo shangwu bu [Министерство коммерции КНР] // Правительство КНР. Режим доступа: http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/ (дата обращения: 26.05.2022).

[11] Total Population by Country 2022 (2022) *World Population Review*. Режим доступа: https://worldpopulationreview.com/countries (дата обращения: 25.09.2022).

[12] Internet Users Statistics for Africa (2022) *Internet World Stats*. Режим доступа: https://www.internetworldstats.com/stats1.htm (дата обращения: 25.02.2022).

Библиография

Аликберова А. Р., Балакин Д. А. Цифровая дипломатия с китайской спецификой // Современные востоковедческие исследования. 2019. № 3. С. 77–81.

Дейч Т. Л. Китай «завоевывает» Африку. М.: Институт Африки РАН, 2014.

Дейч Т. Л., Цветкова Н. Н., Кравцов К. С. Развитие африканской цифровой экономики и участие в нем Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 15 (4). С. 6–22. DOI: https://doi.org/10.31249/kgt/2022.04.01

Денисов И. Е., Зуенко И. Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022.

Денисов И. Е., Дагаев А. Р., Султанаев С. П. Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language accounts // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 274–290. DOI: 10.24412/26186888202126274290

Зеленев Е. И., Солощева М. А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее // Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750013956-3

Кравцов К. С. Торгово-экономические отношения КНР с Алжиром, Марокко и Мавританией в XXI веке // Азия и Африка сегодня. 2021. № 10. С. 55–64. DOI: 10.31857/S032150750015293-4

Кривохиж С. В., Соболева Е. Д., Мельникова Е. С. ШОС через призму китайских СМИ: анализ публикаций в «Жэньминь Жибао» и «Хуаньцю Шибао» // Вестн. РУДН. Сер.: Международные отношения. 2023. № 23 (1). С. 105–115. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-105-115

Салью Х. Публичная дипломатия или публичная глокализация? Переосмысление публичной дипломатии в эпоху постправды // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2022. № 1. С. 157–175. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2022.157175

Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестн. РГГУ. Сер.: Политоло-

гия. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47

Цветкова Н. А., Сытник А. Н., Гришанина Т. А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестн. СПбГУ. Международные отношения. 2022. № 15 (2). С. 174–196. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204

Bassil N. R. (2011) The roots of Afropessimism: the British invention of the 'dark continent'. *Critical Arts* 25 (3): 377–396. DOI: 10.1080/02560046.2011.615141

Bjola C., Jiang L. (2015) Social Media and Public Diplomacy: A comparative analysis of the digital diplomatic strategies of the EU, Us and Japan in China. In C. Bjola, M. Holmes (eds.) *Digital Diplomacy*. Abingdon: Routledge.

Cave D., Hoffman S., Joske A., Ryan F. et al. (2019) Enabling & exporting digital authoritarianism. In *Mapping China's technology giants*. Australian Strategic Policy Institute. Pp. 8–15.

Entman R. M. (1993). Framing: toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication* 43 (4): 51–58. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

Guo Y. (2021) Shuzihua gongong waijiao: shijian kunjing, lilun quexian yu lunli fengxian[Digital public diplomacy: Practical dilemmas, theoretical shortcomings and ethical risks]. *Weilai chuanbo*4: 38–45. (In Chinese)

Jedlowski A, Röschenthaler U. (2017) China–Africa media interactions: media and popular culture between business and state intervention. *Journal of African Cultural Studies* 29 (1): 1–10. DOI: https://doi.org/10.1080/13696815.2016.1268953

Liu X. (2019) China's Cultural Diplomacy: A Great Leap Outward with Chinese Characteristics? Multiple Comparative Case Studies of the Confucius Institutes. *Journal of Contemporary China* 28 (118): 646–661. DOI: 10.1080/10670564.2018.1557951

Madrid-Morales D. (2017) China's digital public diplomacy towards Africa. In K. Batchelor, X. Zhang (eds.) *China-Africa Relations*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315229096-8

Olubukola S. A. (2017) Foreign policy in an era of digital diplomacy. *Cogent Social Sciences* 3 (1). DOI: 10.1080/23311886.2017.1297175

Repnikova M., Chen K. A. (2023) Asymmetrical discursive competition: China–United States digital diplomacy in Africa. *International Communication Gazette* 85 (1): 15–31. DOI: 10.1177/17480485221139460

Repnikova M., Fang K. (2018) Authoritarian Participatory Persuasion 2.0: Netizens as Thought Work Collaborators in China. *Journal of Contemporary China* 27 (113): 763–779. DOI: https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1458063

Shi A., Wang P. (2020) Shuzi gonggong waijiao xingqi yu guangdian guoji chuanbo nengli tisheng – jiyu "ouxiang" moshi de fenxi [The growth of digital public diplomacy and the improvement of international communication

opportunities on radio and television — an analysis based on the “idol” model]. *Dianshi yanjiu* 1: 6–9. (In Chinese)

Shumba E. (2021) An investigation into ‘Wolf Warrior’ diplomacy in Africa via Twitter and Facebook at the height of the COVID-19 pandemic. *South African Journal of International Affairs* 28 (3): 471–483. DOI: https://doi.org/10.1080/10220461.2021.1976267

Wimmer R. D., Dominick, J. R. (1997) *Mass Media Research: An Introduction*. Boston: Wadsworth Publishing.

Zhang Y. (2018) Shuzi gonggong waijiao yu zhongguo guoji chuanbo – yi minying meiti qiye wei li [China’s Digital Public Diplomacy and International Communication — on the example of Private media enterprises]. *Duiwai chuanbo* 10: 54–57. (In Chinese)

Notes

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University in 2022 (grant № 21-04-013).

2022nian 12yue jinchukou shangpin zhuyao guobie (diqu) zongzhibiao (meiyuanzhi) [Table of the total cost of goods imported and exported by key countries (regions) in December 2022 (in US dollars)] (2023) *General Administration of Customs*. Available at: http://nanning.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/4794352/index.html (accessed: 26.01.2023).

Countries and territories (2022) *Freedom House*. Available at: https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores (accessed: 25.09.2022).

GDP, PPP (current international $) (2021) *The World Bank*. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD (accessed: 25.09.2022).

Internet users statistics for Africa (2022) *Internet World Stats***.** Available at: https://www.internetworldstats.com/stats1.htm (accessed: 25.02.2022).

Popsters (2022) Available at: https://popsters.ru/ (accessed: 22.12.2022).

Total population by country 2022 (2022) *World Population Review*. Available at: https://worldpopulationreview.com/countries (accessed: 25.09.2022).

Zhonghua renmin zhongheguo shangwu bu [Ministry of Commerce of the PRC]. *PRC Government*. Available at: http://www.mofcom.gov.cn/article/tongjiziliao/sjtj/ (accessed: 26.05.2022).

Zhongguo dui feizhou zhengce wenjian (quanwen) [China’s policy on Africa (full text)] (2006) *MFA PRC*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/ce/cebn/chn/xw/t231064.htm (accessed: 13.01.2022).

Zhongguo dui feizhou zhengce wenjian (quanwen) [China’s policy on Africa (full text)] (2015) *PRC Government*. Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2015-12/05/content_5020197.htm (accessed: 13.01.2022).

References

Alikberova A. R., Balakin D. A. (2019) Tsifrovaya diplomatiya s kitayskoy spetsifikoy [Digital Diplomacy with Chinese Specificity]. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya* 1 (3): 77–81. (In Russian)

Bassil N. R. (2011) The Roots of Afropessimism: the British Invention of the 'Dark Continent'. *Critical Arts* 25 (3): 377–396. DOI: 10.1080/02560046.2011.615141

Bjola C., Jiang L. (2015) Social Media and Public Diplomacy: A Comparative Analysis of the Digital Diplomatic Strategies of the EU, US and Japan in China. In C. Bjola, M. Holmes (eds.) *Digital Diplomacy*. Abingdon: Routledge.

Cave D., Hoffman S., Joske A., Ryan F. et al. (2019) Enabling & Exporting Digital Authoritarianism. In *Mapping China's Technology Giants*. Australian Strategic Policy Institute. Pp. 8–15.

Denisov I. E., Dagaev A. R., Sultanaev S. P. (2021) Chinese Digital Diplomacy in the Pandemic and Post-Pandemic Times: Analysis of the Russian-Language Accounts. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* 26: 274–290. DOI: 10.24412/26186888202126274290

Denisov I. E., Zuenko I. Y. (2022) *Ot myagkoy sily k diskursivnoy sile: novye ideologemy vneshney politiki KNR* [From Soft Power to Discursive Power: New Ideologems of China's Foreign Policy]. Moscow: MGIMO University Publ. (In Russian)

Deych T. L. (2014) *Kitay «zavoevyvaet» Afriku* [China Is "Conquering" Africa]. Moscow: Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian)

Deych T. L., Tsvetkova N. N., Kravtsov K. S. (2022) Razvitie afrikanskoy tsifrovoy ekonomiki i uchastie v nem Kitaya [Development of Africa's Digital Economy and China's Participation]. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* 15 (4): 6–22. DOI: https://doi.org/10.31249/kgt/2022.04.01 (In Russian)

Entman R. M. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication* 43 (4): 51–58. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

Guo Y. (2021) Shuzihua gongong waijiao: shijian kunjing, lilun quexian yu lunli fengxian [Digital Public Diplomacy: Practical Dilemmas, Theoretical Shortcomings and Ethical Risks]. *Weilai chuanbo* 4: 38–45. (In Chinese)

Jedlowski A, Röschenthaler U. (2017) China–Africa Media Interactions: Media and Popular Culture Between Business and State Intervention. *Journal of African Cultural Studies* 29 (1): 1–10. DOI: https://doi.org/10.1080/13696815.2016.1268953

Kravtsov K. S. (2021) Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya KNR s Alzhirom, Marokko i Mavritaniey v XXI veke [China's Trade and Economic Relations with Algeria, Morocco, and Mauritania in the 21st Century]. *Aziya*

i Afrika segodnya 10: 55–64. DOI: 10.31857/S032150750015293-4 (In Russian)

Krivokhizh S. V., Soboleva, E. D., Melnikova, E. S. (2023). ShOS cherez prizmu kitayskikh SMI: analiz publikatsiy v «Zhen'min' Zhibao» i «Khuan›tsyu Shibao» [Chinese Media Representation of SCO: A study of Renmin Ribao and Global Times]. *Vestn. RUDN. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya* 23 (1): 105–115. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-105-115 (In Russian)

Liu X. (2019) China's Cultural Diplomacy: A Great Leap Outward with Chinese Characteristics? Multiple Comparative Case Studies of the Confucius Institutes. *Journal of Contemporary China* 28 (118): 646–661. DOI: 10.1080/10670564.2018.1557951

Madrid-Morales D. (2017) China's Digital Public Diplomacy Towards Africa. In K. Batchelor, X. Zhang (eds.) *China-Africa Relations*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781315229096-8

Olubukola S. A. (2017) Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy. *Cogent Social Sciences* 3 (1). DOI: 10.1080/23311886.2017.1297175

Repnikova M., Chen K. A. (2023) Asymmetrical Discursive Competition: China–United States Digital Diplomacy in Africa. *International Communication Gazette* 85 (1): 15–31. DOI: 10.1177/17480485221139460

Repnikova M., Fang K. (2018) Authoritarian Participatory Persuasion 2.0: Netizens as Thought Work Collaborators in China. *Journal of Contemporary China* 27 (113): 763–779. DOI: https://doi.org/10.1080/10670564.2018.1458063

Saliu H. (2022) Publichnaya diplomatiya ili publichnaya glokalizaciya? Pereosmyslenie publichnoj diplomatii v epohu postpravdy [Public Diplomacy or Public Glocalization? Rethinking Public Diplomacy in the Post-Truth Era]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 1: 157–175. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2022.157175 (In Russian)

Shi A., Wang P. (2020) Shuzi gonggong waijiao xingqi yu guangdian guoji chuanbo nengli tisheng – jiyu "ouxiang" moshi de fenxi [The Growth of Digital Public Diplomacy and the Improvement of International Communication Opportunities on Radio and Television – an Analysis Based on the "Idol" Model]. *Dianshi yanjiu* 1: 6–9. (In Chinese)

Shumba E. (2021) An Investigation into 'Wolf Warrior' Diplomacy in Africa via Twitter and Facebook at the Height of the COVID-19 Pandemic. *South African Journal of International Affairs* 28 (3): 471–483. DOI: https://doi.org/10.1080/10220461.2021.1976267

Tsvetkova N. A. (2020) Fenomen tsifrovoy diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i metodologiya ego izucheniya [Digital Diplomacy as a Phenomenon of International Relations: Research Methodology]. *Vestn. RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* 2: 37–47. DOI: https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47 (In Russian)

Tsvetkova N. A., Sytnik A. N., Grishanina T. A. (2022) Tsifrovaya diplomatiya i digital international relations: vyzovy i novye vozmozhnosti [Digital Diplo-

macy and Digital International Relations: Challenges and New Opportunities]. *Vestn.SPbGU. Mezhdunarodnye otnosheniya* 15 (2): 174–196. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204 (In Russian)

Wimmer R. D., Dominick, J. R. (1997) *Mass Media Research: An Introduction*. Boston: Wadsworth Publishing.

Zelenev E. I., Soloshcheva M.A. (2021) 20 let politiki KNR v Afrike: iz proshlogo v budushchee [20 Years of China's Policies in Africa: from the Past Towards the Future]. *Aziya i Afrika segodnya* 2: 4–14. DOI: 10.31857/S032150750013956-3 (In Russian)

Zhang Y. (2018) Shuzi gonggong waijiao yu zhongguo guoji chuanbo – yi minying meiti qiye wei li [China's Digital Public Diplomacy and International Communication – on the Example of Private Media Enterprises]. *Duiwai chuanbo* 10: 54–57. (In Chinese)

Поступила в редакцию
12.02.2023

СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Проскурнова Евгения Леонидовна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет Российского университета дружбы народов, специальный корреспондент ТК «ТВ Центр», Москва, Россия; e-mail: karikh.el@gmail.com

ПРОФЕССИЯ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТА В ОЦЕНКЕ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ТЕЛЕВИДЕНИЕ»

В статье анализируется отношение студентов, изучающих в российских вузах основы телевизионного мастерства, к выбранной специальности. Эмпирическим материалом послужили данные анкетирования выпускников 2023 г. Актуальность исследования обусловлена симптомами кадрового кризиса в отрасли. Проведенный опрос показал, что больше половины респондентов не намерены связать жизнь с телевидением и только десятая часть проявляет интерес к производству новостей. Обнаружены важные конфликтные доминанты, указывающие на необходимость внесения корректив в образовательные программы вузов, где обучаются будущие тележурналисты. Делается вывод о целесообразности построения коммуникации нового типа между тележурналистами-практиками и студентами.

Ключевые слова: *кадровый кризис, телевизионные новости, высшее образование, тележурналистика.*

Evgeniya L. Proskurnova, PhD in Philology, Lecturer at the Chair of Mass Communications, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; Special Correspondent on the TV Center television channel, Moscow, Russia; e-mail: karikh.el@gmail.com

ASSESSMENT OF THE TV JOURNALIST'S PROFESSION BY STUDENTS STUDYING TV JOURNALISM

In the age of extremes, the global media system faces crucial crises, which concerns all the stages of content production, affects work practices, changes the ways of advertising spending and transforms communicative relationship between journalism and the public. The changing media environment affects first of all traditional media, especially news brands. Radio stations, print media and TV channels are forced to produce and distribute news content via multiple platforms, struggling for life, trying to find new existential meanings by means of profoundly modifying patterns of information consumption. Today it is necessary to examine the dichotomy of using the news, which was revealed during the multicrisis of 2019–2022, when the audience was divided into two parts – "doomscrollers" and "news

avoiders". As a result, understanding the professional roles of journalists and principles of modern newsrooms became complicated tasks. Such a metamorphosis is making pluralization of functions the main characteristic of a job in a newsroom and leading to a shift in perceiving the analyzed specialization. An increasing demand for journalists as writers, videographers, video editors, curators, content creators and bloggers at the same time awakens fear in the new generation. News production is considered by youngsters as an extremely difficult occupation. This study examines Russian students' attitude to working on TV and uncovers some important problems of higher journalistic education in Russia. In the present article, we tried to find out if there is a threat of the personnel crisis in the TV news industry. Our research draws upon student interviews. A quantitative survey demonstrates how young people, who chose television as a field of study, understand this vocation and highlights that only one tenth of respondents want to make television news after graduation. The main aim of this paper is to analyze what factors have an impact on shaping students' opinion about modern television. The scientific novelty and relevance of the survey are based on the fact that eventual oncoming employee crises of news television is poorly studied at the moment and a clear description of reasons for the declining interest in TV journalism among students is presented for the first time. The conclusion discusses what exactly could be done by the community of TV journalists and by university lecturers to motivate the youth to become part of the television world.

***Key words**: personnel crisis, television news, higher education, TV journalism.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.2141

Введение

Метаморфоза мирового информационного телевещания в настоящее время выходит на новый уровень. Динамику процессов конвергенции и дигитализации, определяемых в качестве ключевых драйверов революции в телевизионном мире, в значительной степени ускорил мультикризис экзистенциальных масштабов (Abbasi, 2022), детерминированный событиями 2019–2022 гг. Пандемия коронавируса, последовавшие за ней экономические и политические глобальные потрясения, проведение Россией специальной военной операции на Украине и влияние СВО на международную обстановку спровоцировали возникновение в обществе особого психологического контекста: каждый индивидуум, вне зависимости от возрастной или социальной принадлежности, на протяжении длительного времени испытывал мощное информационное давление, что отразилось в тактиках знакомства аудитории с новостями.

Обусловленные последними событиями «моральные паники» становятся одним из главных медиаэффектов современного информационного общества (Ефанов, 2019). Под влиянием данного феномена в системе массовых коммуникаций возникает парадокс.

С одной стороны, в моменты концентрации медиасобытий условно негативного характера интенсифицируется потребление новостных материалов. И хотя основным дискурсивным маркером при этом становится *doomscrolling* – обсессия потребления плохих новостей (Шангараева, Депутатова, Поморцева, 2021), лишенный здравого смысла непрекращающийся поиск обновлений по волнующей теме в онлайн-пространстве, внимание людей сегодня возвращается и к традиционным СМИ, в том числе к телеэфиру. Обращение Бориса Джонсона к нации, записанное весной 2020 г. и связанное с объявлением локдауна, стало вторым по количеству просмотров транслируемым эпизодом в истории ТВ Великобритании: выступление премьер-министра увидели 27 млн британцев[1]. В России весной 2020 г. телевизионные информационные передачи в качестве источника информации опередили по популярности онлайн-ресурсы, выйдя на первое место[2]. В марте 2022 г., спустя месяц после объявления Кремлем начала боевых действий на Украине, 39% россиян вновь признавались, что стали чаще узнавать о происходящем из газет, радио- и телеэфира[3]. После событий 24 февраля 2022 г. телевизионные рейтинги впервые за несколько лет продемонстрировали рост в целом ряде стран, в частности в государствах Европы (наивысший показатель у Германии: 46% немцев в 2022 г. получали данные о событиях на Украине из телеэфира). В моменты обострения обстановки для многих именно ТВ становится основным каналом информации о конфликте между Киевом и Москвой. Такой паттерн медиапотребления, к примеру, характерен для жителей Бразилии, Великобритании и США (44%, 39% и 31% соответственно)[4].

С другой стороны, фиксируется прямо противоположный вектор в медиапотреблении, природа которого тесно связана с депрессивной повесткой, — игнорирование «плохих» известий (*news avoidance*). Летом 2022 г. о сознательном отказе получать новостную информацию заявляли в Бразилии 54%, в США 46%, в Польше 47%, в Германии 36%, в Австрии 39%, во Франции 36% и в Японии 14% жителей[5]. По всему миру в 2022 г. 36% людей старались минимизировать контакт с источниками распространения актуальных данных[6].

Такая дихотомия затрудняет прогнозирование сценариев медиапотребления, а значит, и поиск новых практик создания и распространения контента, остро необходимых для решения главной проблемы мирового новостного телевещания – поступательного снижения рейтингов, фиксируемого в последние годы. Говорить

приходится не только о постепенной потере интереса аудитории к теленовостям, но и в целом к телеэфиру (Волкова, Проскурнова, Чан, 2021: 157–170). Трансформация социальной перцепции образа телевидения как СМИ, которое переживает период упадка, формирование новой позитивной парадигмы в подобных условиях становятся трудноразрешимыми проблемами.

Российское информационно-аналитическое телевещание сегодня оказывается перед еще одной сложной дилеммой. Выбранный отечественным телевизионным менеджментом формат подачи информации о событиях последних четырех лет породил максимально амбивалентное восприятие аудиторией телеэфира — от идеализации до демонизации. В итоге возникает конфликт между двумя большими социальными группами — теми, кто безоговорочно доверяет транслируемым смыслам, и теми, кто априори воспринимает распространяемую ТВ информацию как вводящую в заблуждение. В условиях максимальной поляризации мнений возникает опасность искажения образа российского телевидения в сознании не только зрителей новой волны, но и будущих тележурналистов, что в перспективе грозит телевизионной отрасли кадровым кризисом. С этим в первую очередь связана актуальность представленного исследования. У студентов, проходящих обучение в вузах по направлению подготовки «Телевидение», появляются основания сомневаться в перспективности выбранной профессии и рассматривать альтернативные сферы деятельности еще в процессе обучения. На этом фоне важно понять, по какой причине телевещание не пользуется авторитетом у значительного числа молодых людей, с какими именно сложностями ассоциируется у них работа на ТВ и как много студентов, целенаправленно выбравших тележурналистику как специальность, в подобных условиях готовы связать свою жизнь с телевидением. В то же время стоит проанализировать стратегии, которые могут оказаться наиболее эффективными для привлечения интереса студенческого сообщества к практической тележурналистике.

Предлагаемая статья является результатом анализа данных всероссийского анкетирования, в котором приняли участие студенты, изучающие основы телевизионной деятельности в отечественных вузах. Первоочередной целью исследования стало выявление отношения респондентов к специальности тележурналиста. В качестве исследовательских вопросов выдвигаются следующие:

– Рассматривают ли студенты отечественные телеканалы в качестве возможного места работы?

– Хотели ли бы респонденты связать свою жизнь с производством непосредственно теленовостей?

– Насколько полезным оказалось обучение в вузе в контексте подготовки к работе на ТВ?

– По какой причине молодые люди выбрали такую специальность?

Чтобы определить актуальные аспекты функционирования современных телеканалов, влияющие на формирование мнения аудитории о ТВ как источнике новостной информации, и в результате составить список вопросов для анкеты, были проанализированы работы по изучению инструментов создания контента для телеэфира в эпоху дигитализации (Вартанова, 2022 а, б; Волкова, Проскурнова, Чан, 2021; Долгова, 2021; Ефанов, 2018; Манскова, 2021; García-Perdomo, 2020); исследования, рассматривающие различные аспекты перестройки современного информационного телевещания с позиции языкознания (Громова, Ершов, 2020; Евграфова, 2020), социологии журналистики (Вырковский, Макеенко, 2021), политической пиарологии (Сулейманова, 2021; Бородин, 2022), медиапсихологии (Казючиц, Спутницкая, 2020), медиафилософии (Черных, 2013), медиаметрии (Munslow, 2022[7]; Zerrahn, 2022[8]), а также наук об образовании (Авдонина, Койбина, 2020; Ильичёва, Кузьменкова, Громова, 2022; Algavi, Desyaeva, Kilpelyaynen, Volkova, 2017; Пугачёв, 2022).

В результате синтеза полученных данных был сделан вывод, указывающий на необходимость внесения корректив в образовательный процесс в вузах, реализующих подготовку тележурналистов, переосмысления коммуникативных практик между студентами и преподавателями, обнаружения превентивных решений кадровых проблем отечественного телевещания современным медиаменеджментом и преподавательским сообществом.

Методика

Основным инструментом представленного исследования является специально разработанная автором стандартизированная анкета. В итоговый вариант документа были включены вопросы с большим количеством возможных ответов, позволяющих указать собственную версию. Такая тактика должна была способствовать, как представляется, созданию стереоскопической картины, позволяющей в полной мере оценить отношение студентов к учебному процессу и выбранной профессии.

Прежде чем приступить к составлению списка вопросов для анкеты, на начальном этапе исследования возникла необходимость в изу-

чении информационного контекста, внутри которого происходит формирование мнения молодежи о современном телевидении в целом и новостном телевещании в частности. Для решения поставленной задачи были изучены публицистические, статистические (García-Perdomo, 2022)[9, 10, 11, 12, 13] и научные материалы. Совокупность собранных сведений позволила определить и эксплицировать ряд важных нарративов, создающих образ мировой телевизионной системы и спровоцировавших дискуссию в медиапространстве в 2021–2022 гг., в результате чего удалось сформулировать теоретические положения, рассматриваемые нами как исходные для исследования.

В современных условиях тележурналистам сложно выстраивать коммуникацию со зрителем, искушенным в вопросе потребления информации, следить за динамикой его предпочтений. Для того чтобы работать в телевизионной редакции, сегодня нужно уметь создавать контент и для линейного эфира, и для большого числа онлайн-платформ телеканала, что, в свою очередь, сопряжено с необходимостью освоения множества компетенций и требует серьезных трудозатрат. Сильный негативный эффект на студентов может оказывать транслируемый в СМИ и научной литературе образ ТВ как медиа, обладающего туманными перспективами. Стоит упомянуть и о возникновении в сознании молодых людей опасной контроверзы: действительно ли в цифровую эпоху есть необходимость в получении высшего образования для дальнейшей работы на ТВ или это специальность, которую может освоить любой за стенами вуза? Другой значимой переменной в контексте рассматриваемой проблемы является кризис доверия к отечественному информационно-аналитическому телевещанию (Казючиц, Спутницкая, 2020: 14–24), которое многие в России и за рубежом ассоциируют со словом «пропаганда»[14, 15, 16]. Невозможно игнорировать и тот факт, что часть студентов-выпускников 2023 г. демотивирована вследствие перехода на дистант в период пандемии коронавируса. Молодые люди столкнулись с оказавшимся для многих травматичным опытом, длительное время постигая учебный материал в удаленном формате. Согласно данным всероссийского опроса (Алешковский, Гаспаришвили, Крухмалева, Нарбут и др., 2020), только пятая часть (22,3%) студентов всех специализаций, получающих образование в отечественных вузах, спокойно восприняла смену формата обучения. У остальных это вызвало «целый ряд эмоций, страхов и беспокойств».

Второй этап представленного исследования связан с попыткой выяснить, сталкиваются ли сегодня новостные телевизионные редак-

ции с дефицитом специалистов. Ответить на вопросы автора согласились – при условии анонимности – сотрудники шести отечественных федеральных телеканалов («Первый», «Россия 1», «ТВ Центр», «360», «Россия 24», «РЕН ТВ»), своими наблюдениями поделились 15 человек (среди них — корреспонденты, ведущие, шеф-редакторы, режиссеры, продюсеры). Выяснилось, что в связи с объявлением Россией СВО на Украине и позже мобилизации ряд тележурналистов (нужно отметить, что процесс не носил массового характера) предпочли уволиться, некоторые впоследствии покинули страну. Был экстренно проведен набор новых работников. Наши собеседники полагают, что сейчас говорить о наличии кадрового кризиса в информационном сегменте ТВ не приходится. Однако снижение популярности новостного телевидения у молодежи беспокоит собеседников. В обозримой перспективе, считают они, все направления телевещания неминуемо столкнутся с проблемой нехватки специалистов, и спровоцировано это будет скорее не конкретными событиями, а общими тенденциями, вписывающимися в процессы конвергенции и дигитализации медиа.

На третьем этапе был организован опрос учащихся российских вузов направления подготовки «Телевидение». Высказать свое мнение предлагалось исключительно студентам 4 курса бакалавриата, которые в 2023 г. должны были получить диплом о высшем образовании и стать полноценными субъектами рынка труда. Временные рамки исследования — сентябрь–октябрь 2022 г. Сбор данных проводился при использовании программы для онлайн-администрирования вопросов *Google Forms*. В общей сложности опросный лист содержал 9 вопросов (см. табл. 1). Анкетирование проходило в анонимном формате, что, на наш взгляд, способствовало получению откровенных ответов. Первый вопрос был включен в таблицу для того, чтобы выяснить, какое количество студентов из каждого вуза заполнили анкету. Выбор остальных 8 вопросов, согласно идее автора представленной работы, должен был способствовать решению основной задачи исследования: определить, сколько респондентов хотят работать по выбранной специальности в условиях, подробно описанных выше, понять, что привлекает и отталкивает студентов в телевизионной деятельности, а также оценить общее впечатление учащихся от образовательного процесса. В анкету было решено не включать вопрос, касающийся оценки суггестивного воздействия на сознание и подсознание студентов информации о современном телевещании, поступающей из разных источников: автор отталки-

вался от предположения, согласно которому получить объективный ответ в данном случае практически невозможно, так как немногие молодые люди готовы рассматривать себя в качестве объекта манипуляции. Кроме того, есть основания считать теорию, согласно которой медиасреда оказывает мощное влияние на мнение аудитории, аксиоматической. В результате анализа степени изученности проблемы и выявления множества посвященных ей исследований, из списка потенциальных вопросов был исключен пункт, связанный с восприятием дистанционного обучения студентами (только на сайте научной библиотеки *CyberLeninka* удалось обнаружить свыше 400 статей, опубликованных в научных изданиях из перечня ВАК, с использованием для поиска ключевых слов «дистант», «студенты», «оценка»).

Ряд вопросов предполагал выбор неограниченного количества вариантов. Помимо прочего, респонденты могли указать свой вариант.

Таблица 1

Вопросы студентам 4 курса бакалавриата направления подготовки «Телевидение»

№	Содержание вопроса
1	В каком вузе вы проходите обучение?
2	Вы планируете работать в качестве тележурналиста? (*если ответ отрицательный, укажите, по какой специальности вы хотели бы работать?)
3	Какими плюсами, по вашему мнению, обладает профессия тележурналиста?
4	По какой причине вы приняли решение получить высшее образование по направлению «Телевидение»?
5	Какими минусами обладает, по вашему мнению, профессия тележурналиста?
6	Если вы планируете связать свою профессиональную деятельность с телевидением, контент какого формата вы хотели бы создавать?
7	Какие нюансы образовательного процесса вызвали у вас разочарование во время обучения в вузе?
8	В какой момент, по вашему мнению, лучше всего начать работать тележурналистом?
9	Зачем будущему тележурналисту необходимо высшее образование?

Возможность ответить была предоставлена всем учащимся вузов, с которыми удалось договориться о проведении анкетирования: доступ к документу в *Google Forms* открывался по ссылке из письма, распространяемой в каждом учебном заведении по внутренней базе электронных адресов сразу всем студентам 4 курса

направления «Телевидение». Таким же образом было направлено дополнительно два письма с напоминанием о просьбе заполнить анкетный лист. Опрос носил добровольный характер, поэтому работа велась в условиях доступной выборки. Суммарно были получены ответы от 102 человек из 288 (см. табл. 2).

Отдельно отметим, что в России специальность 42.03.04 представлена в 11 высших учебных заведениях. При подготовке опроса осуществлялась связь с деканами факультетов и заведующими кафедрами, организующими обучение тележурналистов. От 8 вузов было получено разрешение на проведение анкетирования (см. табл. 2). По обоюдному согласию с деканатом было принято решение не проводить опрос студентов Института кино и телевидения (ГИТР): студенты данного вуза, обучаясь по направлению «Телевидение», готовятся стать режиссерами, не тележурналистами. Руководство двух вузов – Казанского федерального университета и Саратовского государственного технического университета – отказало в проведении анкетирования без указания причин.

Таблица 2

Распределение опрошенных студентов по вузам

Название вуза	**Кол-во респондентов**	**Кол-во студентов 4 курса бакалавриата, проходящих обучение по направлению «Телевидение»**
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы	16	18
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова	20	41
Владивостокский государственный университет	11	31
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения	15	40
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева	24	31
Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина	8	40
Воронежский государственный университет	4	24
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина	4	63

Результаты

К концу обучения больше половины студентов приходят к выводу, что работать в телеиндустрии не готовы. Чаще всего решение сделать выбор в пользу другой специальности, как удалось определить, связано с тем, что профессия тележурналиста в сознании студентов ассоциируется с необходимостью выполнять большой объем работы в короткие сроки. В то же время некоторые студенты считают, что «работа на современном ТВ предполагает манипуляцию и ложь», в телевизионном мире «нет свободы творчества» и «много пропаганды». При этом производство новостей вызывает у студентов наименьший интерес среди прочих направлений телевизионной деятельности.

Кроме того, анкетирование позволило выявить конфликтные точки в системе преподавания дисциплин, изучаемых студентами направления «Телевидение» (ФГОС специальности утвержден Министерством образования РФ в 2017 г.). Значительное число опрошенных выражают неудовлетворенность форматом подачи информации и содержанием курса.

Оценка студентами различных аспектов работы тележурналиста

Проведенный опрос показал, что связать профессиональную жизнь с телевидением планируют 47,1% респондентов. Студентам, выбравшим отрицательный ответ (52,9%), предлагалось уточнить, какая специальность представляет для них интерес. Учащиеся ответили, что хотели бы состоятся в качестве режиссера, переводчика, монтажера, видеооператора, дизайнера, ивент-менеджера, продюсера, бортпроводника, веб-дизайнера, музыканта, актера, режиссера-сценариста анимационных сериалов, графического дизайнера, автора публицистических материалов или специалиста в области *PR* (отметим, что некоторые варианты ответов повторяются, выше перечислены обобщенные данные). Несколько респондентов признались, что пока затрудняются ответить на указанный вопрос, еще один студент заявил, что готов работать в любой другой сфере, «где можно зарабатывать и не унижаться».

При этом учащиеся видят в профессии тележурналиста множество преимуществ. 80,4% студентов признались, что их привлекает возможность посещать интересные места, куда закрыт доступ для

представителей других профессий, общаться с политиками, деятелями культуры, учеными, руководителями крупных компаний, получать важную информацию из первоисточников. 70,6% интересна творческая составляющая деятельности. 67,6% считают тележурналистов яркими, неординарными личностями и признаются, что хотели бы видеть именно таких людей среди своих коллег. 38,2% интересна работа в кадре; 36,3% – возможность сформировать компетентное мнение по важным вопросам современности; 21,6% – частые командировки; 19,6% – уровень заработной платы; 13,7% – «плавающий» график.

В то же время, по мнению студентов, выбранная ими специальность имеет множество недостатков. 67,3% студентов опасаются, что ненормированное расписание не позволит планировать личное время; 59,4% боятся столкнуться с проблемой трудоустройства; 58,4% находят высокой вероятность творческого выгорания из-за сложности выполняемой работы; 49,5% не удовлетворены уровнем заработной платы в отрасли; 44,6% смущает жесткая конкуренция; 40,6% – высокая скорость исполнения задач и большой объем обязанностей; 12,9% смущает необходимость «очень много знать и писать качественные тексты», такое же количество – «частые командировки». Несколько студентов предпочли поделиться своими собственными представлениями об отрицательных сторонах работы на ТВ. Молодые люди боятся, что могут столкнуться с «рисками развода в семье», оказаться лишенными свободы творчества и возможности говорить то, что считают верным, что «работа на современном телевидении предполагает манипуляцию и ложь».

Студентам отделения «Телевидение» также предлагалось рассказать, по какой причине они решили поступить на данное направление. 57,5% рассказали, что среди других сфер деятельности тележурналистика на момент совершения выбора казалась им наиболее интересной; 12,3% признались, что хотели бы изучать основы другой специализации, но для поступления им не хватило баллов ЕГЭ; еще 12,3% привлекла публичность работы на ТВ; 5,5% надеются, что смогут получать высокую зарплату; 2,7% к такому решению склонили родители. Несколько респондентов оставили персонализированные комментарии. При поступлении для них оказались важными следующие факторы: возможность «узнать больше о технической стороне телевидения», «широкий спектр изучаемых дисциплин

на факультете», тот факт, что в списке предметов вуза присутствуют основы видеомонтажа, что это «один из самых творческих факультетов в городе», еще два респондента признались, что их «вдохновили журналисты Ирина Шихман и Юрий Дудь»[17], а также программа «Орел и решка».

Те студенты, которые планируют работать на ТВ, хотели бы создавать развлекательные передачи (37%), телесериалы (26%), документальные фильмы (16%), интервью (11%), новостные передачи (10%).

Оценка студентами направления «Телевидение» образовательного процесса

Часть вопросов в анкете посвящена исследованию восприятия студентами образовательного процесса. Некоторые аспекты обучения в вузе, как удалось выяснить, вызывают у респондентов разочарование. Так, 66,3% молодых людей недовольны дефицитом практических занятий, а 45,5% обилием теоретического материала. Необходимость внесения этих двух вариантов в список возможных ответов была подсказана автору исследования собственным опытом общения со студентами. Нередко молодые люди выражают недовольство отсутствием возможности применить многие полученные знания на практике, и для указанной группы именно этот аспект формирует общее негативное мнение о процессе обучения. Другая группа учащихся считает достаточным эмпирический опыт, приобретаемый в том же вузе, но задается вопросом, зачем, в частности, в программу включены предметы, которые еще недавно были пройдены ими в школе (к примеру, «История России»).

48,5% считают форму преподавания скучной и неактуальной, преподаваемый материал не соответствующим современным требованиям к профессии (43,6%); 34,7% студентов хотели бы получать больше примеров из реальной практики; 23,8% желали бы освоить навыки съемки и монтажа, но таких предметов в вузе не обнаружили; 10,9% не удается выстроить коммуникацию с преподавателями вне занятий. 14 человек сочли необходимым указать свои версии ответов. Среди них: «хочется больше интересных заданий и пар», «все из перечисленного не актуально», «на стажировке оказалось, что я не знаю, как сделать интересный сюжет», «4 года – много для этой специ-

альности», «мало профессиональных дисциплин», «материал на разных парах повторяется», «при существовании дисциплин по режиссуре и монтажу они не преподаются как надо», «тяжело найти место для практики», «некомпетентность преподавателей», «непроработанный план обучения», «поверхностное ознакомление с некоторыми навыками», «затрудняюсь ответить». Один из ответов был предоставлен в развернутом виде: «1. Очень мало времени уделено закадровой работе: режиссура, продюсирование, технические аспекты остаются практически неизученными. 2. В институте преподаватели с других кафедр понятия не имеют, кто мы и чему нас учить. 3. Преподаватели с кафедры телевидения учат все время одному и тому же. Много лет мы слышим одну и ту же информацию, но от разных людей. 4. Очень не хватает более подробного изучения кинематографа и телевизионных передач. По итогу мы смотрели то, что сами решили, а не то, что нам бы могли предложить преподаватели (в теории они должны понимать, что у такой-то программы есть свои плюсы и минусы и именно поэтому мы должны ее посмотреть)».

Респондентам также предлагалось ответить, зачем, по их мнению, тележурналисту высшее образование. Как выяснилось, в финале обучения всего 17,3% опрошенных студентов приходят к выводу, что получить нужные для работы на ТВ навыки можно исключительно в вузе. 12,2% уверены, что у человека без высшего образования в обществе репутация «неудачника». 28,6% считают, что без диплома затруднительно получить работу. Еще столько же молодых людей поделились откровенным мнением: учеба в вузе для них является важным психологическим этапом взросления. Остальные 13,3% студентов полагают, что необходимые для тележурналиста знания можно приобрести во время прохождения онлайн-курсов и просмотра видеоуроков.

Большинство студентов (70,3%) убеждены, что поиск работы на телевидении необходимо начать на 3–4 курсах, 20,8% озаботились данным вопросом еще в начале обучения, 8,9% считают возможным трудоустройство только после получения диплома о высшем образовании.

Дискуссия и заключение

Проведенный анализ продемонстрировал необходимость переосмысления некоторых принципов своей деятельности и тележурналистами-практиками, и преподавателями вузов, организующими подготовку студентов по направлению «Телевидение». Одним из возможных шагов на пути решения рассмотренных проблем может стать построение качественно новой коммуникации между студенческим сообществом и сообществом тележурналистов (в форматах мастер-классов, проведения экскурсий на телеканалах, общения в неформальной обстановке, организации краткосрочных онлайн- и офлайн-курсов по узкоспециализированной тематике в рамках телепроизводства и т. д.). Еще одной важной миссией опытных тележурналистов, по нашему мнению, является оказание всякого рода поддержки проходящим практику студентам, а также молодым сотрудникам – с целью помочь им адаптироваться к непростым условиям работы на ТВ. Чрезвычайно важна также демонстрация позитивных аспектов процесса создания контента для телеэфира. Эта рекомендация касается, прежде всего, журналистов новостных телевизионных редакций, так как именно в информационном вещании приходится наиболее быстро исполнять задачи, ежедневно преодолевать множество стрессовых ситуаций, демонстрировать навык эффективного взаимодействия с коллегами, компетентность в вопросах поиска интересной информации, общения с героями материалов, создания качественных текстов и работы с аудиовизуальным рядом. При этом, по нашему мнению, руководству стоило бы финансово поощрять сотрудников, которые уделяют внимание практикантам и молодым кадрам.

Результаты опроса позволяют предположить, что преподавательскому сообществу следует обнаружить, проанализировать и внедрить в программу новые сценарии работы со студентами направления «Телевидение», ведь многие из них еще до окончания вуза отказались от идеи применять полученные в вузе знания на практике. Какие шаги окажутся эффективными для изменения отношения молодых людей к телевещанию, мотивирования их на работу в отрасли, демонстрации перспектив профессии — вопрос первостепенной важности. Кроме того, педагогам следует самым серьезным образом пересмотреть подход к предлагаемой студентам для ознакомления литературе, фильмам, роликам, передачам.

В некоторой корректировке, вероятно, нуждается и курс по медиаграмотности, в рамках которого студентов важно обучать гигиене потребления информации в цифровую эпоху. Также, по мнению автора, необходимо смягчить восприятие студентами работы в телевизионной отрасли как деятельности, сопряженной с большим числом трудностей.

В ходе подготовки кадров непосредственно для новостного телеэфира важно предлагать студентам конкретные методики и инструменты поиска новостей, продюсирования, написания текстов, планирования и программирования, монтажа, видеосъемки и т. д. Овладение практическими навыками может вселить в молодых людей уверенность в собственных силах и вдохновить на работу по выбранной специальности.

Примечания

[1] Boris Johnsons' Covid-19 address is one of most watched TV programmes ever (2020) *The Guardian*. Режим доступа: https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2020/mar/24/boris-johnsons-covid-19-address-is-one-of-most-watched-tv-programmes-ever (дата обращения: 15.10.2022).

[2] Российский медиаландшафт — 2020 // Левада-центр. 2020. Режим доступа: https://www.levada.ru/ 2020/04/28/rossijskij-medialandshaft2020/ (дата обращения: 28.10.2022).

[3] Стали ли люди чаще, чем раньше, обращаться за новостями к традиционным СМИ и Интернету? // ФОМ. 2022. Режим доступа: https://fom.ru/SMI-i-internet/14705 (дата обращения: 20.10.2022).

[4] Digital news report 2022 (2022) *Reuters institute for the study of journalism*. Режим доступа: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022 (дата обращения: 17.10.2022).

[5] Bad News? Nein danke! Umfrage zum aktiven Vermeiden von Nachrichten (2022) *Statista*. Режим доступа: https://de.statista.com/infografik/27622/umfrage-zum-aktiven-vermeiden-von-nachrichten/ (дата обращения: 13.10.2022).

[6] More people are avoiding the news, and trusting it less (2022) *Reuters*. Режим доступа: https://www.reuters.com/business/media-telecom/more-people-are-avoiding-news-trusting-it-less-report-says-2022-06-14/ (дата обращения: 23.10.2022).

[7] Munslow J. (2022) Gen Z demands personality from journalists. *Nieman Lab: predictions for journalism*. Режим доступа: https://www.niemanlab.org/2021/12/gen-z-demands-personality-from-journalists/ (дата обращения: 20.10.2022).

[8] Zerrahn B. (2022) Gen Z readers need news media to know these 3 things. *Inma*. Режим доступа: https://www.inma.org/blogs/media-leaders/post.cfm/gen-z-readers-need-news-media-to-know-these-3-things (дата обращения: 15.10.2022).

[9] Gen Z readers need news media to know three things (2022) *Inma*. Режим доступа: https://www.inma.org/blogs/media-leaders/post.cfm/gen-z-readers-need-news-media-to-know-these-3-things (дата обращения: 21.10.2022).

[10] Living our lives online (2022) *Ofcom*. Режим доступа: https://www.ofcom.org.uk/news-centre/2022/living-our-lives-online (дата обращения: 20.10.2022).

[11] Lynes M. (2022) What do Gen Z want from news publishers? *Twipe mobile*. Режим доступа: https://www.twipemobile.com/what-do-gen-z-want-from-news-publishers/ (дата обращения: 18.10.2022).

[12] News media readership ratings — 2022 (2022) *Axios*. Режим доступа: https://www.axios.com/2022/07/12/news-media-readership-ratings-2022 (дата обращения: 18.10.2022).

[13] Zerrahn B. (2022) Gen Z readers need news media to know these 3 things. *Inma*. Режим доступа: https://www.inma.org/blogs/media-leaders/post.cfm/gen-z-readers-need-news-media-to-know-these-3-things (дата обращения: 15.10.2022).

[14] Collet E. (2022) A la télévision russe, la propagande fait de moins en moins recette. *Le Monde*. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/08/26/a-la-television-russe-la-propagande-fait-de-moins-en-moins-recette_6139051_3210.html (дата обращения: 16.10.2022).

[15] Russian TV propaganda reliable sources (2022) *CNN*. Режим доступа: https://edition.cnn.com/2022/04/12/media/russian-tv-propaganda-reliable-sources/index.html (дата обращения: 20.10.2022).

[16] Inside Putin's propaganda machine (2022) *New Yorker*. Режим доступа: https://www.newyorker.com/news/annals-of-communications/inside-putins-propaganda-machine0.2022 (дата обращения: 20.10.2022).

[17] Внесены Минюстом России в список физлиц-иноагентов

Библиография

Авдонина Н. С., Койбина Д. С. Ценностный аспект образования в контексте формирования профессиональной идентичности будущих журналистов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. № 2. С. 212–217.

Алешковский И. А., Гаспаришвили А. Т., Крухмалева О. В., Нарбут Н. П., Савина Н. Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. № 10. С. 86–100.

Бородин П. А. Политическая реклама как форма коммуникации с молодежной аудиторией в социальных сетях // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 300–305.

Вартанова Е. Л. (а) Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // МедиаАльманах. 2022. № 1 (108). С. 8–13.

Вартанова Е. Л. (б) К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // МедиаАльманах. 2022. № 2 (109). С. 8–14.

Волкова И. И., Проскурнова Е. Л., Чан Т. Т. З. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157–170.

Волкова И. И., Кемарская И. Н., Лободенко Л. К., Уразова С. Л., Шестеркина Л. П. Экосистема медиа: цифровые модификации: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021.

Вырковский А. В., Макеенко М. И. Основные характеристики трудовой биографии молодых выпускников факультетов журналистики в Москве в 2010-е годы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 2. С. 49–92. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.4992

Громова Е. Б., Ершов Ю. М. Смысловые структуры телевизионных новостей // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 280–297. DOI: 10.17223/19986645/68/14

Долгова Ю. И. Локальное телевидение: программирование и контент-стратегии в цифровую эпоху // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2021. № 73. С. 311–333. DOI: 10.17223/19986645/73/17

Евграфова Ю.А. Реализация герменевтического круга в гетерогенном экранном тексте // Филология: научные исследования. 2020. № 9. С. 29–36. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.9.33863

Ефанов А. А. Трансформация практик медиапотребления в условиях дигитализации телевидения // Научное обозрение. 2018. № 1. С. 1–7.

Ефанов А. А. Социальные последствия медиавоздействия: монография. Москва: Флейта, 2019.

Ильичёва В. В., Кузьменкова К. Е., Громова Е. Б. Технологии *peer learning* и *edutainment* в развитии профессиональных компетенций студентов медийных специальностей // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2022. №1. С. 158–170. DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-158-170

Казючиц М. Ф., Спутницкая Н. Ю. Информационное вещание российского телевидения: к вопросу негативного оценивания // Телекинет. 2020. № 2 (11). С. 14–24.

Манскова Е. А. Проблемы трансформации медиастратегий российских региональных телекомпаний в условиях кризиса традиционных СМИ // Филология и человек. 2021. № 4. С. 140–147. DOI: 10.14258/filichel (2021)4-12

Пугачёв М. А. Волны развития медиаобразования: синхронический и диахронический аспекты // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2022. № 1. С. 147–157. DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-1-147-157

Сулейманова Ш. С. Технологии политических манипуляций в медиапространстве // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. № 1. С. 62–70.

Черных А. И. Медиа и ритуалы. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2013.

Шангараева Л. Ф., Депутатова Н. А., Поморцева Н. П. Образование неологизмов в медиаполитическом дискурсе современного английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 7. С. 2151–2156. DOI: https://doi.org/10.30853/phil210320

Abbasi K. (2022) Climate, pandemic, and war: an uncontrolled multicrisis of existential proportions. *The BMJ* 376 (o. 689): 1–2. DOI: https://doi.org/10.1136/bmj.o689

Algavi L. O.. Desyaeva E. S., Kilpelyaynen E. S., Volkova I. I. (2017) Education Environment for the Information Age. Gamification In Education: Boss Fight. In S. K. Lo (ed.) *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Future Academy. Vol. 28.* Pp. 61–69. DOI: https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.8

García-Perdomo V. (2022) Re-Digitizing Television News: The Relationship between TV, Online Media and Audiences. *Digital Journalism* 9 (2): 136–154. DOI: https://doi.org/10.1080/21670811.2020.1777179

Notes

Bad news? Nein danke! Umfrage zum aktiven Vermeiden von Nachrichten [Bad news? No thanks! A survey on actively avoiding messages] (2022) *Statista*. Available at: https://de.statista.com/infografik/27622/umfrage-zum-aktiven-vermeiden-von-nachrichten/ (accessed 13.10.2022).

Boris Johnsons' COVID-19 address is one of most watched TV programmes ever (2020) *The Guardian*. Available at: https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2020/mar/24/boris-johnsons-covid-19-address-is-one-of-most-watched-tv-programmes-ever (accessed 15.10.2022).

Collet E. (2022) A la télévision russe, la propagande fait de moins en moins recette [On Russian television, propaganda is less and less successful]. *Le Monde*. Available at: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/08/26/a-la-television-russe-la-propagande-fait-de-moins-en-moins-recette_6139051_3210.html (accessed 16.10.2022).

Digital news report 2022 (2022) *Reuters Institute for the Study of Journalism*. Available at: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/digital-news-report/2022 (accessed 17.10.2022).

Gen Z readers need news media to know three things (2022) *Inma*. Available at: https://www.inma.org/blogs/media-leaders/post.cfm/gen-z-readers-need-news-media-to-know-these-3-things (accessed 21.10.2022).

Inside Putin's propaganda machine (2022) *New Yorker*. Available at: https://www.newyorker.com/news/annals-of-communications/inside-putins-propaganda-machine0.2022 (accessed 20.10.2022).

Living our lives online (2022) *Ofcom*. Available at: https://www.ofcom.org.uk/news-centre/2022/living-our-lives-online (accessed 20.10.2022).

Lynes M. (2022) What do Gen Z want from news publishers? *Twipe Mobile*. Available at: https://www.twipemobile.com/what-do-gen-z-want-from-news-publishers/ (accessed 18.10.2022).

More people are avoiding the news and trusting it less (2022) *Reuters*. Available at: https://www.reuters.com/business/media-telecom/more-people-are-avoiding-news-trusting-it-less-report-says-2022-06-14/ (accessed 23.10.2022).

Munslow J. (2022) Gen Z demands personality from journalists. *Nieman Lab: predictions for journalism*. Available at: https://www.niemanlab.org/2021/12/gen-z-demands-personality-from-journalists/ (accessed 20.10.2022).

News Media Readership Ratings – 2022 (2022) *Axios*. Available at: https://www.axios.com/2022/07/12/news-media-readership-ratings-2022 (accessed 18.10.2022).

Rossiyskiy medialandshaft – 2020 [The Russian Media Landscape – 2020] (2020) *Levada-tsentr*. Available at: https://www.levada.ru/ 2020/04/28/rossijskij-medialandshaft2020/ (accessed: 28.10.2022).

Russian TV propaganda reliable sources (2022) *CNN*. Available at: https://edition.cnn.com/2022/04/12/media/russian-tv-propaganda-reliable-sources/index.html (accessed 20.10.2022).

Stali li lyudi chashche, chem ran'she, obrashchat'sya za novostyami k traditsionnym SMI i Internetu? [Do people more often than before turn to traditional media and the Internet for news?] (2022) *FOM*. Available at: https://fom.ru/SMI-i-internet/14705 (accessed: 20.10.2022).

Zerrahn B. (2022) Gen Z readers need news media to know these 3 things. *Inma*. Available at: https://www.inma.org/blogs/media-leaders/post.cfm/gen-z-readers-need-news-media-to-know-these-3-things (accessed 15.10.2022).

References

Abbasi K. (2022) Climate, Pandemic, and War: an Uncontrolled Multicrisis of Existential Proportions. The BMJ 376 (o. 689): 1–2. DOI: https://doi.org/10.1136/bmj.o689

Algavi L. O.. Desyaeva E. S., Kilpelyaynen E. S., Volkova I. I. (2017) Education Environment for the Information Age. Gamification in Education: Boss Fight. In S. K. Lo (ed.) *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Future Academy. Vol. 28*. Pp. 61–69. DOI: https://doi.org/10.15405/epsbs.2017.08.8

Aleshkovskiy I. A., Gasparishvili A. T., Krukhmaleva O. V., Narbut N. P., Savina N. E. (2020) Studenty vuzov Rossii o distancionnom obuchenii: ocenka i vozmozhnosti [Russian University Students about Distance Learning: Assessment and Opportunities]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* 10: 86–100. (In Russian)

Avdonina N. S., Koybina D. S. (2020) Tsennostnyy aspekt obrazovaniya v kontekste formirovaniya professional'noy identichnosti budushchikh zhurnalistov [The Value Aspect of Education in the Context of the Formation of Professional Identity of Future Journalists]. *Pedagogy. Questions of Theory and Practice* 2: 212–217. (In Russian)

Borodin P. A. (2022) Politicheskaya reklama kak forma kommunikatsii s molodezhnoy auditoriey v sotsial'nykh setyakh [Political Advertising as a Form of Communication with the Youth Audience on Social Networks]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* 2: 300–305. (In Russian)

Chernykh A. I. (2013) *Media i ritualy* [Media and Rituals]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russian)

Dolgova U. I. (2021) Lokal'noe televidenie: programmirovanie i kontent-strategii v tsifrovuyu epokhu [Local Television: Programming and Content Strategies in the Digital Age]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 73: 311–333. (In Russian)

Efanov A. A. (2018) Transformatsiya praktik mediapotrebleniya v usloviyakh digitalizatsii televideniya [Transformation of Media Consumption Practices in the Context of Television Digitalization]. N*auchnoe obozrenie* 1: 1–7. (In Russian)

Efanov A. A. (2019) *Sotsial'nye posledstviya mediavozdeystviya: monografiya* [Social Consequences of Media Effects. A Monograph]. Moscow: Fleita Publ. (In Russian)

Evgrafova Yu. A. (2020) Realizatsiya germenevticheskogo kruga v geterogennom ekrannom tekste [Implementation of the Hermeneutic Circle in a Heterogeneous Screen Text]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* 9: 29–36. (In Russian)

Gromova E. B., Ershov Yu. M. (2020) Smyslovye struktury televizionnykh novostey [Semantic Structures of Television News]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 68: 280–297. (In Russian)

Il'icheva V. V., Kuz'menkova K. E., Gromova E. B. (2022) Tekhnologii peer learning i edutainment v razvitii professional'nykh kompetentsiy studentov mediynykh spetsial'nostey [Peer Learning and Edutainment Technologies in the Development of Professional Competencies of Students in Media Specialties]. *Vestn. RUDN. Ser.: Literaturovedenie, zhurnalistika* 1: 158–170. (In Russian)

Kazuchic M.F., Sputnitskaya N. Yu. (2020) Informatsionnoe veshchanie rossiyskogo televideniya: k voprosu negativnogo otsenivaniya [News Broadcasting on Russian Television: Towards Negative Evaluation]. *Telekinet* 2 (11): 14–24. (In Russian)

Manskova E.A. (2021) Problemy transformatsii mediastrategiy rossiyskikh regional›nykh telekompaniy v usloviyakh krizisa traditsionnykh SMI [Transformation Problems of Russian Regional TV Companies' Media Strategies in the Context of the Traditional Media's Crisis]. *Philology and Human* 4: 140–147. (In Russian)

Pugachev M.A. (2022) Volny razvitiya mediaobrazovaniya: sinkhronicheskiy i diakhronicheskiy aspekty [Waves of Media Education Development: the Synchronic and Diachronic Aspects]. *Vestn. RUDN. Ser.: Literaturovedenie, zhurnalistika* 1: 147–157. (In Russian)

Shangaraeva L. F., Deputatova N. A., Pomortseva N. P. (2021) Obrazovanie neologizmov v mediapoliticheskom diskurse sovremennogo angliyskogo yazyka [Formation of Neologisms in the Media Political Discourse of the Modern English Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 7: 2151–2156. DOI: https://doi.org/10.30853/phil210320 (In Russian)

Suleymanova S.S. (2021) Tekhnologii politicheskikh manipulyatsiy v mediaprostranstve [Technologies of Political Manipulation in the Media Space]. *Kommunikologiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal* 1: 62–70. (In Russian)

Vartanova E. L. (2022 a) Menyayushchayasya arkhitektura media i tsifrovye platformy [The Changing Media Architecture and Digital Platforms]. *MediaAlmanah* 1 (108): 8–13. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.813 (In Russian)

Vartanova E. L. (2022 b) K voprosu o posledstviyakh tsifrovoy transformatsii mediasredy [Towards the Consequences of Digital Transformation of the Media Environment]. *MediaAlmanah* 2 (109): 8–14. (In Russian)

Volkova I. I., Kemarskaya I. N., Lobodenko L. K., Urazova L. P., Shestyorkina L. P. (2021) *Ekosistema media: tsifrovye modifikatsii. Monografiya* [Media Ecosystem: Digital Modifications. A Monograph]. Chelyabinsk: Publishing Center YUUrGU Publ. (In Russian)

Volkova I. I., Proskurnova E. L., Chan T. T. Z. (2021) O perspektivakh novostnogo televideniya: materialy glubinnykh interv'yu [On the Prospects of News Television: Materials of In-Depth Interviews]. *Nauchnyy dialog* 3: 157–170. DOI: 10.24224/2227-1295-20213-157-170 (In Russian)

Vyrkovskiy A. V., Makeenko M. I. (2021) Osnovnye kharakteristiki trudovoy biografii molodykh vypusknikov fakul›tetov zhurnalistiki v Moskve v 2010-e gody [Work Histories of Young Journalism Graduates in Moscow in the 2010s]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika* 2: 49–92. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2021.4992

Поступила в редакцию
17.12.2022

Ван Фан, аспирантка кафедры цифровой журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: liliya_wang@163.com

ОСОБЕННОССТИ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ И КИТАЕ В ПЕРИОД 1991–2023 ГГ.

В статье представлены результаты изучения практики саморегулирования в российской и китайской журналистике в период 1991–2023 гг. Проведен анализ эволюции регулирования в России и Китае, выявлены особенности данных процессов в обеих странах. На основе проведенного анализа кодексов профессиональной этики выявлены сходные черты и различия в ценностных установках и основных положениях «Медиаэтического стандарта 2.0» (Россия, 2021) и «Кодекса профессиональной этики» (КНР, 2019). Исследование деятельности российских и китайских организаций показало различия в механизмах реализации саморегулирования, что обусловлено национальной спецификой развития данных институтов в России и Китае.

Ключевые слова: профессиональная этика, медиаэтика, российская журналистика, китайская журналистика, саморегулирование.

Wang Fang, PhD student of the Chair of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: liliya_wang@163.com

SELF-REGULATION OF JOURNALISM IN RUSSIA AND CHINA IN 1991–2023

The article presents the results of studying the practice of self-regulation in Russian and Chinese mass media in 1991–2023. The author carried out an analysis of the evolution of regulation in Russia and China in the period under study and described the features of these processes in both countries. Based on the analysis of the codes of professional ethics, similar features and differences in the values and main provisions of the Media Ethical Standard 2.0 (Russia, 2021) and the Code of Professional Ethics (China, 2019) were identified. A case study of the activities of the Russian and Chinese organisations revealed a difference in the mechanisms for implementing self-regulation, which is accounted for by the national specifics of the development of these institutions in Russia and China.

***Key words**: proifessional ethics, media ethics, Russian journalism, Chinese journalism, self-regulatioin.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.4265

Введение

Саморегулирование является важным механизмом в практике журналистов и определяется исследователями как «сознательная, целенаправленная деятельность объединенных в профессиональное сообщество людей» (Лазутина, 2011: 97).

Журналистское сообщество не является однородным и «представляет собой собрание лиц с разными мотивациями деятельности, представлениями о должном в журналистике» (Лазутина, Панкеев, 2018: 19). При этом в эпоху «постправды» и «постистины» (Фролова, 2018: 170), по мнению экспертов, журналисты все чаще пренебрегают этическими нормами (Свитич, Чеботарев, 2022: 158). Новые этические вызовы связаны с наличием непрофессионального контента в новых медиа, который в отдельных случаях способен подорвать доверие со стороны общества к журналистике в целом. Причинами тому служат снижение уровня достоверности новостей в Интернете, рост доли непроверенной информации, случаи клеветы, преследований, нарушения конфиденциальности, что обусловлено порой отсутствием образования у так называемых «лидеров мнений» в социальных сетях (Вэй Янинь, 2014: 27).

В условиях отсутствия у самих журналистов потребности в самодисциплине и готовности к эффективному саморегулированию все большее значение приобретает государственное регулирование медиасреды (Ван Цзянь, 2015: 9). Централизация управления происходит последовательно в бизнес-сфере, политической сфере и медиасфере. Ограничивая вседозволенность, «проводя запретительную, ограничительную и принудительную политику, государство не просто демонстрирует свои властные позиции, но и защищает интересы общества и личности» (Лазутина, Панкеев, 2018: 20).

Особенности журналистского саморегулирования в разных странах связаны со спецификой политической системы, ролью СМИ в общественных процессах и рядом других факторов. Представляется, что сравнительный анализ особенностей и характера трансформации этических норм и положений профессионально-этических кодексов журналистских сообществ таких разных с точки зрения исторических и социокультурных характеристик странах, как Россия и Китай, поможет осмыслить и выявить ключевые тенденции в этой сфере. Необходимость

осмысления практик саморегулирования этих стран обусловлена тем, что российская журналистика, находясь под влиянием процессов девестернизации, постепенно уходит от однозначно западной модели, которой придерживалась ранее. В то же время в китайской журналистике, напротив, отмечается тенденция к большей интеграции в практику основополагающих принципов международных этических стандартов, но при этом сохраняется выраженная национальная профессионально-этическая специфика.

Следует отметить, что исследователи традиционно выделяли в качестве базовых либеральную и этатистскую модели регулирования медиасреды (Вартанова (ред.), 2013: 31). К особенностям либеральной модели регулирования относят «развитые формы саморегулирования общественных институтов, делегирование государственных функций общественным организациям, слабую политическую цензуру либо ее полное отсутствие» (Вартанова (ред.), 2013: 31). Вторая модель характеризуется «патерналистской ролью государства, которое имеет самые широкие полномочия по регулированию норм законов, относящихся к сфере СМИ» (Там же). В рамках этатистской модели меньшее влияние имеют коллективные профессиональные объединения, а саморегулирование сводится к внутриредакционной самоцензуре разной степени строгости. Такой подход зачастую связан с известной расплывчатостью формулировок по поводу нежелательной или запрещенной государством информации: «Вред интересам государства, злоупотребление демократическими свободами, информация, вредная для национального единства или национальной гармонии, нарушение морали и хороших традиций» (Там же).

Необходимо подчеркнуть, что в России процессы профессионально-этической кодификации проходили в 1990-е гг. под сильным влиянием либеральной модели (Лазутина, Панкеев, 2018: 20). В Китае, где эти процессы происходили в тот же период, в процессе кодификации хотя и учитывался международный опыт, но принимаемые тогда документы в наибольшей степени отражали национальную и идеологическую специфику. Так, первый этический кодекс для китайских журналистов, разработанный в 1991 г. Всекитайской ассоциацией журналистов, предлагал в качестве первостепенных руководствоваться идеями марксизма

при осуществлении профессиональной деятельности, укреплять чувство единства всех народностей КНР, сохранять государственную тайну.

Таким образом, в качестве стартовой позиции в нашем исследовании мы принимаем утверждение, что в начале 1990-х гг. в России была предпринята попытка формирования либеральной модели регулирования СМИ, а в Китае институциональная работа по формированию нормативных актов и исполнительных органов регулирования СМИ велась преимущественно в этатистской парадигме. Мы проследим эволюцию этических норм в России и Китае в контексте трансформации форм общественно-политической организации и в условиях цифровизации, оказавшей серьезное влияние на ценностные установки журналистов, в период с 1991 по 2023 г.

Основная исследовательская проблема заключается в выявлении специфических особенностей в практике деятельности основных институтов саморегулирования, а также в этических стандартах журналистской деятельности в России и Китае в период 1991–2023 гг.

Эмпирическими объектами исследования стали тексты кодексов профессиональной этики КНР и медиаэтических стандартов РФ, документы Общественной коллегии по жалобам на прессу. Были проанализированы российские и китайские документы, в частности «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» (1994), «Медиаэтический стандарт» (2015), «Медиаэтический стандарт» (2021), 中国新闻工作者职业道德标准 – «Кредо репортера» (1991); 中华全国新闻工作者协会第四届第二次全体会议修订 – «Кодекс профессиональной этики журналиста» (1994) и его последующие редакции: 中国新闻工作者职业道德准 – «Кодекс профессиональной этики журналиста» (1997); 中国新闻工作者职业道德准则 – «Кодекс профессиональной этики журналиста» (2009); 中国新闻工作者职业道德准则 – «Кодекс профессиональной этики журналиста» (2019). Были использованы и другие документы, например дополнения и приложения к «Кодексу профессиональной этики китайских журналистов». Кроме того, проанализированы примеры из практики российских и китайских организаций по саморегулированию журналистики.

Этические стандарты в России: практика саморегулирования

После распада Советского Союза в декабре 1991 г. в истории российской журналистики начался новый этап. Либерально-экономические реформы, отмена коммунистической идеологии, принятие «Закона о СМИ» в 1993 г. и другие изменения заложили основы для появления массмедиа совершенно иного качества. Свой вклад в деятельность профессионального сообщества внес и продолжает вносить Союз журналистов, учрежденный в 1992 г. Именно на этот период пришелся активный период профессионально-этической кодификации, которая опиралась прежде всего на трансформационные процессы, происходившие в стране. 4 февраля 1994 г. была принята Московская хартия журналистов, в которой были изложены основные принципы профессиональной этики журналистов (достоверность, объективность, непредвзятость)[1]. «Кодекс профессиональной этики российского журналиста» был принят 23 июня 1994 г. на Конгрессе журналистов России. Здесь были зафиксированы обязанности российских журналистов в соблюдении таких этических принципов, как приверженность законности, достоверности и объективности информации, противодействие экстремизму и терроризму, презумпция невиновности, уважение своих коллег и соблюдение авторских прав, неучастие в распространении коммерческой и рекламной информации[2]. По нашему мнению, в «Кодексе профессиональной этики российского журналиста» 1994 г. больше внимания уделяется категории «морального должного», рассматриваемой в аспекте журналистской деонтологии. Более конкретным по содержанию был следующий документ – «Кодекс этических норм Общества профессиональных журналистов», принятый в сентябре 1996 г., в котором были отражены основные принципы и стандарты профессиональной деятельности, приверженность социальной ответственности[3].

В 1994 г. в соответствии с указом президента РФ Б. Ельцина № 2335 от 31.12.1993 г. была учреждена Судебная палата по информационным спорам при президенте Российской Федерации (далее – СПИС), представлявшая собой орган саморегулирования журналистской деятельности.

В 1998 г. в рамках Союза журналистов было создано Большое жюри, в которое вошли известные журналисты, издатели, представители общественности и которое, согласно Уставу, стало «под-

отчетным Съезду СЖР органом саморегулирования в СЖР»[4]. В его функции входило рассмотрение жалоб в области массмедиа, которые могли подать отдельные граждане или организации. Однако деятельность Большого жюри сводилась, прежде всего, к выявлению нарушения этики и морали: «Никаких санкций для провинившихся СМИ Большим жюри предусмотрено не было, так как предполагалось, что сам факт признания кого-либо виновным в нарушении норм профессиональной этики и доведение этого факта до сведения общественности является стимулом к исправлению ошибок» (Мамонтова, 2012: 200).

В 2005 г. функции саморегулирования были переданы новой организации при Союзе журналистов – Общественной коллегии по жалобам на прессу, задачей которой стало рассмотрение жалоб граждан на нарушения со стороны журналистов. За период с конца 1990-х по настоящее время данными организациями было рассмотрено несколько сотен споров, среди которых были ситуации, связанные с несогласованным заимствованием информации, нетолерантностью к меньшинствам, разжиганием расовой и национальной розни, необъективностью подачи информации, публикацией недостоверных и непроверенных сведений, порочащих честь и достоинство или деловую репутацию и т. д.[5]

Среди основных документов национального масштаба, принятых за прошедший с принятия первого кодекса период, стали материалы движения «Этическая инициатива» 2008 г., «Глобальная Хартия журналистской этики» 2019 г., «Медиаэтический стандарт» 2015–2021 гг. «Медиаэтический стандарт» был принят в 2015 г., в нем были учтены многие новые качественные изменения не только в медиапространстве страны, но и в общественном сознании россиян (Фролова, 2018: 169).

Таким образом, практика саморегулирования в современной России была тесно связана с деятельностью таких организаций, как Общественная коллегия по жалобам на прессу и Большое жюри Союза журналистов России, которые оказывали влияние на журналистику страны в целом. Они принимали участие в разработке медиаэтических стандартов, проведении различных выездных семинаров, конференций, на которых обсуждались актуальные вопросы и тренды в области профессиональной этики.

Роль этих организаций, по нашему мнению, характеризуется тем, что они использовали механизм досудебного разрешения и выступали в качестве медиаторов. Соответственно, после рассмотрения таких жалоб экспертным сообществом и вынесения им решений, последние были обязательны для исполнения.

Деятельность российских организаций в области саморегулирования журналистики осуществлялась путем публичного рассмотрения примеров нарушения профессиональной этики журналиста РФ, вынесения решений по жалобам и контроля за их исполнением. В этой работе участвовали эксперты, выносившие коллегиальное решение.

Тем не менее, несмотря на важность и полезность усилий, которые предпринимали и продолжают предпринимать организации по сарегулированию журналистики в России на протяжении обозначенного периода, необходимо подчеркнуть, что в последнее время, в условиях новой геополитической реальности, журналистское сообщество страны столкнулось с серьезными вызовами. Тотальные проявления политики «культуры отмены», преследования российских СМИ и журналистов, различные формы информационной войны в адрес России со стороны США, стран Евросоюза и других государств потребовали определенной информационной мобилизации и пересмотра существовавших ранее достаточно либеральных подходов к саморегулированию журналистики. Этими объективными процессами обусловлен ряд мер по ужесточению нормативно-правовой базы в области регулирования деятельности национальных СМИ, уход ряда зарубежных массмедиа. Например, 4 марта 2022 г. президент РФ подписал указ о поправках в ст. 31 Уголовного кодекса РФ и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ за ложную информацию о действиях российских вооруженных сил[6]. В апреле 2022 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла ряд существенных поправок в «законы «О СМИ», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и в закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»[7]. 14 июля 2022 г. вышел в свет федеральный закон об иноагентах[8]. Еще одним вызовом стало приостановление членства Союза журналистов России в Международной федерации в феврале 2023 г. за открытие четырех отделений в новых субъектах Российской Федерации[9].

Также необходимо отметить и снижение доверия к тем решениям, которые в последние годы выносились Коллегией по жалобам на прессу. Это, в свою очередь, снижало доверие самого журналистского сообщества к механизму саморегулирования. В настоящее время функции саморегелирования выполняет только Большое жюри СЖР. Важным в его деятельности является то, что решения выносятся единогласно, лишены состязательности при обсуждении и распространяются не только на официальном сайте СЖР, но и в регионах. Они могут сопровождаться официальным заявлением Союза журналистов России и вызывать, таким образом, широкий резонанс среди профессионального журналистского сообщества. В отличие от Коллегии, Большое жюри помимо принятия заявлений (жалоб) одновременно может выступать с инициативой по конкретным инцидентам в регионах, выносить по ним решения, взаимодействовать с органами власти на местах. Если Общественная коллегия часто выступала медиатором в досудебном разрешении споров, то Большое жюри признает право граждан обращаться в судебную инстанцию. Таким образом, в этот период произошло сокращение роли института отраслевого саморегулирования, но усилилось внимание к этическим проблемам и коллизиям в региональной журналистике, к разбору конкретных инцидентов на местах. Эта тенденция свидетельствует о сокращении дистанции между институтами саморегулирования и собственно журналистами и СМИ, что предположительно может привести к установлению баланса в сфере профессиональной журналистики и улучшению взаимопонимания с аудиторией.

Этические стандарты в Китае: практика саморегулирования

В Китае профессиональная этика тесно связана с понятием самодисциплины, внутренней цензуры и ориентируется в первую очередь на государственную политику в области средств массовой информации (традиционных и новых). Коммунистическая партия Китая оказала и продолжает оказывать решающее влияние на формирование профессиональной этики журналистики страны (Истомина, Симонова, 2022: 122). Характерной особенностью развития саморегулирования следует считать деятельность традиционных и новых медиа страны в условиях жесткой системы конт-

роля со стороны государства, а также «в условиях журналистской самоцензуры» (Чжоу, 2019: 60).

После того как в 1978 г. был провозглашен курс на политику реформ и открытости, китайская журналистика получила бóльшую свободу выражения мнений. Одновременно шел процесс развития профессиональной этики. Информационное бюро Центрального отдела пропаганды и Всекитайская ассоциация журналистов в 1986 г. разработали проект «Профессиональной этики китайских журналистов», который впоследствии получил название «Кодекс репортера» и был официально принят в январе 1991 г. на съезде Всекитайской ассоциации журналистов. Лейтмотив этого Кодекса – придерживаться стиля общественного служения, проповедовать дух единства китайской нации, содействовать продвижению международной дружбы и сотрудничества.

Основными действующими этическими стандартами журналистов в Китае в период 1991–2023 гг. являются: 中国新闻工作者职业道德标准 – Кодекс «Кредо репортера» (1991); 中华全国新闻工作者协会第四届第二次全体会议修订– Кодекс профессиональной этики журналиста Китая (1997) и его последующие редакции: 中国新闻工作者职业道德准则 – Кодекс профессиональной этики журналиста (1997); 中国新闻工作者职业道德准则 – Кодекс профессиональной этики журналиста (2009); 国新闻工作者职业道德准则 – Кодекс профессиональной этики журналиста (2019). Все документы были утверждены на пленарных заседаниях Всекитайской ассоциации журналистов.

Отличительной чертой последней редакции кодекса 2019 г. стало снижение доли идеологической составляющей, отсутствие требований подотчетности партии, но при этом больший акцент на ответственность перед обществом. Были учтены современные реалии в связи с развитием новых медиа, появления сетевого общества и сетевых технологий. Тем самым акцент сместился в сторону следования инновационному развитию, использованию новых информационно-коммуникативных технологий в деятельности журналистов Китая. По нашему мнению, в Кодексе 2019 г. отчетливо прослеживается общемировой тренд достоверности новостного контента, необходимости распространения достоверной информации, препятствования ложным новостям, вмешательству в частную жизнь, раскрытию персональной информации.

В настоящее время «Кодекс профессиональной этики китайских журналистов» дополняют другие документы: отраслевые (например, «Конвенция о самодисциплине» (декабрь 1999) Ассоциации китайской прессы[10]; «Соглашение о саморегулировании информационной службы интернет-новостей» от 8 декабря 2003 г. Китайской интернет-ассоциации[11]). Также принимаются документы на уровне отдельных регионов: например, «Конвенция о саморегулировании журналистов провинции Сычуань», принятая Всекитайской ассоциацией журналистов провинции Сычуань 19 августа 1998 г. и другие[12].

Характерной особенностью саморегулирования в Китае является отсутствие инструментов саморегулирования, подобных советам по прессе, или института омбудсменства по делам медиа. Как отмечалось выше, журналисты прежде всего руководствуются принципами внутренней самодисциплины и следованием в русле государственной политики (Се Цзяндун, Чжэн Баовэй, 2021: 96).

Саморегулирование в КНР преимущественно сводится к таким процессам, как создание и совершенствование кодекса профессиональной этики журналиста и мониторинг случаев с недостоверной информацией. Всекитайская ассоциация журналистов и Китайская интернет-ассоциация в большей степени занимаются реализацией связей с общественностью, их рекомендации не являются обязательными для практикующих журналистов и собственников новых медиа.

В контексте саморегулирования значимую роль играет Комитет по этике, созданный 29 декабря 2015 г. на заседании Всекитайской ассоциации журналистов, участие в котором «приняли руководители ведущих массмедиа страны» (Ван, 2022: 52). Комитет по этике состоит из 35 членов и осуществляет свою деятельность в соответствии с «Уставом Комитета по журналистской этике Всекитайской ассоциации журналистов».

Комитет по журналистской этике Всекитайской ассоциации журналистов осуществляет свою деятельность в соответствии с государственными законами и положениями, касающимися журналистской деятельности: Уставом Всекитайской ассоциации журналистов, Кодексом профессиональной этики китайских журналистов, Уставом Комитета по журналистской этике Всекитайской ассоциации журналистов. В его задачи входит регулирование профессионального поведения, предотвращение риска недобро-

совестности, распространение опыта, формирование общего стиля поведения, создание и совершенствование механизмов работы журналистов[13].

На сайте Всекитайской ассоциации журналистов у комитета по этике есть собственная страничка под названием «Центральное сетевое управление нелегальной и недостоверной информации», где размещена информация о нормативно-законодательной базе, публикуются все выявленные недостоверные новости, вскрываются факты недостойного поведения журналистов[14].

Китайский комитет по этике не располагает такими полномочиями, как рассмотрение жалоб и вынесение по ним конкретных решений. В основном он отслеживает случаи нарушения журналистами кодекса (публикация непроверенной информации, распространение слухов). Деятельность самой общественной профессиональной организации сводится к тому, что на своем корпоративном сайте она размещает новости в области законодательного регулирования, судебной практики решения споров в области информации, а также ведет мониторинг появления ложных слухов, нарушения конфиденциальной информации, обнародования личных данных. Показательным для китайской модели саморегулирования является то, что Комитет по этике не проводит собственных заседаний и прений, не занимается профессиональной рефлексией по поводу этических коллизий, не ищет альтернативных вариантов разрешения информационных споров. Отсутствует механизм обращения с жалобой, то есть он не выступает медиатором между разными акторами информационного процесса и обществом. Его характер в большей степени информационно-декларативный: обозначаются и доносятся до общественности кейсы, связанные с правовыми и этическими нарушениями. Кроме того, Комитет по этике публикует ежегодные отчеты «О социальной ответственности СМИ», в которых их деятельность оценивается по нескольким критериям: «Правильное руководство», «Предоставление услуг», «Забота о культуре», «Соблюдение отраслевых норм», «Законная деятельность», «Информационная безопасность», «Защита прав и интересов журналистов» (Ма Лин, Ху Фэнбинь 2021: 106).

Практика Комитета по этике нацелена в основном на обнародование случаев, связанных с решением государственных органов, регулирующих деятельность СМИ, которые также имеют право на преследование журналистов в случае совершения ими серьезных

преступлений. Например, 7 апреля 2021 г. Государственная администрация прессы и печати выпустила через Китайскую сеть журналистов три «Решения об административном наказании», касавшихся фактов вымогательства. Так, сотрудник журнала «Родина» Ван Линюнь использовал свое служебное положение с целью вымогательства денежных средств. Государственное управление печати и публикаций решило предупредить журнал «Родина» о недопустимости такого поведения, наложило штраф в размере 30 000 юаней, приостановило выдачу журналистских удостоверений и посоветовало компетентному подразделению издания усилить контроль за редакцией. Одновременно у журналиста Ван Линьюня была отозвана лицензия, он был включен в «черный список» и лишен права заниматься профессиональной журналистской деятельностью пожизненно. Аналогичное наказание за аналогичный проступок получил репортер сельской газеты в провинции Шэньси Ван Ли[15].

Обнародуя на своем сайте данное сообщение, Комитет по этике преследовал несколько целей: информирование и предупреждение о том, что в случае недобросовестного выполнения профессиональных обязанностей журналисты могут быть внесены в «черные списки» и лишены права заниматься профессиональной деятельностью пожизненно. По нашему мнению, государственные органы власти подобным образом стремятся пресекать серьезные преступления со стороны журналистов в будущем. Жесткие меры – серьезный стимул для более ответственного отношения к выполнению журналистами профессионально-этических норм.

Таким образом, Комитет по этике тесно связан с государственной политикой, выполняя задачи по донесению до журналистского сообщества результатов расследований и текстов вынесенных решений или приговоров (в случае уголовного преследования). Такая практика принесла свои положительные плоды, о чем можно судить по снижению количества вынесенных государственными органами решений.

Итак, ситуация с саморегулированием в Китае имеет выраженную специфику: китайские журналисты осознанно относятся к своей социальной ответственности и тесно увязывают ее с национальными интересами и государственной политикой.

Тем не менее особенностью развития саморегулирования в КНР в исследуемый период является постепенное смягчение

жесткой этатистской модели и внесение в этические стандарты профессиональной деятельности китайских журналистов общемировых принципов при одновременном учете национальной специфики (влияние конфуцианства, построения социализма с китайской спецификой под руководством Компартии КНР). Внутренняя самоцензура и самодисциплина, а также жесткое законодательство в области регулирования деятельности массмедиа обусловили стремление самих журналистов страны к тому, чтобы придерживаться принятых профессиональных этических медиастандартов.

Особенности саморегулирования журналистики в России и Китае

Практика саморегулирования в исследуемых странах имеет определенные сходства и существенные различия.

По нашему мнению, с точки зрения саморегулирования журналистики сходство представляется незначительным, но оно прослеживается в содержании кодексов профессиональной этики обеих стран, в которых отражены такие принципы и установки, как обеспечение права граждан на информацию, правдивость и достоверность новостей, соблюдение законности, уважение достоинства личности, приоритет прав человека (Смирнова, Стебловская, Ван, 2022: 462–463).

Анализ «Медиаэтического стандарта 2.0» России (2021) и «Кодекса профессиональной этики» Китая (2019) показал, что в обоих документах прослеживаются общемировые тренды предоставления достоверной информация, ответственности перед обществом, запрета на плагиат, клевету, оскорбления, искажение фактов, уважения персональной информации, соблюдения законов и корпоративной этики. Однако различия в кодексах существенны, и они прежде всего связаны с разницей в идеологически-ценностных установках: российские принципы профессионального журналистского саморегулирования воспроизводят преимущественно либеральную модель журналистики и следуют международным установкам, в то время как китайский контекст ближе к этатистской модели и нацелен прежде всего на национальные и государственные интересы. Китайский «Кодекс профессиональной этики» (2019) направлен на формирование общественного мнения в соответствии с курсом высшего руководства страны и Коммунистической партии Китая,

продвижение патриотизма и укрепления национального единства, уважение не только общечеловеческих ценностей, но и национальных традиций. Кроме того, в «Кодексе профессиональной этики» (2019) обосновывается принцип продвижения положительного имиджа страны. В то же время в «Медиаэтических стандартах» России (2021) прописан принцип уважения достоинства личности, приоритета прав человека, что не характерно для Китайской народной республики.

Значимая специфика проявляется и в деятельности организаций по саморегулированию журналистики и СМИ. В Китае подобные организации выполняют функции информирования и предупреждения о недопустимости нарушений, их действия носят зачастую декларативный и жесткий характер. Также надо подчеркнуть, что данные организации функционируют в рамках государственных структур, выполнение их решений является обязательным.

Российская практика саморегулирования предусматривает дистанцированность от государства, организации имеют статус общественных, а их решения носят рекомендательный характер.

Выводы

Эволюция саморегулирования журналистской деятельности в России и в Китае обусловлена национальной спецификой, культурно-историческим контекстом и влиянием современных общемировых процессов на развитие этических медиастандартов.

В современный период под влиянием геополитических процессов прослеживается очевидный кризис либеральной модели в целом и в контексте журналистики в частности, что отмечается исследователями в этой области: «Либеральная модель журнализма, которая была описана ранее, отражает лишь очень короткий, случайный период истории западного мира. Сегодня мы стоим перед лицом создания новых моделей журналистики, которые появятся из новых социальных структур и новых моделей рынка» (Истомина, Симонова, 2022: 120). Одновременно произошедшие в последние годы качественные изменения в самой журналистской профессии (технологического, экономического и политического характера) «неизбежно влекут за собой расширение границ медиаответственности»[16].

Попытки следовать либеральной модели регулирования в России в изменяющихся условиях обнаруживают свою несостоятельность. И это не может не отражаться на эволюционных процессах в саморегулировании. Так, несмотря на закрепленные в «Медиаэтических стандартах» общемировые принципы профессиональной этики, в них все явственней присутствуют признаки усиления значимости национальных интересов, в частности установки на патриотизм, продвижение положительного имиджа страны за рубежом. В настоящее время, в условиях жесткой информационной войны против России в западных массмедиа, отмеченный тренд будет только усиливаться. Российскому журналистскому сообществу придется постоянно соизмерять свои установки с существующими на законодательном уровне ограничениями в области информации. Деятельность институтов по саморегулированию журналистики, безусловно, должна быть направлена не только на досудебное разрешение споров, но также и на разъяснение среди журналистского сообщества новых подходов к профессиональной этике.

Эволюция саморегулирования журналистской деятельности в Китае за исследуемый период прошла путь от жесткой этатистской модели к более смягченному варианту. В настоящее время в ней можно отметить и те черты, которые заложены в общемировых трендах в области медиаэтических стандартов. Тем не менее продолжающийся контроль государства, жесткая система законодательного регулирования деятельности традиционных и новых медиа в стране, а также своеобразное понимание социальной ответственности китайскими журналистами, их внутренняя самоцензура вряд ли претерпят серьезные изменения.

Примечания

[1] «Московская хартия журналистов». Декларация. 1994. Февр., 4. Режим доступа: https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/758-moskovskaya-khartiya (дата обращения: 28.02.2023).

[2] Кодекс профессиональной этики российского журналиста (одобрен на конгрессе журналистов России 23 июня 1994 г., Москва). Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901854413 (дата обращения: 28.02.2023).

[3] Кодекс этических норм общества профессиональных журналистов. 1996. Режим доступа: https://www.oshibok-net.ru/for-journalists/beginners/kodeks-jur/ (дата обращения: 28.02.2023).

[4] Устав Союза журналистов России с принятыми изменения и дополнения от 25 ноября 2017 года. Режим доступа: https://ruj.ru/about/charter (дата обращения: 28.02.3023).

[5] Реестр решений Общественной коллегии по жалобам на прессу // Общественная коллегия по жалобам на прессу. Режим доступа: http://presscouncil.ru/praktika/resheniya-kollegii-po-zhalobam-na-pressu (дата обращения: 03.08.2023).

[6] Установлена уголовная ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооружённых Сил России // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67908 (дата обращения: 28.02.2023).

[7] *Иванов М., Гробман Е.* Правила работы СМИ в России будут скорректированы в связи со спецоперацией и с санкциями // Ведомости. 2022. Апр., 6. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/05/916807-regulirovanie-rabotismi-izmenyat?ysclid=leovpv8frv777508272 (дата обращения: 28.02.2023).

[8] Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 255-ФЗ "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием" // Российская газета. 2022. Июль, 19. Режим доступа: https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html?ysclid=lep2uualzc935604902 (дата обращения: 28.02.2023).

[9] Официальный сайт Союза журналистов России. Режим доступа: https://ruj.ru/news/chlenstvo-soyuza-zhurnalistov-rossii-v-mezhdunarodnoi-federatsii-priostanovleno-19345 (дата обращения: 28.02.2023).

[10] См.: официальный сайт Всекитайской ассоциации журналистов. Режим доступа: http://www.12377.cn/node_543793.htm (дата обращения: 28.02.2023).

[11] Соглашение о саморегулирования информационной службы Интернет-новостей от 10 июня 2004 г. // Сайт Интернет-ассоциации. Режим доступа: http://www.isc.org.cn/hyzl/hyzl/listinfo-15603.html (дата обращения: 28.02.2023).

[12] См.: официальный сайт Всекитайской ассоциации журналистов. Режим доступа: http://www.12377.cn/node_543793.htm (дата обращения: 28.02.2023).

[13] Краткое введение «Комитет по этике Всекитайской ассоциации журналистов». Режим доступа: http://www.zgjx.cn/2019-02/22/c_137839432.htm (дата обращения: 28.02.2023).

[14] Центральное сетевое управление нелегальной и недостоверной информации. Режим доступа: http://www.12377.cn/node_543793.htm (дата обращения: 28.02.2023).

[15] Государственная администрация прессы и публикаций издала три штрафных решения по борьбе с вымогательством со стороны журналистов // Комитет по этике. 2020. Апр., 7. Режим доступа: http://www.zgjx.cn/2020-04/08/c_138956914.htm (дата обращения: 28.02.2023).

[16] *Кумылганова И.* Журналистское саморегулирование в России и в мире: работа на опережение // Журналист. 2021. № 4. Апр., 19. Режим доступа: https://jrnlst.ru/self-regulation (дата обращения: 28.02.2023).

Библиография

Вартанова Е. Л. Анализ международного и отечественного опыта создания и функционирования института саморегулирования в информационном сообществе. 2013. С. 31–32. Режим доступа: https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_19.pdf (дата обращения: 28.02.2023)

Ван Фан. Проблемы профессиональной этики журналистов КНР в «медийную эру сотен школ раздора» // МедиаАльманах. 2022. №. 4. С. 47–55. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.4755

Ван Цзянь. Саморегулирование Интернета – СМИ в новую эпоху // Южные журналисты. 2015. 2. С. 8–9.

Вэй Яниньь. Построение профессиональной этики новостной журналистики на фоне новых медиа // Деловая информация. 2014. Вып. 27. С. 25–28.

Истомина В. С., Симонова Н. Б. Формирование и кодификация профессиональных этических норм журналистики в современной КНР // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21. № 6. С. 119–129. DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-6-119-129

Лазутина Г. В. Профессиональная этика журналиста: учебник для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2011. Режим доступа: http://library.psu.kz/fulltext/buuk/b1013.pdf (дата обращения: 03.08. 2023).

Лазутина Г. В. Панкеев И. А. Саморегулирование в журналистике: уровни, аспекты, инструменты // МедиаАльманах. 2018. № 3. С. 14–23.

Мамонтова О. И. Организация саморегулирования СМИ в России // Совет по прессе как институт саморегулирования СМИ в России и за рубежом. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. Режим доступа: https:// presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/knigi-i-stati/1905-organizatsii-samoregulirovaniya-smi-v-rossii (дата обращения: 03.08.2023).

Ма Лин. Ху Фэнбинь. Социальная ответственность СМИ в постпандемическую эпоху: стойко обороняться и трансформация // Chinese Journalist. 2021. № 8. С. 105–108.

Свитич Л. Г., Чеботарев О. Ю. Международные и региональные журналистские кодексы: контент-аналитическое исследование // ЗНАК: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 1 (43). С. 158–177. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10117

Се Цзяндун. Чжэн Баовэй. Упорно идти в ногу со временем и создать долгосрочный механизм (саморегулирования) // Chinese Journalist. 2021. № 8. С. 93–97.

Смирнова О. В., Стебловская С. Б., Ван Ф. Ценностные ориентации журналистов России и Китая: сравнительный анализ профессионально-этических кодексов // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 4. С. 453–472.

Фролова Т. И. Журналистская этика в теории и практике: «серые зоны» // Актуальные проблемы медиаисследований – 2018. VII Международная научно-практическая конференция НАММИ: материалы. М.: Фак. журн. МГУ, 2018. С. 169–170.

Чжоу Цзе. Регулирование интернет-СМИ в Китае // Идеи и новации. 2019. Т. 7. № 2. С. 59–65.

Notes

Federal'nyy zakon ot 14 iyulya 2022 g. N 255-FZ "O kontrole za deyatel'nost'yu lits, nakhodyashchikhsya pod inostrannym vliyaniem" [Federal Law from July 14, 2022 N 255-FL "On the Control of People Influenced by Foreigners"] (2022) *Rossiyskaya gazeta*, 19 July. Available at: https://rg.ru/documents/2022/07/19/document-inoagent.html?ysclid=lep2uualzc935604902 (accessed: 28.02.2023).

Gosudarstvennaya administratsiya pressy i publikatsiy izdala tri shtrafnykh resheniya po bor'be s vymogatel'stvom so storony zhurnalistov [State Administration for the Press and Publications issued three penal decisions on fighting extortion on the part of journalists] (2020) *Komitet po etike*, 7 April. Available at: http://www.zgjx.cn/2020-04/08/c_138956914.htm (accessed: 28.02.2023).

Ivanov M., Grobman E. (2022) Pravila raboty SMI v Rossi budut skorrektirovany v svyazi so spetsoperatsiey i s sanktsiyami [The Russian mass media's working rules will be corrected because of the special operation and sanctions]. *Vedomosti*, 6 April. Available at: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/04/05/916807-regulirovanie-raboti-smi-izmenyat?ysclid=leovpv8frv777508272 (accessed: 28.02.2023).

Kodeks eticheskikh norm obshchestva professional'nykh zhurnalistov [The Code of Ethical Norms of the Community of Professional Journalists] (1996) Available at: https://www.oshibok-net.ru/for-journalists/beginners/kodeks-jur/ (accessed: 28.02.2023).

Kodeks professional'noy etiki rossiyskogo zhurnalista (odobren na kongresse zhurnalistov Rossii 23 iyunya 1994 g., Moskva) [The Code of Professional Ethics of a Russian Journalist (approved at the Congress of Russian Journalists on June 23, 1994, Moscow)]. Available at: http://docs.cntd.ru/document/901854413 (accessed: 28.02.2023).

Kratkoe vvedenie «Komitet po etike Vsekitayskoy assotsiatsii zhurnalistov» [A Brief Introduction "Ethics Committee of All-China Journalistic Association"]. Available at: http://www.zgjx.cn/2019-02/22/c_137839432.htm (accessed: 28.02.2023).

Kumylganova I. (2021) Zhurnalistskoe samoregulirovanie v Rossii i v mire: rabota na operezhenie [Journalistic self-regulation in Russia and worldwide: working proactively]. *Zhurnalist* 4, 19 April. Available at: https://jrnlst.ru/self-regulation (accessed: 28.02.2023).

Mediaticheskiy standart Obshchestvennoy kollegii po zhalobam na pressu [Mediatic Standard of the Public Collegium for Press Complaints] (2015) Moscow. Available at: https://www.mediacouncils.org/wp-content/uploads/2017/12/Standart_Kollegii.pdf (accessed: 03.08.2023).

Mediaticheskiy standart 2.0 Obshchestvennoy kollegii po zhalobam na pressu [Mediatic Standard 2.0 of the Public Collegium for Press Complaints] (2021) Moscow. 1 September. Available at: https://presscouncil.ru/images/docs/doc_2021/Mediaethical_Standart_20.pdf (accessed: 03.08.2023).

«*Moskovskaya khartiya zhurnalistov*». *Deklaratsiya. 1994. February 4* [Moscow Charter of Journalists. Declaration. 1994. February 4]. Available at: https://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/758-moskovskaya-khartiya (accessed: 28.02.2023).

Ofitsial'nyy sayt Komiteta po etike [Official site of the Committee for Ethics]. Available at: http://www.zgjx.cn/ethics/shzr.htm?page=xmtzywyh_mtshzrbg (accessed: 28.02.2023).

Ofitsial'nyy sayt Obshchestvennoy kollegi po zhalobam na pressu [Official site of the Public Collegium for Press Complaints]. Available at: https://presscouncil.ru/kollegiya/osnovnoe (accessed: 28.02.2023).

Ofitsial'nyy sayt Kollegii [Official site of the Collegium]. Available at: https://presscouncil.ru/novosti/novosti-kollegii/6387-konferentsiya-blogery-v-novoj-realnosti-nezavisimost-i-instrumenty-samoregulirovaniya (accessed: 28.03.2023).

Ofitsial'nyy sayt Kollegii [Official site of the Collegium]. Available at: https://presscouncil.ru/kollegiya/osnovnoe (accessed: 28.02.2023).

Ofitsial'nyy sayt Soyuza zhurnalistov Rossii [Official site of the Union of Journalists of Russia]. Available at: https://ruj.ru/news/chlenstvo-soyuza-zhurnalistov-rossii-v-mezhdunarodnoi-federatsii-priostanovleno-19345 (accessed: 28.02.2023).

Ofitsial'nyy sayt Vsekitayskoy assotsiatsii zhurnalistov [Official site of All-China Association of Journalists]. Available at: http://www.12377.cn/node_543793.htm (accessed: 28.02.2023).

Reestr resheniy Obshchestvennoy kollegii po zhalobam na pressu [of the Public Collegium for Press Complaints]. *Obshchestvennaya kollegiya po zhalobam na pressu*. Available at: http://presscouncil.ru/praktika/resheniya-kollegii-po-zhalobam-na-pressu (accessed: 03.08.2023).

Soglashenie o samoregulirovaniya informatsionnoy sluzhby Internet-novostey ot 10 iyunya 2004 g. [Agreement on Self-Regulation of Online News Service from June 10, 2004]. *Internet-assotsiatsii*. Available at: http://www.isc.org.cn/hyzl/hyzl/listinfo-15603.html (accessed: 28.02.2023).

Tsentral'noe setevoe upravlenie nelegal'noy i nedostovernoy informatsii [Central Online Administration of Illegal and Unreliable Information]. Available at: http://www.12377.cn/node_543793.htm (accessed: 28.02.2023).

Ustav Soyuza zhurnalistov Rossii s prinyatymi izmeneniyami i dopolneniyami ot 25 noyabrya 2017 goda [Regulations of the Union of Journalists with Changes and Amendments from November 25, 2017]. Available at: https://ruj.ru/about/charter (accessed: 28.02.3023).

Ustanovlena ugolovnaya otvetstvennost' za publichnoe rasprostranenie pod vidom dostovernykh soobshcheniy zavedomo lozhnoy informatsii, soderzhashchey dannye ob ispol'zovanii Vooruzhennykh Sil Rossii [Criminal liability has been fixed for public dissemination of false information containing data about Russian Armed Forces under the guise of authentic messages]. *Ofitsial'nyy sayt Prezidenta RF*. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67908 (accessed: 28.02.2023).

References

Chzhou Cze (2019) Regulirovanie internet-SMI v Kitae [Regulation of Online Media in China]. *Idei i novatsii* 7 (2): 59–65. (In Russian)

Frolova T. I. (2018) *Zhurnalistskaya etika v teorii i praktike: «seryye zony»* [Journalistic Ethics in Theory and Practice: «Grey Areas»]. Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. Pp. 169–170. (In Russian)

Istomina V. S., Simonova N. B. (2022) Formirovanie i kodifikacija professional'nyh jeticheskih norm zhurnalistiki v sovremennoj KNR [Formation and Codification of Professional Ethical Norms of Journalism in Modern China]. *Vestn. Novosibirsk. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, Filologiya* 21 (6): 119–129. DOI: https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-6-119-129 (In Russian)

Lazutina G. V. (2011) *Professional'naya etika zhurnalista: Uchebnik dlya studentov vuzov* [Professional Ethics of a Journalist: A Textbook for University Students]. Moscow: Aspekt Press Publ. Available at: http://library.psu.kz/full-text/buuk/b1013.pdf (accessed: 03.08.2023). (In Russian)

Lazutina G. V., Pankeev I. A. (2018) Samoregulirovanie v zhurnalistike: urovni, aspekty, instrumenty [Self-Regulation in Journalism: Levels, Aspects, Tools]. *MediaAlmanah* 3: 14–23. (In Russian)

Mamontova O. I. (2012) Organizatsiya samoregulirovaniya SMI v Rossii [Organization of the Media's Self-Regulation in Russia]. In *Sovet po presse kak institut samoregulirovaniya SMI v Rossii i za rubezhom* [Press Council as an Institute for the Media's Self-Regulation in Russia and Abroad]. LAP LAMBERT Academic Publ. (In Russian)

Ma Lin, Hu Fjenbin' (2021) Sotsial'naya otvetstvennost' SMI v postpandemicheskuyu epokhu: stoykaya oborona i transformatsiya [The Media's Social Responsibility in the Post-Pandemic Era: Sturdy Defense and Transformation]. *Chinese Journalist* 8: 105–108. (In Chinese)

Se Czjandun, Chzhjen Baovjej (2021) Uporno idti v nogu so vremenem i sozdat' dolgosrochnyy mekhanizm (samoregulirovaniya) [To Keep Persistent Pace with the Time and Establish a Long-Term Mechanism (of Self-Regulation)]. *Chinese Journalist* 8: 93–97. (In Chinese)

Smirnova O. V., Steblovskaya S. B., Van F. (2022) Tsennostnye orientatsii zhurnalistov Rossii i Kitaya: sravnitel'nyy analiz professional'no-eticheskikh kodeksov [Value Orientations of Russian and Chinese Journalists: a Comparative Analysis of Professional and Ethical Codes]. *Theoretical and Practical Issues of Journalism* 4: 453–472. (In Russian)

Svitich L. G., Chebotarev O. Ju. (2022) Mezhdunarodnye i regional'nye zhurnalistskie kodeksy: kontent-analiticheskoe issledovanie [International and Regional Journalistic Codes: Content-Analytical Research]. *ZNAK: problemnoe pole mediaobrazovaniya* 1 (43): 158–177. DOI: 10.47475/2070-0695-2022-10117 (In Russian)

Vartanova E. L. (2013) *Analiz mezhdunarodnogo i otechestvennogo opyta sozdaniya i funktsionirovaniya instituta samoregulirovaniya v informatsionnom*

soobshchestve [Analysis of the International and Domestic Experience in Establishing and Operating the Institute of Self-Discipline in the Information Society]. Pp. 31–32. (In Russian). Available at: https://rkn.gov.ru/docs/Razdel_19.pdf (accessed: 28.02.2023).

Van Czjan' (2015) Samoregulirovanie Interneta – SMI v novuyu epokhu [Online Self-Regulation – Media in a New Age]. *Yuzhnye zhurnalisty* 2: 8–9. (In Chinese)

Van Fan (2022) Problemy professional'noy etiki zhurnalistov KNR v "mediynuyu eru soten shkol razdora" [Problems of Professional Ethics of Chinese Journalists in the «Media Era of Hundreds of Schools of Discord»]. *MediaAl'manah* 4: 47–55. DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2022.4755 (In Russian)

Vjej Janin' (2014) Postroenie professional'noy etiki novostnoy zhurnalistiki na fone novykh media [Building Professional Ethics of News Journalism Against the Backdrop of New Media]. *Delovaya informatsiya* 27: 25–28. (In Chinese)

Поступила в редакцию
05.04.2023

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Прохорова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: pro-hor-ie@mail.ru

Коробова Александра Константиновна, студентка I курса магистратуры, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: ms.aaaalexa@yandex.ru

В. Л. ПУШКИН В «ВЕСТНИКЕ ЕВРОПЫ» В НАЧАЛЕ 1810-Х ГГ. И ЕГО БРОШЮРА «О КАРУСЕЛЯХ»

В статье рассматриваются отношения активного сторонника карамзинской «партии» В. Л. Пушкина и редакции журнала «Вестник Европы» в 1810–1811 гг., что позволяет уточнить расклад сил в литературно-журнальной борьбе того времени. Обосновывается предположение, что прекращение участия В. Л. Пушкина в «Вестнике Европы» (до его перехода к карамзинисту В. В. Измайлову в 1814 г.) объясняется не столько отклонением В. А. Жуковским и М. Т. Каченовским – соредакторами журнала в 1810 г. – его антишишковистского послания «К В. А. Жуковскому» («Скажи, любезный друг...»), сколько язвительной критикой Каченовским пушкинской брошюры «О каруселях» за дилетантскую мифологизацию истории и за «партийную» ангажированность при презентации «карусельной» оды В. П. Петрова.

***Ключевые слова**: В. Л. Пушкин, «Вестник Европы», В. А. Жуковский, М. Т. Каченовский, антишишковистское послание «К В. А. Жуковскому» (1810), информационно-рекламная брошюра «О каруселях».*

Irina E. Prokhorova, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: pro-hor-ie@mail.ru

Aleksandra K. Korobova, first year student of Master's degree, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: ms.aaaalexa@yandex.ru

V. L. PUSHKIN IN THE VESTNIK EVROPY JOURNAL IN THE EARLY 1810S AND HIS BOOKLET "ABOUT CAROUSELS"

The article considers the relationship between an active adherent of the Karamzin "party" V. L. Pushkin and editors of the Vestnik Evropy journal in 1810–1811. The authors' aim is to clarify the strategies of different participants in the literary struggle of that time and to describe the new challenges for them.

Pushkin's booklet "About Carousels" is analyzed for the first time in connection with its function of "PR support" for the 1811 Moscow carousel and also two reviews of this booklet by M. T. Kachenovsky. It is claimed that not so much the consensus rejection of Pushkin's anti-Shishkovist epistle "To V. A. Zhukovsky" by the co-editors of the journal in 1810 Zhukovsky and Kachenovsky, but just Kachenovsky's criticism of Pushkin's booklet for the amateurish mythologization of history and the "party" bias in the presentation of V. P. Petrov's "carousel" ode determined the termination of Pushkin's participation in Vestnik Evropy until 1814, when V. V. Izmailov, the follower of Karamzin, became editor of the journal.

***Key words**: V. L. Pushkin, Vestnik Evropy, V. A. Zhukovsky, M. T. Kachenovsky, anti-Shishkovist epistle "To V. A. Zhukovsky" (1810), information and advertising booklet "About Carousels".*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.6683

Введение

История сотрудничества В. Л. Пушкина в созданном Н. М. Карамзиным в 1802 г. в Москве «Вестнике Европы» продолжалась почти полтора десятка лет и отражала повороты в развитии журнала, который и после ухода Карамзина из журналистики стремился сохранять статус влиятельнейшего издания вплоть до прекращения выхода в 1830 г. Сотрудничество В. Л. Пушкина с журналом прекратилось еще в 1817 г. (последняя публикация – «Надпись к портрету В. А. Ж<уковского>»[1]). Тогда солидная группа вкладчиков покинула журнал из-за возрастающих разногласий между карамзинистами и – шире – карамзинской партией и М. Т. Каченовским, с 1815 г. единовластно и уже бессменно руководившим изданием (см. об этом «исходе»: Зыкова, 1998: 89).

Развитие многолетних взаимоотношений В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» еще не становилось предметом специального исследования историков русской литературы и журналистики. Вместе с тем оно необходимо и возможно благодаря работам ученых, много сделавших для изучения как творческой биографии Пушкина, так и истории «Вестника Европы». Среди важнейших – публикации М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана (1971), Н. И. Михайловой (1983, 2012) и С. И. Панова (2005, 2007). Научная литература, посвященная «Вестнику Европы» (1802–1830), его редакторам и их стратегиям, ожидаемо более обширна. В свете обозначенной нами темы особенно значимы исследования В. Э. Вацуро (1989), Г. В. Зыковой (1998), Ю. В. Евдошенко (2001),

М. Б. Велижева (2004) и В. С. Киселева (2012). В фокусе представляемой статьи – взаимоотношения В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» в 1810–1811 гг., на которые пришелся расцвет творчества писателя и пик полемической, получившей откровенно публицистическую тональность деятельности его как рупора карамзинской «партии». Этот период стал переломным для участия Пушкина в «Вестнике Европы», при том что В. А. Жуковский – «лицо» карамзинской «партии» – до начала 1811 г. сохранял статус соредактора Каченовского, несмотря на обострение их разногласий по вопросам ведения журнала с сентября 1810 г. (см. переписку соредакторов: Иезуитова, 1981).

Начало напряженнности в отношениях автора и редакции (1810)

Всего в «Вестнике Европы» за 1802–1817 гг. выявлена 41 публикация В. Л. Пушкина, однако в номерах за 1804, 1811–1813 и 1816 гг. его произведений (даже перепечаток из других изданий) не обнаружено, (при том что 1811 г. в отличие, скажем, от 1804 г. был для автора весьма плодотворен. Напряженность в отношениях Пушкина с «Вестником Европы» обозначилась ранее: в конце лета – начале осени 1810 г. программное, направленное против А. С. Шишкова и шишковистов пушкинское послание к «К В. А. Жуковскому» («Скажи, любезный друг...») соредакторы общим решением не приняли к печати. 12 сентября 1810 г. В. А. Жуковский писал А. И. Тургеневу, который ждал публикации в московском журнале важного для всей карамзинской «партии» произведения, распространявшегося в списках в обеих столицах: «Впрочем, поместить их (стихи. – *И.П., А.К.*) более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, с чем и я согласен»[2]. Адресат послания счел его заключающим в себе «одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе», тем более для борьбы с «умным раскольником» Шишковым нужен был иной полемический язык[3].

Настойчивость Каченовского в отклонении стихотворения Пушкина с запрещенными в журналистике «личностями» при осмеянии шишковистов, названных «собором безграмотных славян»[4], не понимающих ценности общеевропейского просвещения, можно объяснить несколькими моментами. Во-первых, это несогласие с резкостью полемиста в отношении литературных, лингвистических и общих идеологических позиций Шишкова и его

сторонников, поскольку сам Каченовский оценивал их тогда не так однозначно[5]. Во-вторых, это прагматичное нежелание редактора, возвращающего себе «Вестник Европы», рисковать изданием из-за острой публикации литератора из близкого окружения И. И. Дмитриева. Дело в том, что весной 1806 г. разразился скандал, когда карамзинисты увидели в недостаточно благожелательной и отнюдь не избегавшей «личностей» рецензии Каченовского на третий том «Сочинений и переводов» Дмитриева покушение не просто на репутацию признанного писателя-карамзиниста, но шире – на социокультурные каноны «дворянской» литературы (см. об этом: Вацуро, 1989: 175–176; Велижев, 2004: 10–17). Да и сам Пушкин, с его имиджем представителя «легкой» поэзии, аматера в литературе и московского дворянина-щеголя в быту, явно не импонировал Каченовскому как журналисту-ученому, дельному профессионалу, выходцу из греков-разночинцев провинциального Харькова.

Отвергнутое московским «Вестником Европы» послание Пушкина увидело свет уже в марте 1811 г. в Петербурге (когда здесь начинала свои заседания шишковистская «Беседа любителей русского слова») в задержавшемся декабрьском номере ежемесячника Вольного общества любителей словесности, наук и художеств «Цветник» за 1810 г.[6] В нем пушкинское задорное сочинение составило яркий ансамбль с завершающей частью вдумчивого критического разбора шишковского «Перевода двух статей из Лагарпа», написанного еще одним боевитым представителем карамзинской «партии» – Д. В. Дашковым.

Сразу после этого Жуковский, оставшийся с начала 1811 г. лишь «посторонним сотрудником» «Вестника Европы» (Иезуитова, 1981: 93), включил произведение Пушкина в готовившееся им в Москве «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских из многих русских журналов»[7]. Правда в сообщении об этом А. И. Тургеневу 27 марта 1811 г. он поделился и опасениями, что сатирическое послание «о Славянофилах» может «вооружить» против него петербургскую «ватагу скрибентов»[8]. Так Жуковский смягчил впечатление от «соучастия» в недавнем решении «Вестника Европы», хотя сам Пушкин, судя по известной нам переписке, не высказывал упреков никому из соредакторов. Заметим, кстати, что «перепечатка» в «Собрании...» имела свои плюсы, придавая публикации статус «отобранной»

среди других, а автору – статус одного из «лучших стихотворцев российских».

Тем не менее в 1811 г. Пушкин выбыл из состава вкладчиков «Вестника Европы» и вернулся лишь в 1814-м, когда к руководству изданием пришел близкий ему и по взглядам, и по родственным связям В. В. Измайлов. Полагаем, что такому перерыву в сотрудничестве способствовала не только, а возможно, и не столько история с посланием 1810 г., сколько негативные отзывы на «маленькую тетрадку»[9] В. Л. Пушкина «О каруселях», оперативно напечатанные Каченовским в «Вестнике Европы» летом 1811 г.

Проза В. Л. Пушкина как «*PR*-сопровождение» московского каруселя 1811 г.

Оговоримся сразу, что слово «карусель» употребляется в брошюре В. Л. Пушкина «О каруселях» в мужском роде и представляется целесообразным сохранить эту традицию в нашей статье, хотя, например, в описательной и не вполне точной работе А. К. Ганулича сделан иной выбор (1997: 45). В книге Н. И. Михайловой пушкинское сочинение кратко охарактеризовано как «обстоятельный исторический очерк рыцарских турниров в Европе и России» с посвящением «благородному московскому обоего пола сословию» и перечислением участников «нынешнего каруселя» (2012: 130). С. И. Панов в словарной статье о В. Л. Пушкине закономерно был еще более лаконичен, но судил брошюру гораздо строже, включив в список «немногочисленных прозаических сочинений Пушкина», который, по замечанию П. А. Вяземского, «имел ум не писать прозою» (2007: 219). Шутливые слова Вяземского прозвучали в письме А. С. Пушкину от 24 августа 1831 г. (уже после смерти его дяди в 1830 г.) в связи с упреками роману М. Н. Загоскина «Рославлев» за бедность мысли[10]. Подобного греха действительно не избежали немногие прозаические опыты В. Л. Пушкина, в том числе «О каруселях». Однако полная оценка брошюры возможна лишь с учетом задачи, поставленной автором перед собой, и уровня развития выбранного им жанра.

Уже посвящение, напечатанное на титульном листе брошюры после заголовка «О каруселях», четко указывало на ее целевую аудиторию (слово «сословие» выделялось шрифтом почти того же

размера, что заголовок) и на принадлежность автора к «кавалерскому карусельному собранию», от имени которого он выступал. Злободневность новостной информации и одновременно желание зафиксировать рекламируемое событие в истории подчеркнуто вынесением на титул даты – 20 июня 1811 г., когда должен был состояться карусель, правда без указания времени его начала. Стремление выступить в роли «анонсера», проецирующего свою публикацию на «большое» будущее, проявилось в выборе эпиграфа: *Un jour, ces souvenirs auront pour nous des charmes* («Однажды эти воспоминания будут иметь очарование для нас»). Строка была заимствована из перевода «Энеиды» Вергилия, сделанного с латыни популярным тогда в России живым французским классиком Ж. Делилем.

Все это позволяет отнести прозаическую брошюру «О каруселях», напечатанную в известной московской типографии Н. С. Всеволожского, к прародителям того типа информационно-рекламных изданий, который современные специалисты в области *PR* и ивентологии относят к «раздаточному материалу», используемому для «*PR*-сопровождения» события (Чумиков, Бочаров, 2006: 214). Притом предназначалась «тетрадочка» для распространения, вероятно, не столько среди потенциальных участников проводимого московским «карусельным собранием» праздника-турнира в районе Нескучного сада, сколько среди уже собравшихся зрителей и конкурсантов – иначе трудно объяснить отсутствие данных и о времени его начала, и о планах его повторения (состоялось 25 июня).

Первую и бóльшую часть произведения (9 из 13 страниц) Пушкин посвятил краткому обозрению традиции турниров в Европе и России, что точно отвечало задаче репрезентации каруселя 1811 г. как события, имеющего древние корни в истории многих народов. Оно проникнуто патриотической патетикой и одновременно желанием расширить знания читателей об общих традициях жителей разных стран, но реализация этих целей грешила недостоверностью значительной части сообщаемой информации, поверхностностью многих характеристик и сумбурностью изложения. Так, стремясь уравнять европейцев и россиян в древности традиций благородного рыцарства и ссылаясь на «древние остатки народных богатырских песен и сказок» и летописи, автор утверждал: «Россия почти в то же самое время, как начались турниры в прочих европейских государствах, то есть в девятом веке, славилась также

своими храбрыми витязями и могущими богатырями»[11], участвовавшими в «играх и поединках»[12]. В дилетантском представлении Пушкина понятия «рыцарь», «витязь», «ратоборец», «богатырь» полностью синонимичны.

Мифологизация истории отличала многие высказывания автора: например, предположение Пушкина (в данном случае, правда, сохранялась осторожность в модальности формулировки), что «государь» Владимир Святославич – «первый учредитель рыцарского богатырского в России ордена»[13]. Древнерусским «странствующим рыцарям»[14] приписывались идеи, характерные для куртуазного европейского средневековья. Очень натянутым было включение в предысторию каруселей поединка летописного богатыря Яна Усмовича (в исторической литературе чаще фигурирует как Усмошвец), победившего «печенегского исполина» в конце X в. на берегах Трубежа[15]. Вместе с тем обращение к этому сюжету привлекало внимание патриотически настроенной аудитории к предстоящему событию. Да и безотносительно к рекламным целям подобные исторические экскурсы сторонника карамзинской «партии» могли способствовать преодолению монополизации темы древнерусских героических преданий шишковистами, которые трактовали историю тоже весьма вольно, но с другим пафосом.

В. Л. Пушкин небезосновательно подчеркнул, что высоко ценимый им «дух рыцарства», которому грозило исчезновение с прекращением рыцарских поединков во Франции в середине XVI в., отчасти сохранили «учрежденные потом карусели»[16]. Правда, попытка краткого сопоставления собственно карусельных практик в Европе и России оказалась слабой, прежде всего, из-за поверхностности характеристик и невыстроенности композиции, разного рода повторов (даже словесных). Малозанимательны несколько строк о «великолепнейшем» парижском каруселе Людовика XIV, о котором сказано лишь, что король любил «пышность и забавы» и возглавил «римскую кадрилию»[17]. Притом пушкинская датировка «конного балета» Короля Солнце неточна, а о том, что маскарадная и в то же время спортивная «забава» 1662 г. несла серьезную идеологическую функцию укрепления именно этого имиджевого «титула» правителя (Боссан, 2002: 99–102), автор, вероятно, и не догадывался.

Более содержательно описание «славнейшего из каруселей», который был дан в Петербурге в 1766 г. «при начале царствования

блаженной памяти Екатерины Великой»[18]. В данном фрагменте прослеживаются два основных мотива. Во-первых, что карусельное «увеселение»[19] российской монархини было едва ли не богаче организованного Людовиком и умно использовалось для прославления отечественного славяно-русского начала. На фоне упоминания о римском костюме французского короля так читались слова Пушкина: «Государыня была одета по-славянски. Она любила славу и народ русский»[20]. Не вполне ясно, правда, откуда Пушкин знал о костюме царицы. Современники отмечали, что на репетиции она возглавляла славянскую кадриль, однако «платья» еще не были готовы[21]. Обнаружить источники с описанием ее костюма во время «представления» 16 июня и его повторении 11 июля, когда Екатерина находилась в своей ложе в амфитеатре, пока не удалось.

Вторая важная для Пушкина тема, заметим, выделялась уже в газетных известиях о карусели 1766 г. как сочетавшем «полезное с приятным». Первые статьи о нем довольно оперативно появились в «Санкт-Петербургских ведомостях» и вскоре были перепечатаны в «Московских ведомостях»[22], а уже 21 июля сообщались подробности повторного представления[23]. Все авторы подчеркивали, что во время каруселей рыцарский дух продемонстрировали не только кавалеры, но и дамы, которые начали соревнования, находясь на колесницах, и это соединение полов в служении «любочестию» придавало особую ценность событию, достойному внимания «отдаленных потомков»[24]. Как убедительно показали современные исследователи, мотив амазонок вообще играл ключевую роль в тогдашнем екатерининском идеологическом дискурсе, в который четко вписывался и карусель 1766 г. (см., напр.: Проскурина, 2006: 9–56; Ивинский, 2013: 320–327). Пушкин эту установку уловил и воспроизвел в прозе 1811 г., опираясь, очевидно, непосредственно на газетные публикации, а на «Оду на великолепный карусель» В. П. Петрова[25], который основывался именно на газетах, не будучи очевидцем события.

Цитатам из этой оды в сочинении Пушкина предшествует ее представление: «Лирик Петров, известный по стихотворениям своим, поднес императрице оду, в которой он воспел рыцарские игры и блеск двора российского»[26]. Характеристика выглядит очень сдержанной на фоне того, что Пушкин и его аудитория не могли не знать о чрезвычайно позитивной реакции императрицы

на «поднесение» и о многочисленных полемических выпадах современников против неудачных стихов оды. Как и о том, что такую реакцию литературно-журнального мира резонно связывали с инициированным Екатериной провозглашением Петрова прямым наследником М. В. Ломоносова. В брошюре обо всем этом, как и о кардинальной стилистической редактуре оды Петровым для издания своих «Сочинений» в 1782 г., умалчивалось. Кстати, ее вторая редакция под заголовком «На карусель» и датой 1766 г. без какого-либо комментария об истории текста появилась и в посмертном переиздании «Сочинений» Петрова в 1811 г. (ценз. разрешение – 2 сент. 1811 г.), но оно вышло уже после пушкинской «тетрадки».

Пушкин начал цитирование оды с четвертой строфы, пропустив, в частности, строку «Я странный слышу рев музыки», высмеянную и А. П. Сумароковым, и неким анонимом в сатирическом журнале «Смесь» в 1769 г. (Кочеткова, 1972: 592). Однако этот пропуск едва ли обуславливался качеством стиха, ведь другие пародированные современниками строки в брошюре воспроизведены. Скорее, причина была в том, что Пушкин почему-то предпочел вообще обойти вопрос о музыкальном оформлении каруселя, о котором шла речь в пропущенной строке и сообщалось в газетах. Не вполне ясно, опечаткой ли объяснялось и то, что в строфе Петрова, посвященной русским амазонкам – участницам каруселя, определение «*природные* российски дщери»[27] превратилось в «*народныя* российски дщери»[28] (курсив наш. – *И.П., А.К.*).

Переходя от характеристики петербургского каруселя 1766 г. к анонсируемому московскому, Пушкин в духе времени обыграл мотив преемственности политики Екатерины II и Александра I, «шествующего во всем по ее стопам»[29]. Однако в целом информация о новом каруселе, составившая вторую, заметно меньшую по объему часть брошюры, подана исключительно формально. Из пяти страниц более четырех заняты перечислением учредителей и участников каруселя с поименной росписью назначенных кадрилей. На списке почетных членов карусельного собрания сочинение довольно неожиданно для читателя заканчивалось. Возможно, непривычная для Пушкина необходимость писать «к сроку» и общая неразработанность жанра не позволили «анонсеру» добиться большего.

Каченовский – журналист *vs* Пушкин – автор брошюры «О каруселях»

Пушкинское сочинение привлекло внимание «Вестника Европы» по горячим следам события. В очередном выпуске «Московских записок» в начале июля Каченовский сообщил об организованном в Москве 20 июня увеселении-турнире, прошедшем «достойно обширности, многолюдства и пышности древней столицы величайшей в свете империи». Отмечалось и то, что повторное представление 25 июня состоялось в день рождения великого князя Николая Павловича и преследовало благотворительную цель[30]. Одновременно Каченовский критически оценил «маленькую тетрадку» Пушкина «О каруселях», но вопрос о специфичности стоявших перед ее автором задач и жанровых особенностях сочинения поставлен не был. Зато читателям было обещано вернуться к истории турниров и рыцарства в следующем номере журнала. Завершалась заметка сведениями о каруселях в российских столицах, которые в сильно сокращенном виде повторяли сказанное Пушкиным, причем в этой связи его имя не упоминалось.

Через два номера Каченовский противопоставил 15-страничному рекламно-информационному изданию Пушкина почти равную по объему журнальную статью в отделе «Критика» под заглавием пушкинской брошюры и с подстрочным описанием ее выходных данных[31]. Нельзя не заметить иронии в его внешне благожелательном заявлении, обыгрывавшем пушкинский эпиграф из «Энеиды»: «Пускай оба наши (с Пушкиным. – *И.П., А.К.*) сочинения вместе идут в потомство: маловажные несходства не помешают их товариществу»[32]. Пушкинский франкоязычный эпиграф вызвал и прямой выпад критика, заявившего, что он хотел, но якобы не решился предпослать своей статье оригинальный стих древнеримского классика *Olim meminisse juvabit*. Так журналист-ученый не без изобретательности высмеивал галломанию Пушкина, а заодно и всех «дамских писателей» и «пишущих дам»[33], предпочитающих французский язык латыни. Однако с точки зрения релевантности эпиграфа для целевой аудитории пушкинской брошюры решение автора было тактически верным.

Объектом более справедливой иронии Каченовского стала претенциозная апелляция Пушкина к древним источникам, вместо того чтобы основываться хотя бы на недавней переводной статье Шатобриана «Образ жизни и нравы рыцарей» в «Вестнике Евро-

пы»[34]. Причем Каченовский походя упрекнул ее переводчика (неназванного В. А. Жуковского) в неверном написании фамилии Сен-Пале – французского историка и филолога второй половины XVIII в., часто упоминаемого в статье Шатобриана[35]. Такого рода мелкие уколы и выпады с цитированием и/или пересказом пушкинского текста, в том числе разработка уже сказанного ранее о «баснословии» Пушкина-историка относительно роли Цирцеи в зарождении каруселей, характерны для первой части статьи Каченовского. Вторую ее часть отличали содержательные исторические дополнения и уточнения. С опорой на авторитетные работы Тацита, Дюканжа, Сен-Пале и др. утверждалась ведущая роль германцев в развитии феномена рыцарства и турниров[36]. Причем этот экскурс в прошлое журналист сопроводил изящно насмешливым комментарием к пушкинскому утверждению о спорах французов, англичан и немцев о первенстве в «учреждении турниров»: «Сами не знают, о чем спорят»[37].

В последней части статьи (почти 20 процентов текста) критика распространилась на Пушкина-литератора, обвиненного Каченовским в якобы преднамеренном цитировании «худых» строф из карусельной оды «знаменитого» Петрова вместо «хороших»[38]. Для наглядности были приведены процитированный Пушкиным вариант строфы, начинающийся словами «Убором дорогим покрыты...» (1766), и ее вариант из «Сочинений» 1782 г., но без пояснения причин переработки текста Петровым. Неприятие Каченовским обращения Пушкина к стихам, созданным на злобу дня, свидетельствовало о предвзятости журналиста. Редактор «Вестника Европы» оказался готов пренебречь одним из принципов исторической словесности – избегать анахронизмов.

Отзвуки не забытой Каченовским с весны 1806 г. обиды на карамзинско-дмитриевскую партию слышны в «поучении» автору брошюры «О каруселях»: «Похвально уважать дарования живых писателей; но еще похвальнее отдавать справедливость песнопевцам умершим, за которых ходатайствуют единственно их заслуги и которым не помогают уже ни знатность, ни происки, ни знакомства, ни ласкатели»[39]. Пушкину и его неназванным единомышленникам был адресован упрек в том, что они не прощают другим вольностей в отношении сочинений Вольтера и Делиля, но сами не знают или не хотят «знать бессмертных стихов Петрова, чтобы дать простор модным своим басенькам и посланиям»[40]. Вероятно, последние слова метили и в недавно отвергнутое «Вестником Европы» анти-

шишковистское послание Пушкина. Ради борьбы с такого рода произведениями Каченовский позволил себе отклониться от карусельной темы и напомнить читателям о достоинствах других петровских од, «прославлявших победы Румянцова и Орлова»[41]. В целом предпринятая редактором «Вестника Европы» критика Пушкина за недооценку творчества Петрова в сочинении «О каруселях» представляется неадекватной, но ярко демонстрировавшей давние и все более усиливавшиеся расхождения между Каченовским и карамзинской партией.

«О каруселях» Пушкина и Каченовского в свете отзывов современников о карусели 1811 г.

В отличие от карусельных представлений 1766 г. оба каруселя 1811 г. получили весьма скромное освещение в периодике: лишь небольшая заметка появилась в «Московских ведомостях», правда еще до рассмотренных откликов «Вестника Европы»[42]. Судя по переписке и мемуарам принадлежавших к разным литературно-журнальным партиям К. Н. Батюшкова и С. Н. Глинки, они отнеслись к московскому каруселю довольно критически, притом никак не упоминали о публикациях В. Л. Пушкина и М. Т. Каченовского. Тем не менее для понимания контекста создания и функционирования этих текстов, да и упущенных возможностей при репрезентации праздника-турнира в печати, целесообразно учитывать высказывания о нем таких профессиональных литераторов, как Батюшков и Глинка.

Близкий кругу В. Л. Пушкина Батюшков еще 6 мая 1811 г. сообщил Н. И. Гнедичу о репетициях конного соревнования, в шутливом тоне отметив его травматичность: «Всякий день кому нос на сторону, кому зуб вон»[43]. В июле он поделился с тем же адресатом впечатлением о прошедшем мероприятии: «Карусель был очень богат и довольно неинтересен»[44]. Если на возможность травм и «богатство» представлений писавшие о них обращали внимание традиционно, то констатация их «неинтересности» – новое в карусельном нарративе. Критический подход к московскому каруселю отразился и в не опубликованной при жизни Батюшкова статье «Прогулка по Москве», создававшейся во второй половине 1811 г. в жанре сатирико-нравоучительного эссе. Недовольный Москвой, писатель укорял москвичей за поглощенность скукой, толкающей к постоянным поискам разного рода развлечений. Отсюда еще

один новый акцент в суждении о карусели, «который стоил столько издержек»: «родился от скуки»[45]. Возможно, к такой системе координат Батюшкова подтолкнуло знакомство с «Мыслями» Паскаля, который писал о стремлении к «развлечению» как о боязни «скуки», заставляющей задавать себе трудные вопросы о смысле бытия[46]. Подобный философско-психологический взгляд на природу каруселя остался вне поля зрения Пушкина (хотя о Паскале он помнил: его имя прозвучало в послании Жуковскому 1810 г.) и Каченовского в рассмотренных публикациях, что вполне естественно в силу поставленных их авторами задач.

С. Н. Глинка, проигнорировавший праздник-турнир 1811 г. в издававшемся им тогда в Москве журнале «Русский вестник», в позднейших мемуарах довольно лаконично отозвался о каруселе и последовавшем за ним благотворительном обеде, уточнив, что он давался для бедных «отставных воинов». По его мнению, оба события «не возбудили особого внимания», поскольку общество не поняло «намеков» на приближающуюся грозу 1812 г.[47] Пушкин и Каченовский действительно не писали о предощущении великой войны, хотя в карусельном нарративе обоих так или иначе присутствовала тема пользы турниров для поддержания готовности к военным сражениям.

Выводы

В целом анализ взаимоотношений В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» в 1810–1811 гг. подтверждает предположение, что общее решение М. Т. Каченовского и В. А. Жуковского отказаться от публикации пушкинского антишишковистского послания «К В. А. Жуковскому» (несмотря на обострившиеся осенью 1810 г. разногласия между ними как соредакторами журнала) и скорое помещение этого острого полемического произведения в «Цветнике» открыли перед москвичом Пушкиным новые перспективы сотрудничества с петербургской периодикой. Притом Жуковский в 1811 г. поддержал близкого ему по «партии» Пушкина перепечаткой ранее отвергнутого послания в московской антологии журнальных поэтических публикаций. Каченовский, напротив, оставшись единственным редактором «Вестника Европы», способствовал перемене журнальной локализации Пушкина, дважды выступив в московском журнале с негативными отзывами о его брошюре «О каруселях». В то же время эти первые развернутые печатные отклики на творчество Пушкина

превратили многолетнего вкладчика издания в «героя» его публикаций, что всегда способствует известности автора, даже если несет репутационные риски.

Данные журнальные выступления Каченовского и вызвавшее их информационно-рекламное издание Пушкина не могут быть оценены однозначно. С одной стороны, пушкинская дилетантская мифологизация истории с претензией на владение летописными и фольклорными источниками обоснованно критиковалась журналистом-ученым, одним из «отцов» зарождавшейся тогда в стране скептической исторической школы. С другой стороны, малоубедительны выпады Каченовского в связи с пушкинской презентацией оды В. П. Петрова «На карусель» 1766 г., продемонстрировавшие тенденциозность редактора «Вестника Европы» в борьбе с Пушкиным как представителем карамзинской «партии» в целом. Обращает на себя внимание и то, что Каченовский не смог и/или не захотел разобраться в жанровой новизне сочинения Пушкина, которое должно было сочетать просветительские и рекламные функции при *PR*-сопровождении отнюдь не литературного события. Правда, это не стало предметом рефлексии и самого «анонсера» московского каруселя. Показательны также результаты сопоставления публикаций Пушкина и Каченовского с высказываниями об этом событии К. Н. Батюшкова и С. Н. Глинки в текстах разных лет и жанров, которые выявили упущенные первыми двумя авторами возможности при репрезентации каруселя 1811 г. в печати.

Таким образом, анализ взаимоотношений В. Л. Пушкина и «Вестника Европы» в самом начале 1810-х гг. обнажает ряд особенностей в развитии русской литературы и журналистики того времени, которые обуславливались как наследием предшествующих «партийных» и межличностных столкновений на поле «срочной» словесности, так и новыми вызовами для всех участников литературно-журнального процесса, включая необходимость реагировать на запросы не только просветительской, но и информационно-рекламной деятельности.

Примечания

[1] Вестник Европы. 1817. № 6. С. 100.
[2] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 15. М.: ИД ЯСК., 2019. С. 92.
[3] Там же.

[4] *Пушкин В. Л.* Стихотворения. СПб.: Гиперион, 2005. С. 73.

5 Ср. статьи Каченовского в «Вестнике Европе» 1807 (№ 8. С. 283–306), 1810 (№ 19. С. 220–227), 1811 (№ 12. С. 285–305; № 13. С. 34–57) гг.

[6] Цветник. 1810. № 12. С. 357–363.

[7] Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских из многих русских журналов: [В 6 ч.] Ч. 4. М., 1811. С. 170–173.

[8] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем... С. 124.

[9] Вестник Европы. 1811. № 16. С. 289.

[10] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14. С. 214.

[11] *Пушкин В. Л.* О каруселях. М., 1811. С. 5 (в октябре 1893 г. в Санкт-Петербурге под редакцией В. И. Саитова были переизданы сочинения В. Л. Пушкина, включая данное).

[12] Там же. С. 4.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 6.

[17] Там же. С. 6–7.

[18] Там же. С. 7.

[19] Там же. С. 10.

[20] Там же. С. 7.

[21] *Порошин С. А.* Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича // Русский архив. 1869. Кн. 1. Стб. 60.

[22] Санкт-Петербургские ведомости. 1766. № 51. Июнь, 27. С. 1–3; Там же. Прибавление. С. 1-11; Московские ведомости. 1766. № 54. Июль, 7. С. 1–2; Там же. Прибавление. С. 1–8.

[23] Санкт-Петербургские ведомости. Прибавление. 1766. № 58. С. 1–4.

[24] Санкт-Петербургские ведомости. № 51. С. 3.

[25] Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 1. Л.: Сов. писатель, 1972. С. 326–332.

[26] *Пушкин В. Л.* О каруселях... С. 8.

[27] Поэты XVIII века... С. 327.

[28] *Пушкин В. Л.* О каруселях... С. 8.

[29] Там же. С. 10.

[30] Вестник Европы. 1811. № 13. С. 34–57.

[31] Там же. № 16. С. 288–304.

[32] Там же. С. 290.

[33] Там же.

[34] Там же. 1810. № 20. С. 249–266.

[35] Там же. 1811. № 16. С. 290.

[36] Там же. С. 293–298.

[37] Там же. С. 292; 300.

[38] Там же. С. 301.

[39] Там же.

[40] Там же. С. 304.

[41] Там же. С. 303.

[42] Московские ведомости. 1811. № 51. Июнь, 28. С. 1401. Правда, еще «вкладыш» к номеру от 10 мая содержал объявление о том, что «с дозволения» начальства «заводится благородный карусель» у Калужской заставы и все желающие получить «подряд» на его обустройство приглашаются на «торги».

[43] *Батюшков К. Н.* Соч.: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 167.

[44] Там же. С. 176.

[45] Там же. Т. 1. С. 294.

[46] *Паскаль Б.* Мысли. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. С. 260.
[47] *Глинка С. Н.* Записки. М.: Захаров, 2004. С. 297.

Библиография

Альтшуллер М. Г. Примечания // Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 863–871.

Боссан Ф. Людовик XIV, король-артист. М.: Аграф, 2002.

Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Гуманитарное агентство «Академический проект». 1989. С. 139–170.

Велижев М. Б. «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Ганулич А. К. Пушкин и московская карусель 1811 года // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: к 850-летию Москвы и 225-летию со дня рождения Московского генерал-губернатора, Светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына. Большие Вяземы, 1997. Ч. III. С. 45–54.

Евдошенко Ю. В. М. Т. Каченовский в общественно-идейной жизни России первой трети XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Зыкова Г. В. Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805-1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М.: Диалог-МГУ, 1998.

Ивинский А. Д. В. П. Петров и «Великолепная карусель» 1766 г. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 320–327.

Иезуитова Р. В. Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник РО ПД на 1979. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 80–112.

Киселев В. С. Эволюция коммуникативно-повествовательной структуры «Вестника Европы» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2012. № 1 (17). С. 61–73.

Кочеткова Н. Д. Примечания // Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 1. Л.: Советский писатель, 1972. С. 590–592.

Лотман Ю. М. Поэзия 1790-1810-х годов // Поэты 1790-1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. С. 5–62.

Михайлова Н. И. Василий Львович Пушкин. М.: Молодая гвардия, 2012.

Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. Т. 11. С. 213–249.

Панов С. И. Пушкин Василий Львович // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 2007. С. 218–223.

Панов С. И. «Смиренный стихотворец» // Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб.: Гиперион, 2005. С. 3–22.

Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Чумиков А. Н., Бочаров М. П. Связи с общественностью: теория и практика: учеб. пособие. М.: Дело, 2006.

Notes

Batyushkov K. N. (1989) Soch.: V 2-kh t. T. 2 [Works in 2 vol. Vol. 2]. Moscow: Khudozh. lit. Publ. P. 167.

Glinka S. N. (2004) *Zapiski* [Memoirs]. Moscow: Zaharov Publ. P. 297.

Moskovskie vedomosti (1766) No 54: 1–2; (1811) No 51, 28 June: 1401; Moskovskie vedomosti. Pribavlenie (1766) No 54: 1–8.

Paskal' B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovyh Publ. P. 260.

Poety XVIII veka: V 2 t. T. 1 [Poets of the 18th century: in 2 volumes. Vol. 1] (1972) Leningrad: Sov. pisatel' Publ. Pp. 326–332.

Poroshin S. A. (1869) Sto tri dnya iz detskoy zhizni imperatora Pavla Petrovicha [One hundred and three days from the childhood life of Emperor Pavel Petrovich]. In *Russkiy arkhiv. No. 1. Stb. 60* [Russian Archive].

Pushkin A. S. (1941) *Poln. sobr. soch.: V 16 t. T. 14* [Complete Works: in 16 vol. Vol. 14]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR Publ. P. 214.

Pushkin V. L. (1811) *O karuselyakh* [About Carousels]. Moscow. Pp. 4–10.

Pushkin V. L. (2005) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Hyperion Publ. Pp. 72–74.

Sankt-Peterburgskie vedomosti (1766) No 51, 27 June: 1–3; *Sankt-Peterburgskie vedomosti. Pribavlenie* (1766) No 51: 1–11; No 58: 1–4.

Sobranie russkikh stikhotvoreniy, vzyatykh iz sochineniy luchshikh stikhotvortsev rossiyskikh iz mnogikh russkikh zhurnalov: V 6 ch. Ch. 4 (1811) [A collection of the best Russian poets' works from many Russian magazines: in 6 parts. Part 4]. Moscow. Pp. 170–176.

Tsvetnik [Flower Garden] (1810) No 12: 357–363.

Vestnik Evropy (1807) No 8: 283–306; (1810) No 19: 220–227; No. 20: 249–266; (1811) No 12: 285–305; No 13: 34–57; No 16: 288–304; (1817) No 6: 100.

Zhukovskiy V. A. (2019) *Poln. sobr. soch. i pisem: in 20 vol. T. 15* [A complete collection of works and letters: in 20 volumes. Vol. 15]. Moscow: ID YaSK Publ.

References

Al'tshuller M. G. (1971) Primechaniya [Notes]. In *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. Pp. 863–871. (In Russian)

Bossan F. (2002) *Lyudovik XIV, korol'-artist* [Louis XIV, the Artist and the King]. Moscow: Agraf Publ. (In Russian)

Chumikov A. N., Bocharov M. P. (2006) *Svyazi s obshchestvennost'yu: teoriya i praktika. Ucheb. posobie* [Public Relations: Theory and Practice: A Study Guide]. Moscow: Delo Publ. (In Russian)

Evdoshenko Ju. V. (2001) *Kachenovskiy v obshchestvenno-ideynoy zhizni Rossii pervoy treti XIX v.:* avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [M. T. Kachenovsky in the Social and Ideological Life of Russia in the First Third of the 19th Century: extended abstract of PhD hist. sci. diss.] Moscow. (In Russian)

Iezuitova R. V. (1981) Iz neizdannoy perepiski V. A. Zhukovskogo [From the Unpublished Correspondence of V. A. Zhukovsky]. In *Ezhegodnik RO PD na 1979* [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 1979]. Leningrad: Nauka Publ. Pp. 80–112. (In Russian)

Ivinskiy A. D. (2013) V. P. Petrov i «Velikolepnaya karusel'» 1766 g. [V. P. Petrov and "Splendid Carousel" (1766)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4 (42): 320–327. (In Russian)

Ganulich A. K. (1997) Pushkin i moskovskaya karusel' 1811 goda [Pushkin and the Moscow Carousel of 1811]. In *Khozyaeva i gosti usad'by Vyazemy: k 850-letiyu Moskvy i 225-letiyu so dnya rozhdeniya Moskovskogo general-gubernatora, Svetleyshego knyazya Dmitriya Vladimirovicha Golitsyna. Bol'shie Vyazemy. Ch. III* [The Owners and Guests of the Vyazema Estate: to the 850th Anniversary of Moscow and the 225th Anniversary of the Birth of Moscow Governor-General, His Serene Highness Prince Dmitry Vladimirovich Golitsyn. Part 3]. Pp. 45–54. (In Russian)

Kiselev V. S. (2012) Evolyutsiya kommunikativno-povestvovatel'noy struktury «Vestnika Evropy» [Evolution of the Communicative and Narrative Structure of Vestnik Evropy]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya* 1 (17): 61–73. (In Russian)

Kochetkova N. D. (1972) Primechaniya [Notes]. In *Poety XVIII veka: V 2 t. T. 1* [Poets of the 18th Century: in 2 volumes. Vol. 1]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. Pp. 590–592. (In Russian)

Lotman Yu. M. (1971) Poeziya 1790–1810-kh godov [Poetry of the 1790s–1810s]. In *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ. Pp. 5–62. (In Russian)

Mikhaylova N. I. (1983) Pis'ma V. L. Pushkina k P. A. Vyazemskomu [Letters of V. L. Pushkin to P. A. Vyazemsky]. In *Pushkin: Issledovaniya i materialy. T. 11* [Pushkin: Studies and Materials. Vol. 11]. Leningrad: Nauka. Leningr. Otd. Publ. Pp. 213–249. (In Russian)

Mikhaylova N. I. (2012) *Vasiliy L'vovich Pushkin* [Vasily Lvovich Pushkin]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ. (In Russian)

Panov S. I. (2007) Pushkin Vasiliy L'vovich [Pushkin Vasily Lvovich]. In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograf. slovar'. T. 5* [Russian writers. 1800–1917: Biographical Dictionary. Vol. 5]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. Pp. 218–223. (In Russian)

Panov S. I. (2005) «Smirennyy stikhotvorets» ["The Modest Poet"]. In *Pushkin V. L. Stikhotvoreniya* [Pushkin V. L. Poems]. St. Petersburg: Giperion Publ. Pp. 3–22. (In Russian)

Proskurina V. (2006) *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [Myths of the Empire. Literature and Power in the Era of Catherine II]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)

Vacuro V. Je. (1989) I. I. Dmitriev v literaturnykh polemikakh nachala XIX veka []. In *XVIII vek. Sb. 16: Itogi i problemy izucheniya russkoy literatury XVIII veka* [The 18th century: sat. 16: Results and problems of studying Russian

literature of the 18th century.]. Leningrad: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskiy proekt» Publ. Pp. 139–170. (In Russian)

Velizhev M. B. (2004) «*Vestnik Evropy*» v *literaturnoy i obshchestvennoy zhizni vtoroy poloviny 1800-kh gg.:* dis. ... kand. filol. nauk. [«Bulletin of Europe» in the literary and social life of the second half of the 1800s: dissertation of the Candidate of Philology] Moscow. (In Russian)

Zykova G. V. (1998) *Zhurnal Moskovskogo universiteta «Vestnik Evropy»* (1805–1830 *gg.): Raznochintsy v epokhu dvoryanskoy kul›tury* [Magazine of Moscow University «Bulletin of Europe» (1805-1830): Raznochintsy in the era of noble culture]. Moscow: Dialog-MSU Publ. (In Russian)

Поступила в редакцию
15.05.2023

Сартаков Егор Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: esartak@mail.ru

СМЕРТЬ ГОГОЛЯ И СЕРБСКАЯ ПРЕССА

В статье представлены результаты исследования некрологов Гоголю, напечатанных в 1852 г. в сербской прессе. «Сербская газета» после смерти русского писателя лаконично сообщила о его кончине, а через три месяца в нескольких номерах был опубликован подробный некролог, из которого сербские читатели узнали много нового как о жизни, так и о творчестве Гоголя. В этом некрологе не просто запечатлен как образ большого славянского писателя, но и поставлен вопрос о мировом признании Гоголя и – шире – русской классической литературы. Именно так был запущен процесс увековечивания образа Гоголя с последующей культурной его канонизацией. В этом смысле некролог Гоголю в Сербии можно считать отправной точкой вхождения русского писателя в национальный литературный канон.

***Ключевые слова**: Гоголь, сербская литература, некролог, русско-сербские культурные связи.*

Egor V. Sartakov, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of History of Russian Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: esartak@mail.ru

GOGOL'S DEATH AND THE SERBIAN PRESS

The article deals with the obituaries for Gogol, published in 1852 in the Serbian press. After the death of the writer, Srpske Novine (Serbian Newspaper) promptly reported in a short message about his death, and three months later a detailed obituary for the writer was published in several issues, from which Serbian readers learned a lot about both the life and work of Gogol. This obituary not only fixed a certain image of the great Slavic writer in the memory of contemporaries, but also raised the question of the world recognition of Gogol and, more broadly, of Russian classical literature. It was in this way that the process of perpetuating, building up symbolic capital (P. Bourdieu) and the subsequent cultural canonization of Gogol was launched. In this sense, Gogol's obituary in Serbia can be considered the starting point for the entry of the Russian writer into the national literary canon.

***Key words**: Gogol, Serbian literature, obituary, Russian-Serbian cultural relations.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.84103

Некролог как жанр

Жанр некролога в последнее время находится в фокусе исследовательского внимания как историков литературы, так и историков журналистики. Ученые изучают общие особенности жанра (Рейтблат, 2014) и конкретные тексты, посвященные памяти того или иного писателя (Кузовкина, 2004; Прохорова, 2015; Надточий, 2021 и др.). Суммируя уже отмеченные черты жанра, подчеркнем важнейшую его особенность: некролог не просто сообщает случайные, не связанные друг с другом факты, объединенные лишь фигурой субъекта, но становится совокупностью социально полезных дел умершего, характеристикой его вклада в развитие общества: «Мы говорим, что мертвый “продолжает жить” в памяти потомства, как если бы речь шла о естественном продолжении самодеятельного существования. Но на самом деле речь идет об акте оживления, которым мертвый обязан волевому решению группы не допустить его исчезновения, сохранить его силой воспоминания как члена общности, взять его с собой в шагающее дальше настоящее» (Ассман, 2004: 34).

Поэтому совершенно закономерно, что в европейской литературе некрологи писателям появляются с конца XVIII в. во многом под влиянием сентиментальной эстетики, а в России даже прямо – творчества Н. М. Карамзина. Дело в том, что сентименталисты акцентировали идею независимости «достоинства» человека от его служебных успехов и деловых качеств (Кочеткова, 1994: 61). Руссоистская идея, лежавшая в основе сентиментализма, по-новому интерпретировала соотношение идеального и реального: «Две этих сферы начинают сближаться, и критерий естественности приобретает первостепенное значение» (Надточий, 2021: 43).

Именно в этот период романтики развивают идеи поэта-пророка, писателя как социально полезной единицы и особого предназначения искусства. К некрологам государственным деятелям, военачальникам и членам императорской семьи, чьи заслуги перед обществом были очевидны, начали добавляться статьи об умерших писателях и поэтах.

Получается, что жанр некролога, поскольку он является характеристикой социальной полезности человека, позволяет многое рассказать не только о человеке, но и о конкретном обществе, для которого был написан. Иными словами, анализ некрологов позволит выделить, что для общества в данный момент считается полез-

ным (об этом и будет сказано), а что – вредным (в соответствии с традицией *de mortuis aut bene aut nihil* это в тексте будет опущено). Совершенно права Т. Д. Кузовкина: «Любой некролог, сообщая о смерти того или иного лица, обязательно называет место в социальной структуре общества, которое он занимал. Оценка заслуг и личных качеств умершего, демонстрируя ценностные ориентиры автора некролога, одновременно показывает, каковы приоритеты общества в целом» (2004: 276).

Смерть Н. В. Гоголя 21 февраля 1852 г. в Москве вызвала целую серию некрологов в русской печати, наиболее содержательный из которых принадлежал перу М. П. Погодина и был опубликован в «Москвитянине», а наиболее скандальный – перу И. С. Тургенева в газете «Московские ведомости». Однако в данном случае нас интересуют некрологи Гоголю в сербской печати.

Выбор объекта исследования определен не только нашими личными интересами и необходимостью восполнить исследовательскую лакуну (что особенно актуально в условиях публикации в ИМЛИ РАН Академического полного собрания сочинений и писем Гоголя), но и предположением, что именно в славянских странах произведения Гоголя узнали раньше других[1], а следовательно, некрологи о русском писателе будут весьма содержательными. Они, с одной стороны, покажут, что из жизни и творчества Гоголя было востребовано в Сербии в середине XIX в., а с другой – определят каналы мирового признания творчества Гоголя и – шире – русской классической литературы.

Первый некролог Гоголю в Сербии

К 1852 г. сербские читатели уже были знакомы не только с именем Гоголя, но и с некоторыми его произведениями. Первое упоминание о Гоголе в сербской печати мы обнаружили в 1838 г., а первый перевод на сербский язык вышел в 1849 г., когда была опубликована «Сорочинская ярмарка» в переводе Тимотие Илича в газете «Новине србске» («Сербская газета»). Через год в переводе Илича там же появилась «Страшная месть».

Вполне закономерно, что именно этот печатный орган оперативно опубликовал первый некролог памяти Гоголя в Сербии. 18 марта, то есть через 13 дней после смерти писателя (по новому стилю тот скончался 5 марта), газета сообщала читателям, что в Москве скончался «великий муж» и «знаменитый русский писа-

тель» Гоголь, известный сербским читателям «как автор “Мертвых душ”»[2]. Краткое сообщение заканчивалось уверением, что в этом же году газета планирует в качестве приложения издать поэму Гоголя. К сожалению, обещание осталось невыполненным то ли из-за невозможности достать в Сербии русский текст «Мертвых душ», то ли (что более вероятно) из-за невозможности найти переводчика, но только через семь лет, в 1859 г., в газете напечатали отрывок «Скупой» – анонимный перевод небольшого фрагмента шестой («плюшкинской») главы поэмы Гоголя[3]. Витомир Вулетич (Вулетић, 1976: 33) справедливо указал, что сербским читателям был предложен перевод именно шестой главы, потому что, с одной стороны, образ Плюшкина напоминал читателям героя комедии известного сербского комедиографа Стерии Поповича «Скупой», а с другой – привлекал своей художественной исключительностью[4].

Необходимость оперативно сообщить о смерти Гоголя, по-видимому, не позволила редактору «Сербской газеты» Милошу Поповичу подробно раскрыть роль писателя в русской литературе, надо было найти критика, достаточно разбиравшегося в предмете, знакомого с произведениями Гоголя, чтобы осветить его путь для сербского читателя. Либо можно было повременить, дождаться, чтобы в изданиях других стран (австрийских, немецких и т. д.) появились подробные некрологи, а потом, скомпилировав их, напечатать в своей газете.

«Сербская газета» о жизни и смерти Гоголя

Через три месяца в двух номерах «Сербской газеты» за 5 и 10 июня был опубликован анонимный некролог Гоголю, который можно считать наиболее подробным текстом о писателе в сербской журналистике. Весь газетный подвал этих номеров был отведен некрологу, в котором впервые в Сербии звучит полное имя «Николая Васильевича Гоголя»[5].

Некролог начинался общими размышлениями о том, что «Россия праздновала не меньше славных побед на литературных полях, чем на полях политики», однако у страны «несчастная судьба», ведь «она потеряла своих величайших героев искусства в расцвете лет самым трагическим образом»[6].

Далее автор перешел к рассмотрению биографии умершего писателя, многие факты которой сербские читатели узнали впервые. Так, он верно назвал Полтавщину малой родиной Гоголя и в целом

правильно охарактеризовал «патриархальную» атмосферу дома Гоголей-Яновских: «Он (Гоголь. – *Е.С.*) <...> в первых своих произведениях отразил впечатления, исходившие из родной земли, которые, сохраняя ограниченные рамки деревни, давали глубокую характеристику времени и людей»[7]. Для Сербии, которая еще не существовала как единое государство, а была разделена между Австро-Венгрией (Воеводина) и Османской империей, идея о «впечатлениях, исходивших из родной земли», чрезвычайно важна. Часть страны, включая Белград, официально находилась под протекторатом Османской империи, другая часть управлялась австрийской династией Габсбургов. Как раз в этот период наметилось движение за независимость югославян, окончательно установившуюся после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. благодаря России. Поэтому мотивы почвы, рода, земли, соплеменников и другие этого же семантического поля чрезвычайно важны для сербов периода их национального возрождения. Добавим к этому и распространенное в этот период на Балканах романтическое направление в литературе, для которого в принципе характерна «идея почвы». Не случайно в некрологической заметке указано, что впечатления «из родной земли» Гоголь «воплотил в первых своих произведениях», что позволило ему дать «глубокую характеристику времени и людей».

После упоминания повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» (отдельно выделена еще не переведенная тогда на сербский язык «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») публицист перешел к подробному разбору комедии «Ревизор».

Комедия «Ревизор» и первый том поэмы «Мертвые души» в оценке «Сербской газеты»

Важно отметить, что комедия еще не была переведена на сербский язык, более того, мы даже не смогли найти ни одного более раннего ее упоминания в прессе. Здесь же «Ревизор» не только был назван, но и подробнейшим образом охарактеризован: «<...>некий легкомысленный молодой человек, путешествуя из столицы в родной город, должен, не имея при этом средств, расплатиться с гостиницей, а раздраженные чиновники приходят к мысли, что этот путешественник не кто иной, как ревизор, желающий сохранить инкогнито. Молодой ветреник, чувствуя это,

согласился с идеей чиновников». Это привело к «множеству комических событий», в которых «всесторонне представлена русская бюрократия со всеми ее слабостями и пороками»[8].

Получается, что в сербской газете не просто описана фабула «Ревизора», но и верно отмечена идея мнимого ревизора и отсутствия при этом традиционного драматического конфликта, ведь «молодой ветреник» лишь сыграл навязанную ему чиновниками роль, не являясь сознательным лгуном. В этом смысле анонимный критик точно назвал Гоголя новатором, до которого никто в России не организовывал пьесы подобным образом. Отметил критик и демократизацию как черту творчества автора «Ревизора», потому что тот перенес пьесу в провинциальный город, «расширяя салонную литературу», делая предметом своих произведений не только «светскую жизнь и высшие круги общества»[9].

И вновь перед нами, пусть и одностороннее (сугубо социальное), но актуальное для Сербии середины XIX в. толкование пьесы Гоголя. Дело в том, что проблема взяточничества и бюрократии, усиленная антитурецкими и антиавстрийскими настроениями, остро стояла в это время перед сербами. Обычно все высшие государственные должности были заняты ставленниками Габсбургов (в австрийской Воеводине) или назначались из Константинополя (для той части Сербии, которая находилась под протекторатом Турции). Проблемы, артикулированные Гоголем в «Ревизоре»: многолетняя волокита, взяточничество, перлюстрация частной корреспонденции, низкий уровень образования, – были актуальны в общественной повестке Сербии этого периода.

Конечно, подобное истолкование пьесы, пусть и в несколько одностороннем, социальном ключе, расходилось с позднейшими интерпретациями самого Гоголя, который в «Театральном разъезде» и особенно в «Развязке Ревизора» как окончательном звене процесса символизации комедии не связывал морального воздействия своей комедии исключительно с искоренением взяточничества. Тем не менее именно социальный аспект комедии прозвучал как в некрологе «Сербской газеты», так и при первой постановке «Ревизора» в Сербии, которая состоялась в 1870 г. на сцене Национального театра Белграда и стала вообще первой иностранной пьесой, поставленной в этом театре сразу же в год его открытия (Сартаков, 2017).

После анализа «Ревизора» публицист не обошел вниманием и центральное произведение Гоголя, название которого уже встреча-

лось на страницах сербских журналов, – поэму «Мертвые души»: «Гоголь <...> начал с деревенской повести, от нее перешел к профессии драматурга. Закончил эпосом <...>»[10]. «Похождения Чичакова (так! – *Е.С.*), или Мертвые души» позволили публицисту сравнить Гоголя с Гомером, а главного героя «Чичакова» назвать «славянским Одиссеем»[11].

Такое сравнение, чрезвычайно лестное для Гоголя, считавшего «Илиаду» и «Одиссею» «глубоким и великим совершенством»[12], позволяет предположить, что автор статьи был знаком (быть может, опосредованно – через немецкие или чешские источники) с брошюрой К. С. Аксакова о «Мертвых душах». Тот видел в поэме Гоголя воскрешение древнего эпоса, в частности гомеровского: «<...> явления идут одни за другими, спокойно сменяя друг друга, объемлемые великим эпическим созерцанием, открывающим целый мир, стройно предстающий со своим внутренним содержанием и единством, со своею тайною жизни <...> и опять, только у Гомера можно найти такое творчество»[13].

И не случайно в сербском некрологе Гоголю без указания имен рассказывалось о полемике, разразившейся в русской печати после этого выступления Аксакова: «Одна литературная партия, обожавшая произведение Гоголя, провозгласила его главнейшим поэтом прошлого и современности, но в то же время сторонники классической школы не разделяли этих настроений, противопоставляя гомеровские описания литературе сегодняшнего времени»[14].

Под «сторонниками классической школы» сербский критик мог иметь в виду многочисленных русских журналистов-пуристов, упрекавших Гоголя в «грязных темах» и «грязных словах», тогда сербское «пріятельи класичне школе» следует переводить как «сторонники классического наследия». И действительно, критики круга «Северной пчелы», «Сына Отечества» и «Библиотеки для чтения» постоянно потешались над сравнением Гоголя и Гомера. Так, К. П. Масальский в булгаринском «Сыне Отечества» отозвался на параллель между Гоголем и Гомером с откровенным ерничеством: «Правда, что между Гомером и Гоголем есть сходство: обе эти фамилии начинаются, как видите, с Го...»[15]. Эта статья вышла еще до брошюры Аксакова (цензурное разрешение статьи – 31 мая; цензурное разрешение брошюры – 7 июля), поэтому может считаться вообще первым сравнением Гоголя и Гомера, которое, по всей видимости, уже ходило в устной форме в читательских кругах.

Еще жестче, даже издевательски об этой параллели высказался О. И. Сенковский в редактируемой им «Библиотеке для чтения», августовский номер которой вышел уже после брошюры К. С. Аксакова: «Какое поэтическое сравнение!.. – да как развито!.. <...> все знаменитые сравнения у Гомера, Вергилия, Тассо, Ариосто, Мильтона, под этим великолепным сравнением – говоря твоим (гоголевским. – *Е.С.*) изящным языком – *свинтусы, подлецы!* (курсив в оригинале. – *Е.С.*)»[16]. Причем в ранней версии статьи Сенковского, хранящейся в отделе рукописей РНБ и опубликованной в 1936 г. Н. И. Мордовченко, еще более откровенны нападки Сенковского на К. С. Аксакова за его сравнение Гоголя с Гомером. В первоначальной редакции рецензия была написана в виде «притчи», которая развертывалась как разговор «скотов» – быка, осла и верблюда – о книге Гоголя. Быку Силычу, который читает «Мертвые души», были явно приданы черты самого Гоголя. В Осле Разумниковиче, восторженном апологете «Мертвых душ», нетрудно узнать К. С. Аксакова: «Браво, Силич! воскликнул осел в восторге: браво!.. да это настоящая эпопея <...> Гомер, Виргилий, Тассо, Ариосто, Мильтон перед тобой просто ослы!...»[17].

Поток издевательств по отношению к К. С. Аксакову Сенковский не прекращал и в следующих номерах своего журнала. Через четыре года, 26 октября 1846 г., И. С. Аксаков писал отцу: «Читали ли вы или видали ли октябрьскую книжку “Библиотеки для чтения”. Вообразите, там по поводу разбора какой-то книжонки Сенковский объявляет публике, что Гоголь болен, вдался в *мистицизм* (здесь и далее курсив в оригинале. – *Е.С.*), не хочет продолжать “Мертвых душ” и так самолюбиво замечтался, что всех учит, дает наставления. Всё это сказано с ругательствами и насмешками. Он не называет его Гоголем, но *Гомером, написавшим „Мертвые души“*. Название *Гомер* повторил он раз двадцать на одной страничке. Какой мерзавец!»[18].

Менее вероятно, что сербский критик мог иметь в виду под «сторонниками классической школы» русских журналистов из круга «литературных аристократов» типа С. П. Шевырева, который парадоксально в вопросе неприятия брошюры Аксакова сошелся и с Сенковским, и с В. Г. Белинским. И тогда сербское «пріятельи класичне школе» следует переводить как «сторонники нормативной школы» (при всей спорности этого понятия по отношению к Шевыреву). Критик резко выступил против брошюры Аксакова и раздраженно писал М. П. Погодину: «Всеобщий хохот

читавших брошюру Константина Аксакова, даже и его стороны, был ему возмездием за гордость. Осрамился совершенно! Даже Белинский в “Отечественных Записках” сказал ему дело»[19]. К слову, Погодин тоже был настроен против статьи Аксакова и поэтому отверг ее к публикации в редактируемом им журнале «Москвитянин»[20].

И уж совсем невероятно, что в сербской газете под «сторонником классической школы» имелся в виду Белинский, печатно осудивший брошюру К. С. Аксакова за сравнение Гоголя с Гомером, однако едва ли подпадающий под понятие «классической школы»[21].

Остается только добавить, что сам Гоголь также был не совсем доволен брошюрой Аксакова (« <...> Погодин был отчасти прав, не поместив ее»[22]), ведь, по мысли Аксакова, Гоголь и Гомер противостояли всем мировым писателям, вообще всему ходу движения мировой литературы. Напротив, автор «Мертвых душ», по крайней мере в этот период, испытывал ощущение преемственности по отношению к Филдингу, Вальтеру Скотту, Пушкину и другим (Виноградская, Гуревич, Дмитриева, Зайцева и др., 2012: 599).

По-видимому, важно не у кого конкретно сербский критик заимствовал сравнение Гоголя и Гомера, а что до читателей в Сербии дошло это сравнение и тем самым был поставлен вопрос о мировом значении творчества русского писателя.

Далее в сербской газете было дано объяснение фабулы «Мертвых душ»: «Мы видим <...> в лице Чичакова, в частности, такого человека, который не просто совершает вопиющее преступление, но под видом честности позорит и злоупотребляет законом и правом и при этом предстает перед миром как человек умный, образованный и добрый»[23]. Причем в газете специально для сербского читателя была разобрана многозначность русского понятия «мертвая душа» (в значении «мертвые мужики» и в христианском смысле), которое сделало заглавие поэмы полисемантичным.

Заканчивается разбор «Мертвых душ» сообщением о популярности этого произведения у читателей: «Скажу, что профессор Погодин, издавший на собственные средства “Мертвые души”, получил прибыли 6 000 рублей серебром, что для России является огромной суммой, ведь читающих людей в стране не так много»[24]. Это замечание содержало ряд неточностей. Во-первых, поэма

издавалась не на деньги «профессора Погодина», а на средства автора, который писал своему приятелю Н. Я. Прокоповичу 12 (24) сентября 1843 г. из Дюссельдорфа: «Напечатание тома “Мертвых душ” мне стоило 2 тысячи»[25]. Соответственно, и прибыль получал Гоголь. По своему обыкновению, уезжая в 1842 г. из России в Италию, Гоголь поручил заниматься всеми издательскими, в том числе финансовыми, вопросами Шевыреву в Москве и Прокоповичу в Петербурге. Те чрезвычайно аккуратно вели учет проданных книг (первый тираж составил 2 400 экземпляров) и отчитались за каждый рубль. По этому отчету, составленному Шевыревым для Гоголя, общая прибыль за первое издание составила 15 583 рубля 50 копеек[26]. Правда, в этом же письме Шевырев аккуратно посчитал все долги Гоголя (себе, Погодину, Хомякову, Аксаковым и др.) и вышло, что после уплаты долгов Гоголю за первое издание досталось 14 рублей 97 копеек[27]. Так что просьба Гоголя Прокоповичу из Рима 5 (17) апреля 1843 г.: «Мне хотелось, чтобы скорей как можно выплатилась хотя половина моих долгов из продажи М<ертвых> д<уш> и чтобы не брать оттуда для себя ни копейки до того времени»[28], – была выполнена почти буквально.

Трудно сказать, откуда в сербской газете появилась информация об издателе Погодине и сумме в 6 000 рублей, тем не менее сама мысль о невероятной популярности поэмы Гоголя у читателей была совершенно справедлива. Книгу начали продавать летом 1842 г. в Москве и Петербурге, и Гоголь боялся, что в «мертвый сезон», когда жители обеих столиц разъезжаются по дачам, продажи просто не пойдут. «Подумай только, что размен мыслей, новостей и впечатлений у нас производится только зимою. Зимой всё соединяется в общества, в города; всё расходится быстро, всё узнается всеми до последней мелкой сплетни. Летом всё гаснет и дремлет; сообщенья людей исчезают: один на Кавказе, другой за границей, третий зарылся в деревенское захолустье. Слухи движутся лениво, новости и вести едва доносятся; шум и крики, способствующие огласке, умолкают все. Сообщенья нет: все разъед<ин>ено»[29], – сообщал обеспокоенный Гоголь Прокоповичу 30 марта 1842 г.

Опасения автора оказались напрасными. Анонимный рецензент «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» 16 июня 1842 г. сообщал: «Несмотря, как говорится, на глухую пору в книжной торговле, сочинения Гоголя покупают нарасхват. Книгопродавцы, как ни были велики их ожидания, не могут надивиться,

однако ж, быстроте, с какой расходятся “Похождения Чичикова”»[30]. В начале июля 1842 г. об этом же уехавшему за границу Гоголю писал С. Т. Аксаков: «Несмотря на лето, “Мертвые души” расходятся очень живо и в Москве, и в Петербурге»[31]. А к концу лета относилось свидетельство по этому поводу Белинского, высказанное в сентябрьском томе «Отечественных записок» (цензурное разрешение 31 августа): «“Мертвых душ” скоро нельзя будет достать ни в одной книжной лавке, несмотря на то что они печатались в большом числе экземпляров...»[32]. Ажиотаж был таким сильным, что по Петербургу ходил слух, будто петербургский типограф Жернаков, «каналья» по определению Шевырева, без ведома автора напечатал дополнительные экземпляры и «продает от себя»[33].

«Сербская газета» о втором томе поэмы «Мертвые души» и «Выбранных местах из переписки с друзьями»

Коснулся анонимный сербский критик и судьбы второго тома поэмы Гоголя: «Второй том “Мертвых душ” долго не издавался, однако все ждали его с нетерпением. Писатель в это время жил в Риме, и говорят, что он там дописал и отправил вторую часть в Петербург на печать, однако рукопись не прошла цензуру. Это стало причиной печального настроения автора или, что более вероятно, в Италии его дух принял иное направление, которое вступило в противоречие с его более ранними произведениями. Гоголь стал тяготеть к религии, совершил путешествие ко Гробу Господнему и стал полемизировать с другими русскими литераторами о путях вечного спасения. Он обнародовал некую целую исповедь о вере, в которой отказался от всего своего предыдущего творчества и в которой за печальными, фаталистическими высказываниями никак было не узнать веселого и язвительного писателя “идиллических повестей” и “Ревизора” или истинного гениального поэта “Мертвых душ”»[34].

Первая часть этого пассажа вообще не выдерживала никакой критики: будто бы Гоголь из Рима отправил рукопись второго тома «Мертвых душ» в Петербург, но тот не прошел цензуру. Между тем вторая часть более интересная. Очевидно, что под «целой исповедью о вере» подразумевалась публицистическая книга «Выбранные места из переписки с друзьями», опубликованная в 1847 г. Сербский критик верно указал, что эта книга явилась своеобразным продолжением первого тома «Мертвых душ» и должна была

не просто объяснить отсутствие второго тома, но стать неким комментарием к нему (Манн, 2004: 719–720). Не случайно в письмах 1845–1847 гг., времени работы над «Выбранными местами...» и вторым томом, Гоголь, по-видимому, вполне сознательно называл свое произведение «трудом», не позволяя распознать, о чем шла речь: о «Выбранных местах...» или о втором томе. Например, 12 (24) февраля 1845 г. из Парижа А. О. Смирновой он писал: «Молитесь, чтобы помог Бог мне в труде, уже не для славы и не для чего-либо другого предпринятого, но в его святое имя и в утешенье душевное брату, а не в увеселение его»[35]. А матери 13 (25) января 1847 г. из Неаполя сообщал о «сочинении», без которого ему «нельзя ехать в Иерусалим»[36]. Симптоматично, что в старом Академическом собрании сочинений Гоголя комментаторы посчитали, что речь в последнем письме шла о «Выбранных местах...» (Михайлова, 1937–1952: 488), – Ю. В. Манн (1987: 221) предположил, что речь все же о втором томе поэмы. Комментаторы нового Академического собрания сочинений дипломатично оставили этот вопрос неразрешенным, справедливо акцентировав невозможность его однозначного решения (Виноградская, Дмитриева, Зайцева, Манн и др., 2020: 464). Все это доказывает, что «Выбранные места...» и второй том поэмы при всей разности жанровых и стилевых решений – это «единая книга творений Гоголя» (Гончаров, 1997: 222). «Выбранные места...» – произведение, которое выполняет «одновременно функцию пропедевтики и герменевтики второго тома» (Виноградская, Дмитриева, Зайцева, Манн и др., 2020: 470).

«Спор с другими русскими литераторами», о котором было написало в сербском некрологе, тоже может быть идентифицирован: это, конечно, общественная полемика, разразившаяся в русской прессе после выхода «Выбранных мест...». Уже февральский номер (1847 г.) петербургского журнала «Финский вестник» сообщал читателям: «Ни одна книга, в последнее время, не возбуждала такого шумного движения в литературе и обществе, ни одна не послужила поводом к столь многочисленным и разнообразным толкам <...>»[37]. А по свидетельству Шевырева, в течение двух месяцев по выходе книги «она составляла любимый, живой предмет всеобщих разговоров. В Москве не было вечерней беседы, разумеется, в тех кругах, куда проникают мысль и литература, где бы не толковали об ней, не раздавались бы жаркие споры, не читали бы из нее отрывки»[38]. В этой связи симптоматично и высказывание Белинского,

встретившего книгу негативно и писавшего через полгода после выхода, что книга Гоголя «теперь памятнее всеми статьями о ней, нежели сама собою»[39].

Одним из первых весьма критично на книгу откликнулся Белинский, опубликовавший в февральском номере «Современника» за 1847 г. статью, в которой, однако, не мог высказать всех своих мыслей о «гнусной книге Гоголя» в связи с требованиями редактора журнала А. В. Никитенко, опасавшегося цензуры[40]. После печатной рецензии на «Выбранные места...» Белинский послал Гоголю письмо 15 июля 1847 г. из Зальцбрунна, в котором обвинил его в измене своим предыдущим убеждениям: «И в это время великий писатель, который своими дивно-художественными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на самое себя как будто в зеркале, – является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их **“неумытыми рылами”**!..»[41]. «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов»[42], – этот приговор Белинского Гоголю эхом долетел и до Сербии.

И вслед за Белинским сербский критик поддержал концепцию «двух Гоголей» – гениального писателя, создавшего «идиллические повести», «Ревизор» и «Мертвые души», и религиозного фанатика, отказавшегося в конце жизни от всего ранее им написанного. Такое тенденциозное восприятие творчества Гоголя после 1852 г. закрепилось в Сербии более чем на полвека. Например, один из сербских критиков в 1905 г. писал, что Гоголь именно благодаря своему «Ревизору», оказался на почетном месте «в обществе рассудительных социалистов»[43]. А после Октября 1917 г. в одной статье в журнале социалистической рабочей партии Югославии упоминалось, что «Ревизор» входит в число «тех значительных произведений русской литературы, которые готовили почву для Октябрьской революции»[44].

Выводы

Нам удалось установить, что сербские читатели в 1852 г. не просто узнали о факте смерти Гоголя, но расширили свои представления о его биографии, в которой акцентировалась мысль о связи «почвы» и таланта писателя. Эта идея, справедливая сама по

себе, была чрезвычайно важна для сербов в 1850-е гг. – в период национального возрождения югославян.

Вместе с тем узнали сербские читатели и о главных произведениях Гоголя – «Ревизоре» и «Мертвых душах». Причем эти сочинения оказались вписанными в актуальную социальную повестку Сербии середины XIX в., ведь в произведениях русского писателя сербский журналист акцентировал именно социальные аспекты. Именно эти свойства русской жизни из произведений Гоголя оказались востребованными сербским социумом середины XIX в. Напротив, поздние произведения Гоголя, прежде всего «Выбранные места из переписки с друзьями», были оценены негативно. По-прежнему стоит вопрос реминисцентного фона для некрологов Гоголю в сербской печати. Бесспорно, это должно стать предметом отдельного анализа.

В целом же подробные некрологи Гоголю в югославянской прессе должны были не только познакомить читателей с жизнью и творчеством писателя, но и зафиксировать в памяти современников образ большого славянского писателя. Именно так запустился в действие процесс увековечивания, наращивания символического капитала (П. Бурдье) и последующей культурной канонизации Гоголя. В этом смысле некрологи Гоголю в Сербии можно считать отправной точкой вхождения русского писателя в национальный югославянский литературный канон.

Примечания

[1] Так, в библиографии переводов произведений Гоголя на иностранные языки, составленной в 1953 г., крайне неполной в части славянских переводов, зафиксировано, что первыми стали переводы на чешский язык повести «Тарас Бульба» (1839 г.), польский язык «Записок сумасшедшего» (1843 г.) и «Мертвых душ» (1844 г.). Первый французский перевод зафиксирован только в 1845 г. (Морщинер М. С., Пожарский Н. И. Библиография переводов на иностранные языки произведений Н. В. Гоголя. М.: [б.и.], 1953. Приложение 1).

[2] *Anon.* Гоголь // Новине србске. 1852. № 33. С. 118.

[3] *Anon.* Тврдица // Новине србске. 1859. № 22–24. С. 101, 105, 109.

[4] Именно этот перевод 1859 г., очевидно, имел в виду В. Н. Кораблев (1902: 384), когда писал о «сделанном лет 30 тому назад» «совершенно неудовлетворительном» первом переводе «Мертвых душ» на сербский язык. Комментаторы нового Академического полного собрания сочинений Гоголя (Виноградская, Гуревич, Дмитриева, Зайцева и др., 2012: 696), ссылаясь на эту статью Кораблева, без дополнительных разысканий назвали это первым переводом поэмы «Мертвые души» на сербский язык (правда, неуверенно – «по-видимому»), выполненным

«в начале 1870-х годов и печатавшимся в сербских газетах». В действительности перевод был опубликован в «Сербской газете» в 1859 г.

[5] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 233.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 234.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. III. С. 111.

[13] *Аксаков К. С.* Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 144. В гоголеведении довольно подробно проанализирована связь Гоголя и Гомера (Радциг, 1959; Гуминский, 2016; Шульц, 2017 и др.).

[14] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 234.

[15] *[Масальский К. П.]* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя... // Сын Отечества. 1842. Ч. III. № 6. С. 2.

[16] *[Сенковский О. И.]* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя... // Библиотека для чтения. 1842. Т. LIII. № 8. С. 29.

[17] *Сенковский О. И.* <Рукописная редакция статьи о «Мертвых душах»> / Прим. *Н. Мордовченко* // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Т. 1. С. 233.

[18] *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 326.

[19] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. Кн. 6. С. 298.

[20] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. Кн. 6. С. 297.

[21] Полемика К. С. Аксакова и Белинского детально изучена исследователями. См.: (Манн, 1987: 149–165; Анненкова, 1976; Кошелев, 1976 и др.).

[22] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 93. Правда, как верно указали в комментариях к собранию сочинений и писем Гоголя И. А. Виноградов и В. А. Воропаев (2009: 612), этот отзыв Гоголь написал еще до знакомства с самой брошюрой. После же знакомства с текстом К. С. Аксакова Гоголь 18 марта 1843 г. писал его отцу: «Константину Сергеевичу скажите, что я и не думал сердиться на него за брошюрку; напротив, в основании своем она замечательная вещь. Но разница страшная между диалектикою и письменным созданием, и горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль еще ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем, где бы всякое слово можно почти щупать пальцем» (Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 150).

[23] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 234.

[24] Там же.

[25] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 217.

[26] *[Шевырев С. П.]* Письма к Н. В. Гоголю // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1893. Приложения. С. 12.

[27] Там же.

[28] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 162.

[29] Там же. С. 50.

[30] *Anon.* Литературное обозрение // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1842. № 48. С. 203.

[31] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. М.; Киев, 2009. Т. 12. С. 91.

[32] *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 6. С. 348.

[33] *[Шевырев С. П.]* Письма к Н. В. Гоголю // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1893. Приложения. С. 7.

[34] *Anon.* Никола Василевићъ Гоголь // Новине србске. 1852. № 63. С. 235.

[35] *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: в 14 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. XII. С. 459.

[36] Там же. Т. XIII. С. 195.

[37] *Anon.* Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя // Финский вестник. 1847. № 2. С. 33.

[38] *Шевырев С. П.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя // Москвитянин. 1848. № 1. С. 4.

[39] *Белинский В. Г.* <Письмо к Н. В. Гоголю> <15 июля н. ст. 1847 г. Зальцбрунн> // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 10. С. 212.

[40] *В. Б.* <*Белинский В. Г.*> Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847 // Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. 3. С. 103 – 124.

[41] *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 10. С. 212. Выделение в оригинале. – *Е.С.*

[42] Там же.

[43] К-вет- Н. В. Гоголь // Пријеглед. 1902. № 5–6. С. 79.

[44] *Anon.* Николај Васиљевић Гоголь // Самоуправа. 1924. № 256. [С. 1].

Библиография

Анненкова Е. И. Гоголь и К. Аксаков // Пути русской прозы XIX века. Л.: [б. и.], 1976. С. 16–29.

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. *М. М. Сокольской*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Виноградов И. А., Воропаев В. А. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской патриархии, 2009. Т. 12. С. 573–686.

Виноградская Н. Л., Гуревич П. Ю., Дмитриева Е. Е., Зайцева И. А., Манн Ю. В., Супронюк О. К., Шолохова А. С. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 23 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Наука, 2012. С. 297–843.

Виноградская Н. Л., Дмитриева Е. Е., Зайцева И. А., Манн Ю. В., Шолохова А. С. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 23 т. Т. 8. М.: Наука, 2020. С. 341–713.

Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997.

Гуминский В. М. Гоголевские обращения к Гомеру // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосибирский ИД, 2016. С. 18–27.

Кораблев В. Гоголь у сербов // Литературный вестник. 1902. Т. III. Кн. 4. С. 383–387.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994.

Кошелев В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя в трактовке ранних славянофилов // Русская литература. 1976. № 3. С. 82–100.

Кузовкина Т. Д. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту 3. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. С. 276–293.

Манн Ю. В. В поисках живой души: «Мертвые души»: Писатель – критика – читатель. М.: Книга, 1987.

Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М.: Аспект-пресс, 2004.

Михайлова А. Н. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 13. С. 447–536.

Надточий Е. Е. К истории становления жанра некролога в русской литературе: некрологи Н. М. Карамзина // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2021. № 463. С. 42–45.

Прохорова И. Е. Смерть М. Ю. Лермонтова и русская журналистика // Медиаскоп. 2015. № 1. Режим доступа: http://www.mediascope.ru/1686#52 (дата обращения 11.11.2022).

Радциг С. И. Гоголь и Гомер // Вестн. Моск. ун-та. Историко-филологическая серия. 1959. № 4. С. 121–138.

Рейтблат А. И. Некролог как биографический жанр // Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. С. 195–202.

Сартаков Е. В. История первой постановки комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на сербской сцене // Славяноведение. 2017. № 6. С. 12–20.

Шульц С. А. К вопросу о традициях гомеровской «Одиссеи» в «Мертвых душах» Гоголя // Вестн. Северо-Восточн. фед. ун-та имени М. К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2017. № 3. С. 52–56.

Вулетић В. Н. В. Гоголь и српска књижевна оријентација пре једного века // Зброник Матице српске за славистику. Нови Сад: Матица српска, 1976. Књ. 10. С. 30–65.

Notes

Aksakov K. S. (1981) Neskol'ko slov o poeme Gogolya: «Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi» [A few words about Gogol's poem "The Adventures of Chichikov, or Dead Souls"]. In K. S. Aksakov, I. S. Aksakov *Literaturnaya Kritika*. Moscow: Sovremennik Publ.

Aksakov I. S. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to relatives. 1844–1849]. Moscow: Nauka Publ. P. 326.

Anon (1852) Gogol' [Gogol']. *Novine srbske* 33: 118.

Anon (1859) Tvrditsa [Stingy]. *Novine srbske* 22–24: 101, 105, 109.

Anon (1852) Nikola Vasileviћ» Gogol› [Nikolay Vasilevich Gogol']. *Novine srbske* 63: 233.

Anon (1847) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami Nikolaya Gogolya [Selected passages from correspondence with friends]. *Finskiy Vestnik* 2: 33.

Barsukov N. P. (1892) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina: V 22 kn. T. 6* [Life and works of M. P. Pogodin: In 22 books. Vol. 6:]. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. P. 98.

Belinskiy V. G. (1847) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami Nikolaya Gogolya [Selected passages from correspondence with friends]. *Sovremennik* 2: 103–124.

Belinskiy V. G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete works: In 13 volumes]. Moscow: AN SSSR Publ.

Gogol' N. V. (1937–1952) *Polnoe sobranie sochineniy: V 14 t.* [Complete works: In 14 volumes]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ.

Masal'skiy K. P. (1842) Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolya... [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol']. *Syn Otechestva* 6: 2.

Senkovskiy O. I. (1842) Pokhozhdeniya Chichikova, ili Mertvye dushi. Poema N. Gogolya... [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls. Poem by N. Gogol']. *Biblioteka dlya chteniya* 8: 29.

Senkovskiy O. I. (1936) <Rukopisnaya redaktsiya stat'i o «Mertvykh dushakh»> [Handwritten version of the article about "Dead Souls"]. In *N. V. Gogol': Materialy i issledovaniya. T. 1* []. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ. P. 233.

Shevyrev S. P. (1893) Pis'ma k N. V. Gogolyu [Letters to N. V. Gogol]. *Otchet Imperatorskoy Publichnoy biblioteki za 1893 god*. St. Peterburg: Tipografiya V. S. Balasheva Publ. P. 12.

Shevyrev S. P. (1848) Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami N. Gogolya [Selected passages from correspondence with friends]. *Moskvityanin* 1: 4.

References

Annenkova E. I. (1976) Gogol' i K. Aksakov [Gogol and K. Aksakov]. In *Puti russkoy prozy XIX veka* [Paths of 19th Century Russian Prose]. Leningrad. Pp. 16–29. (In Russian)

Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russian)

Goncharov S. A. (1997) *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol's Works in a Religious and Mystical Context]. St. Petersburg: Gertsen RGPU Publ. (In Russian)

Guminskii V. M. (2016) Gogolevskie obrashcheniya k Gomeru [Gogol's Appeals to Homer] In *Tvorchestvo Gogolya i evropeĭskaya kul'tura. Pyatnadtsatye Gogolevskie chteniya*. [Gogol's Works and European Culture. Fifteenth Gogol Readings] Moscow; Novosibirsk: Novosibirskii Izd. Dom Publ. Pp. 18–27. (In Russian)

Kochetkova N. D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma: Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya* [Literature of Russian Sentimentalism: Aesthetic and Artistic Strivings]. St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)

Korablev V. (1902) Gogol' u serbov [Gogol in Serbia]. *Literaturnyy vestnik* III (4): 383–387. (In Russian)

Koshelev V. A. (1976) «Mertvye dushi» N. V. Gogolya v traktovke rannikh slavyanofilov ["Dead Souls" by N. V. Gogol in the Interpretation of the Early Slavophiles]. *Russkaya literatura* 3: 82–100. (In Russian)

Kuzovkina T. D. (2004) Nekrolog Bulgarina Zhukovskomu [Obituary by Bulgarin to Zhukovsky] In *Pushkinskie chteniya v Tartu 3* [Pushkin Readings in Tartu 3]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus Publ. Pp. 276–293. (In Russian)

Mann Yu. V. (1987) *V poiskakh zhivoy dushi: «Mertvye dushi». Pisatel› – kritika – chitatel›* [In Search of a Living Soul: "Dead Souls". Writer – Criticism – Reader]. Moscow: Kniga Publ. (In Russian)

Mann Yu. V. (2004) *Gogol'. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and Days: 1809–1845]. Moscow: Aspekt-Press Publ. (In Russian)

Mikhaylova A. N. (1937–1952) Kommentarii [Comments] In Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy v 14 t. T. 13* [Complete works in 14 vol. Vol. 13]. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ. Pp. 447–536. (In Russian)

Nadtochiy E. E. (2021) K istorii stanovleniya zhanra nekrologa v russkoy literature: nekrologi N. M. Karamzina [On the History of the Formation of the Obituary Genre in Russian Literature: Obituaries by N. M. Karamzin]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta* 463: 42–45. (In Russian)

Prokhorova I. E. (2015) Smert' M. Yu. Lermontova i russkaya zhurnalistika [The Death of M. Yu. Lermontov and Russian Journalism]. *Mediascope* 1. Available at: http://www.mediascope.ru/1686#52 (accessed: 11.11.2022). (In Russian)

Radtsig S. I. (1959) Gogol' i Gomer [Gogol' and Homer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriko-filologicheskaya seriya* 4: 121–138. (In Russian)

Reytblat A. I. (2014) Nekrolog kak biograficheskiy zhanr [Obituary as a Biographical Genre] In A. I. Reytblat *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Biography, Sociology, and Literary History Articles]. Moscow: NLO Publ. Pp. 195–202. (In Russian)

Sartakov E. V. (2017) Istoriya pervoy postanovki komedii N. V. Gogolya «Revizor» na serbskoy stsene [History of the First Production of N. V. Gogol›s Comedy «The Government Inspector» on the Serbian Stage]. *Slavyanovedenie* 6: 12–20. (In Russian)

Shul'ts S. A. (2017) K voprosu o traditsiyakh gomerovskoy «Odissei» v «Mertvykh dushakh» Gogolya [Towards the Traditions of Homer's "Odyssey" in Gogol's "Dead Souls"]. *Vestn. Severo-Vostochn. fed. un-ta im. M. K. Ammosova. Ser.: Eposovedenie* 3: 52–56. (In Russian)

Vinogradov I. A., Voropaev V. A. (2009) Kommentarii [Comments]. In *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 17 t. T. 12* [Complete works and letters: in 17 volumes. Vol. 12]. Moscow; Kiev: Moscow Patriarchate Publ. Pp. 573–686. (In Russian)

Vinogradskaya N. L., Gurevich P. Yu., Dmitrieva E. E., Zaytseva I. A. et al. (2012) Kommentarii [Comments]. In *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy:*

V 23 t. T. 7. Kn. 2 [Complete works: In 23 vol. Vol. 7. Book 2]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 297–843. (In Russian)

Vinogradskaya N. L., Dmitrieva E. E., Zaytseva I. A., Mann Yu. V. et al. (2020) Kommentarii [Comments] In *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: V 23 t. T. 8* [Complete works: In 23 vol. Vol. 8]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 341–713. (In Russian)

Vuletić V. (1976) N. V. Gogolj i srpska književna orijentacija pre jednog veka [N. V. Gogol and Serbian Literary Orientation a Century Ago] In *Zbronik Matice srpske za slavistiku. Novi Sad: Matica srpska. No 10* [Matica Srpska Journal of Slavic Studies. Novi Sad: Matica Srpska. 1976. No 10]. Pp. 30–65. (In Serbian)

Поступила в редакцию
20.11.2022

ЭССЕ

Соколова Вероника Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: veronikasokol@yandex.ru

Коренева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: arco2001@yandex.ru

РОДОЛЬФО ХОРХЕ УОЛШ: СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭПОХИ И АКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье проанализированы опыт и модели создания журналистских текстов аргентинским писателем-журналистом Родольфо Хорхе Уолшем и его вклад в формирование принципов «новой журналистики». Рассмотрены повествовательные стратегии, разработанные в романе-свидетельстве «Операция “Бойня”» и статьях 1966–1967 гг., определившие дальнейшее развитие повествовательной журналистики Латинской Америки. Выявлены реминисценции журналистских текстов Уолша к произведениям как латиноамериканской, так и мировой художественной литературы (Орасио Кироги, Эстебана Хосе Эчеверрия, Хорхе Луиса Борхеса, Томаса де Квинси, Эрнеста Хемингуэя). Доказано, что принципы создания качественного контента в журналистике, разработанные Уолшем, и в настоящее время, в условиях переизбытка информации, востребованы и приобретают новое звучание. Продемонстрировано, что поиск новых повествовательных стратегий и наиболее адекватных жанровых форм связан с этической позицией журналиста, с его желанием раскрыть реальную подоплеку событий.

***Ключевые слова**: новая журналистика, повествовательные стратегии, хроника, роман-свидетельство, гибридизация жанров.*

Veronika M. Sokolova, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Media Linguistics. Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: veronikasokol@yandex.ru

Elena V. Koreneva, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of the Spanish Language, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: arco2001@yandex.ru

RODOLFO JORGE WALSH: THE TESTIMONY OF THE TIME AND THE CURRENT NARRATIVE STRATEGIES OF LITERARY JOURNALISM

The purpose of this paper is to examine the literary experience, text models, and overall contribution of the Argentine journalist and writer Rodolfo Jorge Walsh to the formation of “new journalism”. The narrative strategies elaborated by the

author in his articles written in 1966-67 and his testimony novel "Operation "Massacre", which determined the further development of narrative journalism in Latin America, are considered. Reminiscences of Walsh's journalistic texts to works of both Latin American and world fiction (Horacio Quiroga, Esteban Jose Echeverria, Jorge Luis Borges, Thomas de Quincey, Ernest Hemingway) are identified. The authors of the paper proved that the principles of creating high-quality content in journalism, developed by Walsh, are still in demand and acquire a new resonance in the conditions of an overabundance of information. They also demonstrated that the search for new narrative strategies and the most adequate genre forms is associated with the ethical positions of journalists, with their willingness to reveal the real background of events.

***Key words**: new journalism, narrative strategies, chronicle, testimony novel, genre hybridization.*

DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2023.104127

Введение

Ведущими направлениями развития журналистики в XXI в. является поиск новых способов передачи информации и создание качественного контента. В медийном пространстве произошли существенные изменения, связанные с технологическим прогрессом и увеличением скорости обмена сообщениями. В последние годы у современного читателя возникают трудности при выявлении достоверной информации в потоке фейковых новостей. Известный испанский писатель и журналист Хуан Хосе Мильяс дает следующую оценку ситуации в СМИ: «Сегодня очень мало читателей газет, однако много читателей заголовков»[1]. Читательская аудитория сталкивается с переизбытком информации (*sobreinformación*), при этом недостает качественной интерпретации событий, намерения проанализировать происходящее. Именно поэтому возникает необходимость переосмыслить традиции повествовательной журналистики, опыт и модели создания журналистских текстов наиболее известными представителями данной профессии.

В Латинской Америке основные повествовательные стратегии журналистики выкристаллизовались в процессе сопротивления власти. Примером журналиста-интеллектуала, активно отстаивающего свою позицию, стал Родольфо Хорхе Уолш (1927–1977). Его творческий путь совпадает с периодом диктатур и государственных переворотов в Аргентине XX в., когда тех, кто боролся против несправедливости, похищали, пытали, вынуждали бежать из страны, расстреливали. Произведения авторов, осмелившихся

раскрыть правду о происходящих в стране событиях, подвергались цензуре, их книги сжигали. Родольфо Хорхе Уолш погиб, защищая принципы честной журналистики.

Сегодня тексты Уолша не потеряли своей актуальности, они не только содержат документальные свидетельства эпохи, но представляют собой наказ современным журналистам тщательно сопоставлять и расследовать факты, уметь брать на себя ответственность, раскрывать то, что пытаются скрыть. Как отмечает Паскуаль Серрано, «журналистским произведениям, авторы которых не признавали позицию нейтралитета и отстраненности, удалось пережить свое время. Настоящие профессионалы своего дела – Джон Рид, Рышард Капущинский, Эдгар Сноу, Родольфо Уолш и Роберт Капа – не боялись отстаивать свои принципы и ценности и стали подлинными свидетелями эпохи» (Serrano, 2011: 33–34).

Творческое наследие Уолша в Латинской Америке исследуют с момента выхода в свет его произведений (Ford, 1972; Rama, 1976 и др), но в других странах мира изучение его текстов началось только в начале XXI в. В этот период впервые публикуются на английском языке[2] две биографии Уолша, а в США переводится его самая известная книга – «Операция “Бойня”»[3]. Кроме того, тексты аргентинского журналиста становятся предметом внимания американских литературных критиков. В последние годы написано более 200 научных исследований на испанском и английском языках, анализирующих различные особенности произведений писателя-журналиста (Link, 2014; Piglia, 2000, 2019; Luppi, 2016; Calvi, 2019 и др.). Актуальность научного изучения трудов Родольфо Уолша в рамках теории литературы и журналистики доказывается в статьях и монографиях (Fernández Díaz, 2021[4]; Acevedo, 2021; Grasselli, 2022; Pastor, 2022).

В России интерес к личности и творчеству Уолша был связан в основном с историческим контекстом Латинской Америки: писатель-журналист получил известность как один из создателей информационного агентства *Prensa Latina*, как основатель подпольного агентства новостей *ANCLA* (*Agencia de Noticias Clandestina*), как автор «Открытого письма писателя военной Хунте»[5]. В современном медийном пространстве наследие Родольфо Уолша может быть интересно российским специалистам с точки зрения изучения взаимосвязи литературы и журналистики.

Авторами данной статьи проведен анализ журналистских хроник Уолша, написанных в 1960–1970 гг., и романа «Операция “Бойня”» (1957); выявлены актуальные авторские стратегии, которые могут быть востребованы в современном медийном дискурсе, поскольку способствуют созданию качественных журналистских текстов. С помощью новых повествовательных стратегий Уолш объясняет причины и следствия происходящего в Аргентине в эпоху диктатуры, дает интерпретацию событий. Характерные черты журналистских текстов Уолша, приемы выражения субъективности как способа передачи активной авторской позиции, его вклад в формирование школы так называемой «новой журналистики» могут послужить основой для развития творческого метода будущих поколений писателей-журналистов.

Родольфо Уолш и дискуссия о зарождении «новой журналистики»

В настоящее время вызывает полемику вопрос о том, как сформировались принципы «новой журналистики». Хотя считается, что «новая журналистика» зародилась в 1960-е гг. в США, исследователи утверждают, что первым автором, заложившим основы данного жанра, был Родольфо Уолш, написавший не-художественный роман «Операция “Бойня”». Так, Мигель Барреро признает, что первенство, безусловно, принадлежит Родольфо Уолшу, однако у него «не было шансов стать признанным родоначальником «новой журналистики»: он был аргентинец, из левых, один из «исчезнувших» во время военной диктатуры, кроме того, его произведения долгое время предпочитали замалчивать»[6] (подробнее см.: Коренева, Соколова, 2023)

Роман «Операция “Бойня”» основан на реальных событиях: при попытке государственного переворота в 1956 г. были расстреляны гражданские лица, которых подозревали в помощи восставшим. Уолш признался, что узнал об этих преступлениях случайно: «Первое известие о тайных расстрелах в июне 1956 г. настигло меня случайно в конце того года в кафе в Ла Плате, где играли в шахматы» (Walsh, 1994: 17). Проведя тщательное журналистское расследование, собрав факты, взяв интервью у участников событий, Уолш публикует серию статей. Первая – «Наказание виновных» – выходит 23 декабря 1956 г., вторая – «Я тоже был расстрелян» – 15 января 1957 г.; обе не были подписаны. Третья статья – «Гово-

рит жена расстрелянного» – была опубликована 29 января 1957 г. После выхода в свет статей Уолш понял, что они не вызвали той реакции читательской аудитории и коллег-журналистов, на которую он рассчитывал. По этой причине репортер перерабатывает тексты, дополняя их новыми материалами. В июле 1957 г. появляются девять статей, объединенных названием «Операция “Бойня”», с подзаголовком «Книга, которая на нашла издателя». Позже Марсело Санчес Сорондо соглашается опубликовать книгу в своем издательстве и роман оказывается на полках книжных магазинов. Первая книга (1957) не включает окончательных результатов расследования, поэтому Уолш публикует еще три версии в 1964, 1969 и 1972 гг. Некоторые исследователи считают, что четыре версии книги представляют собой разные произведения, каждое из которых преследует свои цели, актуализируется в новом общественно-политическом контексте и по-своему влияет на аудиторию (Louis, 2016).

Появление «Операции “Бойня”» предопределило выработку тех принципов создания текста, которые позже легли в основу «новой журналистики». Не-художественный роман Уолша можно рассматривать как зарождение концепции, которая позже получит название «новой журналистики», в рамках которой в США в 1960-е гг. публикуются хроники Трумена Капоте, Нормана Майлера, Гайя Талез и Тома Вульфа. Таким образом, можно считать, что аргентинский журналист на 9 лет опередил Трумена Капоте – автора романа «Хладнокровное убийство». Тем не менее при анализе и сопоставлении текстов аргентинского и американского писателей можно выявить целый ряд отличий. «Трумен Капоте расследует убийство двумя преступниками американской семьи, Уолш расследует нелегальный расстрел гражданских лиц правительством. Капоте работал в благоприятной социально-экономической обстановке. Уолш же проводил расследование в условиях жестких репрессий, и газеты отказывались публиковать материал, написанный с целью разоблачения. Капоте было важно создать художественное произведение как таковое, Уолш преследовал цель найти виновных и совершить правосудие, отдать дань уважения жертвам» (García, 2011: 141). Капоте стремился улучшить свое мастерство за счет новых авторских приемов, которые не только способствовали бы его успешной писательской карьере, но и заставили бы по-новому взглянуть на литературу. Основным же намерением Уолша при написании «Операции

“Бойня”» было рассказать правду о событиях, раскрыть и донести до широкой читательской аудитории информацию о преступлениях, о которых умалчивали официальные СМИ. По мнению Кевина Алексиса Гарсия, «сын своего времени, Уолш до последних дней исполнял свой долг – честно свидетельствовать о мрачных событиях своей эпохи. Ради справедливости и истории, без сомнения, в произведении «Операция “Бойня”» Уолш заложил основы нового жанра, который способствует пониманию обстановки насилия (охватившего многие страны Латинской Америки): повествование-свидетельство, жанр-гибрид, разрушивший классическую журналистику» (García, 2011: 144). Уолш продолжает поиски собственного творческого метода, соединяя различные жанры литературы и журналистики для осуществления своих замыслов.

Трансформация жанра хроники в творчестве Уолша

На протяжении 1960–1970-х гг. Родольфо Уолш переосмысляет возможности разных жанров с целью найти тот, который был бы более созвучен эпохе и выражал позицию автора как журналиста и человека. Жанр хроники, имеющий богатую историю и самобытную традицию в Латинской Америке, был выбран Уолшем как основа для дальнейшего творчества. Несмотря на то что до начала 1980-х гг. латиноамериканская хроника считалась «младшим» жанром (*género menor*), то есть второстепенным по отношению к традиционным литературным жанрам, и мастерство писателей «оценивалось по их романам или поэмам» (Bernabe, 2010: 66), хроника имела определенные преимущества. В отличие от строгих требований «канонизированных» жанров, хроника, характеризующаяся фрагментарностью, позволяла дать непосредственный отклик на события, происходящие в стране. Хроника, напечатанная в газетах и журналах, распространялась быстрее и охватывала более широкую и разнородную читательскую аудиторию. Таким образом происходила «актуализация» жанра хроники: понятный, более знакомый латиноамериканцам жанр наполнился злободневным содержанием (Коренева, Соколова, 2021). Как подчеркивает А. П. Короченский, «одним из признаков национально-культурного своеобразия испаноязычной периодики является наличие в ее составе таких сложных, беллетризированных жанровых форм,

как хроника и свидетельство (тестимонио), требующих от их создателей высокого журналистского мастерства» (2016: 60)[7].

В отличие от детективных рассказов, благодаря которым он стал популярен, Уолш, разрабатывая новый жанр на основе хроники, подписывал свои тексты псевдонимом Даниэль Эрнандес[8]. Причины экономического характера вынудили Уолша на время прервать литературную карьеру, принять предложение журнала *Leoplan* и отправиться в отдаленные регионы Аргентины, чтобы создать серию хроник о жизни провинции. По возвращении были опубликованы «Карнавал Кате», «Остров воскресших» и другие статьи, которые сегодня считаются подлинными образцами повествовательной журналистики Латинской Америки.

Переосмысление социальных и политических событий, происходящих не только в столице, но и за ее пределами, подтолкнули Уолша к разработке новой формы текста. Вернувшись в Буэнос-Айрес в 1967 г., автор публикует в журнале *Panorama* две хроники, объединенные общей темой. Первая – «Бойня» – представляет собой переложение известного текста аргентинского писателя и философа Эстебана Хосе Эчеверрия *El matadero* (1838) и рассказывает о «рабочем процессе» скотобойни. Вторая – «Мясо появляется из холода» – повествует о подготовке и транспортировке мяса с момента, когда скот привозят с полей на убой, до экспорта в Европу. В этих текстах хронист рассматривает основные моменты экономического процесса производства одного из главных продуктов Аргентины (мяса), который имеет символическое значение и связан с дискурсом о важных национальных ценностях. Очевидно, что попытка переписать «Бойню» в жанре хроники имеет политическую подоплеку, поскольку пространство скотобойни и убийство животных ассоциируется с кровавыми событиями в стране.

С другой стороны, Уолш изображает скотобойню не как музейный экспонат прошлого века, который является средоточием варварства и насилия, то есть ассоциируется с отсталой страной, а как пространство, находящееся в процессе трансформации и модернизации. Скотобойня играет важную роль в коммерческой жизни Буэнос-Айреса, но упорно отвергается городом. Уолш выступает против городских проектов, основанных на идеологии разделения и изоляции. Писатель-журналист обращается к важной в контексте 1960-х гг. политической теме – унификации жизни в централь-

ных и периферийных районах. В этих хрониках Уолш создает другие города, другие образы, противоположные тем, которые были характерны для романов так называемого «латиноамериканского бума». Благодаря новому прочтению жанра хроники автор строит пространство города будущего, связанного всеобщим трудом и справедливой политикой. Эти произведения, хранившиеся в документальных фондах библиотек, были рассекречены только в 2007 г., и поэтому до сих пор недостаточно изучены. В них просматривается стремление Уолша изменить творческую и жизненную траекторию, сместить ракурс, отойдя от литературной традиции описания «элитарного» города.

Журналистские хроники Уолша и переосмысление литературной традиции

Написанные Родольфо Уолшем в 1960–1970-е гг. хроники не только основывались на детальном журналистском расследовании, но и требовали от автора тщательной литературной обработки текстов. Сам писатель-журналист признавался: «Моим намерением было разработать статьи с той же тщательностью, с которой можно написать рассказ или роман, другими словами, посвятить одной статье работу целого месяца» (Seifert, 2012: 300).

В текстах этого периода («Карнавал Кате», «Остров воскресших», «Сиеста-экспресс», «Путешествие в глубины призраков» и др.) очевидно взаимопроникновение дискурсивных жанров (репортаж, эссе, хроника) и произведений латиноамериканской и мировой художественной литературы. Автор подробно описывает жизнь обычных людей в отдаленных регионах страны, вырабатывая новые стратегии повествования. Тексты выстраиваются по одной и той же модели: репортер отправляется в путешествие, знакомится с людьми и начинает расследование. Перед глазами читателя вырисовывается не только географическое пространство, таящее в себе нечто забытое или замалчиваемое. События развиваются в движении: завязываются связи, пересекаются истории и в результате возникают новые смыслы. Другими словами, автор ведет двойное исследование – исследование территории и образа жизни людей и исследование искусства создания текста: включение элементов художественной литературы в повествовательные стратегии и приемы, свойственные журналистике.

В хронике «Карнавал Кате» описывается соперничество двух танцевальных групп аргентинского карнавала и наводнение, случившееся в самый разгар народного праздника. Рассказывая об актуальных событиях, автор делает отсылки к карнавалам прошлых лет. Возникают два параллельно развивающихся плана (карнавал и наводнение), которые сливаются в конце повествования. Такой способ создания текста характерен, по мнению критика и писателя Рикардо Пильи, для литературной традиции, согласно которой каждый рассказ содержит две истории: одна лежит на поверхности, а другая затрагивает более глубокие смыслы. (Piglia, 2000). В хронике Уолша на первом плане показана история карнавала в Коррьентес, другая история, связанная с наводнением, включается в текст отрывками, а полностью масштаб бедствия становится ясен лишь в конце повествования. Внимание сосредоточено на историях жизни героев, местных традициях и обычаях. Описание экономических проблем дается сухо, без эмоций: из нескольких фраз читатель получает представление не только о социальных противоречиях, объясняющих традиционное соперничество двух главных танцевальных групп карнавала в Коррьентес, но и о будущем молодежи, эмигрирующей из заброшенных регионов. Журналистское расследование показывает две стороны жизни одной местности (праздник и стихийное бедствие), и тем самым авторская позиция – осуждение бездействия властей и замалчивания проблем – становится более явной.

В хронике «Остров воскресших» Родольфо Уолш соединяет журналистское расследование с традициями художественной литературы, с фольклорными элементами. История больных проказой переплетается с легендами, предрассудками, тайнами, которые укоренились в сознании жителей. Введение в текст небылиц и шуток не нарушает основного повествования, а вносит в него элементы художественного вымысла. Цель автора – дать рациональное объяснение болезни, развенчать все предрассудки, связанные с проказой. Литературные реминисценции из текстов аргентинских писателей придают дополнительный смысл повествованию. Например, одна из глав – «Тайное чудо» – совпадает по названию с произведением Хорхе Луиса Борхеса (*El milagro secreto*, 1943). Уолш опровергает идею «чуда», доказывает, что лечение болезни связано с научным прогрессом: лекарство от проказы существует, однако власти не только это скрывают, но и дезинформируют население. Таким образом, автор иронизирует над идеей «чуда». Литературная

аллюзия помогает автору выразить свою позицию – обвинить власть, ответственную за «реакционное законодательство», «политику здравоохранения классической слаборазвитой страны», «нищету, страдания и невежество» (Walsh, 2008: 170).

Тексты Уолша этого периода сопровождаются фотографиями, которые рассказывают о карнавале в Коррьентес на фоне окружающей нищеты, о роли олигархических семей в продвижении той или иной танцевальной группы; дополняют повествование, показывая прокаженных в лепрозории. Эти фотографии также представляют собой хроники, запечатлевшие реальность в определенный момент времени и превратившие ее в часть истории страны.

Уолша часто называют наследником Борхеса, влияние которого заметно в использовании определенных повествовательных стратегий. Исследователь творчества Уолша Хуан Пабло Луппи отмечает: «Уолш следует за Борхесом и развивает повествовательные приемы: многоголосие, хронологический разрыв, лаконичность, одержимость деталями, метафоричность языка, использование риторических приемов, эксперимент с пространством страницы» (Luppi, 2016: 153).

Уолш в хрониках данного периода при описании жизни периферии поддерживает «диалог» с литературной традицией. В «Острове воскресших» перед нами явная отсылка к рассказу Борхеса, а в тексте «Сиеста-экспресс» наблюдается сходство с отрывком из книги английского писателя Томаса де Квинси «Исповедь англичанина, любителя опиума» (1822). Уолш сравнивает необычные впечатления от своей поездки на поезде с прогулкой по извилистой улочке Лондона из произведения Квинси (Walsh, 2008: 178). Репортер при описании аргентинской глубинки отказывается от традиционных приемов, свойственных жанру путевых заметок. «Сиеста-экспресс» – это одновременно и путешествие, и расследование, и историческая справка. В хронике сосуществует документальный (исторический) план, описывающий условия возникновения и развития железной дороги, и вымышленная история о чудесных событиях, происходящих во время поездки на поезде.

Эпиграф к хронике «Путешествие в глубины призраков» отсылает к произведениям Эрнеста Хемингуэя: «Это был старый житель региона, человек умудренный опытом – один из тех персонажей, что сошли со страниц рассказов Хемингуэя» (Walsh, 2008: 206). Во время путешествия журналист расследует «тайну

Ибера», ссылается на описания предшествующих экспедиций, которым так и не удалось расшифровать загадку этой местности. Исследователь Пилья отмечает, что текстам Уолша свойственно сопоставление данных, свидетельств, версий «вокруг пустоты, вокруг чего-то загадочного, мистического, необъяснимого, что нужно разгадать» (Piglia, 2019: 184). Композиция хроники «Путешествие в глубины призраков» подчинена раскрытию тайны. Для этого автор, во-первых, обращается к легенде как «народной» истории, основному способу передачи информации в посещаемых им регионах, во-вторых, использует знания и опыт проводника.

Хроники «Бойня» и «Аргентина уже не пьет мате» также представляют собой пример переработки текстов латиноамериканских авторов при помощи журналистских практик. Связь с произведением аргентинского писателя Эчеверрии проявляется не только в тождестве названия (*El matadero*), но и в заключительной фразе статьи о том, что «предубеждения о «человеке с ножом» с периферии, связанные с кровью и насилием, рассеиваются, едва начинаешь с ним говорить» (Walsh, 2008: 259). Однако при описании пространства скотобойни, авторы акцентируют внимание на разных аспектах. Для писателя-романтика Эчеверрии скотобойня – это воплощение дикости и хаоса, в то время как для репортера Уолша – это функционально организованное пространство. С одной стороны, он информирует читателей о процессе производства мяса, с другой – находит новые способы изображения места, разрушая стереотипы, восходящие к произведениям английских писателей-путешественников.

Хроника «Аргентина уже не пьет мате» отсылает к рассказу уругвайского писателя Орасио Кироги «Менсу» (1914)[9]. Статья Уолша посвящена запрету выращивать траву мате по причине кризиса производства в провинции Мисьонес, который привел к ухудшению экономического положения работников – «наследников менсу». Автор называет такую работу «самой нездоровой работой в мире» (Walsh, 2008: 220) и отмечает, что «наследие менсу» проявляется в беспомощности, голоде, безнадежности и бесчеловечных условиях работы, вызывающих болезни. Как в рассказе Кироги, так и в произведении Уолша звучит мотив побега, желание скрыться, переселиться. Но если герои Кироги бегут от несправедливых условий труда, то персонажи Уолша вынуждены покинуть регион по причине отсутствия работы. В отличие

от Кироги, который подчеркивает безысходность ситуации, Уолш размышляет о возможных путях решения проблемы. Здесь, как и в предыдущих хрониках, нарастает напряжение между намерением журналиста-репортера сообщить информацию о критической ситуации, в которой оказались жители региона страны, и стремлением писателя связать повествование с литературной традицией.

Таким образом, в хрониках 1966–1967 гг. Родольфо Уолш переосмысляет традиции не только латиноамериканской, но и мировой литературы, вырабатывая приемы и стратегии, которые становятся более эффективными именно в журналистском тексте. Это проявляется в соединении различных повествовательных дискурсов, в нарушении общепринятых канонов, в объединении практики журналистского расследования с приемами написания художественных произведений, что не позволяет вписать тексты Уолша в традиционную жанровую классификацию.

От статей к книгам: выработка стратегий не-художественного повествования

В романе «Операция “Бойня”» прослеживаются черты различных жанров. Во-первых, Уолш апеллирует к популярному жанру детектива, чтобы разгадать тайну, заключенную в словах: «Есть один расстрелянный, который жив». Эта фраза подразумевает удивительный факт: человек был расстрелян, но остается живым. Такой образ ассоциируется с мучеником, воскресшим из могилы. Впечатление усиливается благодаря описанию следов от пуль на лице Ливраги: «Я смотрю на это лицо, дырка на щеке, еще большее отверстие на горле, разорванный рот и потухшие глаза, в которых блуждает тень смерти» (Walsh, 1994: 20). Черты детективного жанра приобретают религиозный подтекст.

Во-вторых, следуя традициям Борхеса, автор соединяет жанр фантастического рассказа с журналистикой, что открывает возможности для создания новой формы повествования. Внимание Уолша к событию можно объяснить его интересом ко всему фантастическому, однако расследование быстро отходит от этой линии, поскольку репортер обращается к ресурсам журналистики: берет интервью у свидетелей и главных героев, собирает документы, восстанавливает хронологию событий, стремится не только разгадать тайну, но и представить доказательства по делу. Детектив

Эрнандес проявляет наблюдательность, дотошность, фантазию, за его голосом скрыт голос автора, который вливается в рассказы отверженных, благодаря чему создается другая реальность, противоречащая той, которая представлена в официальных документах. Если в ранних детективных рассказах Уолша следы убийств вели к вымышленным персонажам, то в романе тела расстрелянных, разбросанные на мусорной свалке, доказывают преступность режима (Berg, 2008).

В прологе к роману Уолш сам касается проблемы жанра: «Я могу вернуться к шахматам и фантастической литературе, которую я читаю, детективным рассказам, которые пишу, серьезному роману, который планирую написать через несколько лет, и другим вещам, которые я делаю, чтобы заработать на жизнь и которые называю журналистикой, хотя это не журналистика» (Walsh, 1994: 20).

Описывая события в рамках художественного повествования и добавляя диалоги, раскрывающие действия и идеологию самих персонажей, Уолш дает высказаться умершим, «вплетает» человеческие интонации в свой текст, тем самым вызывая сочувствие к героям, чья судьба уже предрешена. Например, Николас Карранса – железнодорожник, муж и отец шестерых детей – за несколько часов до казни обсуждает со своей женой, насколько опасно жить в Аргентине, управляемой военными. Жена умоляет его: «Сдайся. Если ты сдашься, возможно, тебя не убьют. Из тюрьмы выходят» (Walsh, 1994: 34). Как подчеркивает Зиммерман, «Уолш в диалогах использует краткие реплики. И таким образом читатель словно слышит голоса людей, что придает правдивость и вызывает доверие. При помощи диалогов автор пытается восстановить голоса главных героев и приблизиться к читателю, эмоционально создавая связь между визуальным и услышанным», поскольку через словесный отклик (восклицания, междометия) автор передает реакцию на крики, удары, выстрелы и взрывы (Zimmerman, Callegaro, Lago, Quadrini et al., 2011: 20).

Тексты Уолша соединяют факт и вымысел различными способами. С одной стороны, они включают документальную составляющую как результат личного опыта автора или собранных им свидетельских показаний. С другой – эти произведения используют стратегии художественной литературы: вводят в рассказ о реальных событиях вымышленную историю. Таким образом, связь между свидетельством (*testimonio*) и вымыслом (*ficción*) создает новые жанровые формы. Сам Уолш признавал, что история, которую он

рассказывает, похожа на вымысел или роман: факты, собранные в процессе расследования, кажутся неправдоподобными, экстраординарными. Даже из уст тех, кто сам прочувствовал эти события, данный опыт представляется нереальным. По мысли мексиканского писателя Хуана Рульфо, «литература – это не что иное, как ложь, которая говорит правду»[10]. С целью отделить ложь от правды Уолш создает не-художественный роман, который сам определяет как «правдивую историю с реальными действующими лицами»[11].

Диалоги, выдуманные автором, не противоречат исторической достоверности, а превращаются в многоголосие, которое передает не индивидуальные, а социальные переживания. Голос писателя и его позиция определяются в тоне повествования: попытка задокументировать историю превращается в критику. Иногда вымысел интегрируется в документальный рассказ, что усиливает несоответствие языка художественной литературы и сухого языка официального документа. Таким образом, создается контраст и содержательный, и стилистический. Не нарушая правдоподобия, сочетание элементов художественного и не-художественного повествования усиливает воздействие на читательскую аудиторию.

Композиция романа способствует раскрытию авторского замысла. Первая часть – «Действующие лица» – вводит в контекст произошедших событий и представляет всех персонажей. Вторая часть – «Факты» – подробно описывает преступление властей. Последняя – «Доказательство» – напоминает приговор, который можно было бы зачитать в зале суда. В каждой части по-своему просматривается смешение элементов журналистики и литературы. В первой преобладают средства литературы. Автор, используя художественные приемы, описывает расстрелянных в Хосе Леон Суарес: портрет, род занятий, отличительные черты, связь героев с событиями.

«Архитектура» текста напрямую связана с нитью повествования и представляет факты как эпизоды жизни персонажей в определенном историко-культурном пространстве. Затягивание развязки увеличивает эмоциональное напряжение. Роман вызывает у читателя противоречивые чувства: с одной стороны, сочувствие к погибшим и скорбь, с другой – негодование по поводу расстрела невинных военным режимом.

С помощью индивидуализации Уолш подчеркивает ту роль, которую сыграли трагические события в жизни каждого действую-

щего лица. Описание, созданное на основе многочисленных деталей, обладает большей убедительностью. Благодаря художественной детали («приклеенные к большому картону внутри рамки, желтеют старинные фотографии семьи» (Walsh, 1994: 27) читатель чувствует себя приобщенным к судьбе героев. Неожиданно подробное описание обстановки прерывается репликами персонажей, возвращающими к суровой действительности: «Он пришел отнять его у меня. Чтобы мне его вернули мертвым», – восклицает жена обвиняемого (Walsh, 1994: 29).

Таким образом, Уолш в романе «Операция "Бойня"» вырабатывает следующие повествовательные стратегии:

– В центре повествования находится одно событие (расстрел гражданских лиц). С сообщения об этой новости начинает раскручиваться череда историй. Автор выстраивает хронологию, восстанавливая предшествующие и последующие события, и помещает читателя в контекст происходящего.

– Репортер включает в текст точные факты, документы, свидетельства, интервью, что придает ему большую убедительность и достоверность.

– Индивидуализация персонажей позволяет добиться более сильного эмоционального и эстетического воздействия.

– Описания персонажей и среды апеллируют к различным органам чувств: обонянию, осязанию и зрению.

– Смена повествовательной перспективы от «я» (первого лица единственного числа) персонажа, рассказывающего свою историю, к «мы» (первому лицу множественного числа), в которое автор включает себя, то есть придание субъективности в противовес нарочитой созерцательности (объективности), придает реалистичность и дополнительный динамизм тексту.

Сила документального в текстах Уолша заключается в том, что, отталкиваясь от фрагментов реальности, автор создает модель качественного журналистского текста и определяет задачу настоящего журналиста – наблюдать, анализировать и действовать. Уолш отстаивает позицию журналиста-интеллектуала, который при помощи новых повествовательных стратегий добивается тройного эффекта: обвиняет режим диктатуры, разоблачает позицию официальных СМИ и бросает вызов литературным канонам, разрушая границы между жанрами. Как указывал сам Уолш, «Операция "Бойня"» не могла оказать достаточного давления на правительство, чтобы заставить его признать свою вину и придать

суду тех, кто отдавал приказы о расстреле. Писатель-журналист стремился к тому, чтобы его книга действовала, и ему это удалось: в Аргентине после публикации «Операции “Бойня”» так называемую «освободительную революцию» (*revolución libertadora*) стали называть «расстреливающей революцией» (*revolución fusiladora*).

Итак, стратегии, выработанные Уолшем, превращают повествовательную журналистику в более сложный – по сравнению с жанрами информационной журналистики – нарратив. Подобные произведения имеют большую эстетическую ценность и историческое значение и влияют на развитие как литературы, так и журналистики.

Выход за рамки литературы и журналистики

В произведениях Уолша, кроме переплетения различных повествовательных стратегий литературы и журналистики, можно найти точки пересечения с микроисторией и антропологией. Воссоздать историю отдельного человека и увязать ее с историческими фактами – по этому принципу выстраивает свои тексты Уолш. Такой прием трактует историю как соединение, совпадение с бесчисленным количеством других историй. В социальной истории такое направлении принято называть «микроистория» (Карло Гинзбург, Джованни Леви, Роберт Дарнтон). Представители этого направления используют в своих произведениях повествовательные техники художественной литературы и журналистики. Концепция микроистории основана на том, что «микроскопический взгляд» способствует пониманию более широкого исторического контекста. Нечто похожее можно увидеть в текстах Уолша: упрощенной интерпретации событий, четкой классификации социальной реальности автор противопоставляет самобытность региона и личные истории персонажей.

Каждая журналистская хроника Уолша включает в себя (в качестве элементов рабочего процесса) путешествие, заметки, встречи и беседы с местными жителями, изучение обстановки, традиций, обычаев. Такой подход характерен для антропологии, которая предполагает, согласно концепции Клиффорда Гирца, культурологическое изучение региона (Geertz, 2003). Писатель-журналист превращается в исследователя, и это позволяет ему выявить и описать ту малоизвестную читателю совокупность особенностей, которые характерны для отдаленных районов Аргентины. В отличие от традиционной антропологии, занимающейся описанием внут-

ренней жизни региона, тексты Уолша не оставляют в стороне взаимосвязь между проблемами региональных сообществ и национальной политикой, законодательством, миграционными процессами внутри страны и за ее пределами. Автор не рассматривает жизнь провинции как жизнь закрытого сообщества, а анализирует ее в контакте с другими культурами. Кроме того, тексты Уолша сопровождаются визуальным материалом – фотографиями, которые отражают образы описываемой действительности, передают эмоции участников событий и придают достоверность повествованию. Хроники Уолша вкупе с фотографиями Пабло Алонсо сегодня изучаются как поликодовый текст на факультетах журналистики в Латинской Америке. Таким образом, очевидно, что при анализе произведений аргентинского писателя-журналиста необходимо использовать междисциплинарный подход.

Выводы

Родольфо Хорхе Уолш никогда не отступал от главного правила журналистики – сообщать достоверную информацию читателю, пробуждая интерес и ответную реакцию аудитории, и выработал повествовательные стратегии, благодаря которым в настоящее время его тексты остаются злободневными. На протяжении всего творческого пути Уолш работал в разных жанрах как литературы, так и журналистики (рассказ, театральная пьеса, личный дневник, хроника, открытое письмо, интервью и др.). Гибридизация жанров характерна для всех проанализированных в статье текстов писателя-журналиста. В частности, репортер обратился к традиционному для Латинской Америки жанру хроники, включил в него элементы журналистского расследования и отсылки к произведениям мировой художественной литературы, превратил хронику в актуальный и действенный журналистский текст.

В романе «Операция “Бойня”» Уолш предложил новую форму не-художественного повествования. В тексте можно выделить дискурсивные практики разных жанров: романа, репортажа, свидетельства, детективного рассказа, журналистской хроники, легенды и народного сказания. Расследование, изданное в формате книги, позволило автору разорвать связь с сиюминутной газетной новостью, текст приобрел целостность, потерял фрагментарность, присущую отдельным журналистским статьям. Благодаря Уолшу жанр

романа-свидетельства (*testimonio*) стал значимым и с исторической, и с эстетической точки зрения.

По словам Виктории Гарсия, «в аргентинской прозе взаимосвязь факта и вымысла обусловлена сложными социальными проблемами» (García, 2018: 376). Новая форма – роман-свидетельство (*novela-testimonio*) – возникла как эстетическая альтернатива романам «латиноамериканского бума», господствующим в тот период в художественной литературе. Кроме того, как подчеркивал кубинский писатель Мигель Барнет в эссе «Роман-свидетельство: социальная литература» (1969), «так называемая художественная литература с каждым разом все больше теряет свою «консистенцию» (Barnet, 1969: 101).

В 2019 г. была опубликована «История одного расследования. «Операция "Бойня"» Родольфо Уолша: революция в журналистике (и любовь)», в прологе которой Даниэль Линк отмечает: «Книга, которую читатель держит в руках, – фундаментальное произведение для понимания одного из самых уникальных и революционных опытов латиноамериканского словесного творчества» (Muñiz, 2019: 5). Уолш вписывает свои тексты повествовательной журналистики в традицию латиноамериканского словесного творчества. Критик Асеведо отмечает важность произведений художественной литературы для самого Уолша, который признавался: «Я пишу как автор рассказов и делаю это как человек, взявший на себя обязательства, уверенный в том, что литература решающим образом влияет на реальность» (цит. по: Lezcano, 2022[12]). Вопрос о значении художественной литературы звучит во текстах Уолша на протяжении всей его жизни. Литература призвана развенчивать обстановку режима удушающего насилия в эпоху перонизма. Автор создает новый вид текста, находящийся на другом полюсе латиноамериканской литературной панорамы. Хотя романы так называемого «латиноамериканского бума» получили большее распространение, благодаря Уолшу документальный, или не-художественный, роман занял свою нишу и обрел характерные черты, продолжая развиваться в рамках и журналистики, и литературы. По мнению аргентинца Томаса Элоя Мартинеса, повествовательная журналистика – это «информация, организованная как рассказ, и одновременно попытка превратить этот рассказ в произведение искусства при помощи использования различных техник» (Eloy Martínez, 2002: 122). Современные испаноязычные писатели-журналисты активно используют и перерабатывают наследие

Уолша. Поиск новых стратегий и наиболее адекватной жанровой формы связан в первую очередь с непримиримой авторской позицией журналиста, с его желанием раскрыть реальную подоплеку событий, не удовлетворившись официальной версией и политикой замалчивания. Такая принципиальная этическая позиция стоила Родольфо Уолшу жизни. Однако разработанные им принципы и стратегии повествования дали новый импульс развитию качественной журналистики как в Латинской Америке, так и в других странах.

Примечания

[1] Millas J. J. (2019) *Un rato con Millás: "Antes había lectores de periódicos, ahora hay lectores de titulares"*. Режим доступа: https://www.elindependiente.com/tendencias/libros/2019/04/05/rato-millas-habia-lectores-periodicos-ahora-lectores-titulares/ (дата обращения: 04.08.2023).

[2] Eduardo Jozami (2015) *Rodolfo Walsh: la palabra y la acción; (Michael McCaughan, True Crimes: Rodolfo Walsh, the Life and Times of a Radical Intellectual, 2002; Rodolfo Walsh: periodista,escritor y revolucionario1927—1977.*

[3] Daniella Gitlin

[4] Fernández Díaz J. (2021) El testimonio de Rodolfo Walsh que desnuda al peronismo. *La Nación*, 4 September.

[5] Отдельно стоит отметить рост интереса документального кинематографа к личностям журналистов, погибших в эпоху диктатур.

[6] Barrero M. (2019) ¿Era tan nuevo el nuevo periodismo? *Zenda*. Режим доступа: https://www.zendalibros.com/era-tan-nuevo-el-nuevo-periodismo/ (дата обращения: 04.08.2023).

[7] Подробнее о жанровых особенностях тестимонио *(testimonio*) см. в статьях Короченского «Специфика жанровых форм хроники и свидетельства (тестимонио) в испаноязычной периодике» (2016) и «К вопросу о специфике жанровой системы испаноязычной периодики» (2015).

[8] Даниэль Эрнандес – главный герой детективных рассказов Уолша.

[9] «Менсу» — так называли в Южной Америке наемных рабочих, заключавших кабальные контракты и отправлявшихся на самые тяжелые работы в джунгли. Режим доступа: https://fantlab.ru/blogarticle61359 (дата обращения: 04.08.2023).

[10] Rulfo J. (1979) *Entrevista*. Режим доступа: https://www.revistadelauniversidad.mx/articles/e5a4b696-bb29-4ae9-bc0c-f74f6067e050/juan-rulfo-la-literatura-es-una-mentira-que-dice-la-verdad-una-conversacion-con-ernesto-gonzalez-bermejo (дата обращения: 04.08.2023).

[11] Battista V. (2019) Rodolfo Walsh, crónica de una metamorfosis: cómo se convirtió en el prototipo del intelectual comprometido. *Infobae*. Режим доступа: https://www.infobae.com/cultura/2019/09/15/rodolfo-walsh-cronica-de-una-metamorfosis-como-se-convirtio-en-el-prototipo-del-intelectual-comprometido/ (дата обращения: 04.08.2023).

[12] Lezcano W. (2022) Rodolfo Walsh siempre est volviendo. *Infobae*. Режим доступа: https://www.infobae.com/cultura/2022/02/06/rodolfo-walsh-siempre-esta-volviendo/ (дата обращения: 04.08.2023).

Библиография

Коренева Е., Соколова В. Трансформация жанра хроники в литературном контексте Латинской Америки // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 220–231. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_6_848_220

Коренева Е., Соколова В. Испаноязычный медиадискурс: взаимодействие литературы и журналистики. М.: Фак. журн. МГУ, 2023.

Короченский А. П. Специфика жанровых форм хроники и свидетельства (тестимонио) в испаноязычной периодике // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 58–70.

Acevedo I. (2021) *Algo se mueve*. Eme Editorial, Colección Madriguera.

Berg E. H. (2008) La escuela del crimen: apuntes sobre el género policial en la Argentina. Espéculo. *Revista de estudios literarios* 38. Available at: http://www.ucm.es/info/especulo/numero38/escrimen.html (accessed: 04.08.2023).

Bernabe M. (2010) *Sobre márgenes, crónica y mercancía*. Boletín 15.

Barnet M. (1969) *La novela testimonio: socio-literatura*. Unión 1. Pp. 99–122.

Calvi P. (2019) *Latin American Adventures in Literary Journalism*. University of Pittsburgh Press.

Eloy Martínez T. (2002) Periodismo y narración: desafíos para el siglo XXI. *Cuadernos de Literatura, Bogotá (Colombia)* 8 (15): 8, enero-junio: 115–123.

Ford A. (1972) Walsh: la reconstrucción de los hechos, en Nueva novela latinoamericana II. In J. Lafforgue (ed.) *La narrativa argentina actual*. Buenos Aires: Paidós.

García K. (2011) *Periodismo, arte y testimonio. Operación Masacre: el legado de un escritor anfibio*. Revista-Nexus-Comunicacion. DOI: 10.25100/nc.v0i5.847

García V. (2018) Testimonio y ficción en la narrativa argentina. *Lexis* XLII (2): 369–404. Available at: https://revistas.pucp.edu.pe/index.php/lexis/article/view/20572/20447 (accessed: 07.08.2023). DOI: https://doi.org/10.18800/lexis.201802.004

Geertz C. (2003) *La interpretación de las culturas*. Barcelona: Gedisa.

Grasselli F. (2022) Rodolfo Walsh y lo testimonial: una literatura peligrosa. En Rodolfo Walsh, a 45 años de su desaparición [dossier]. *Sociales y Virtuales* 9 (9). Available at: http://socialesyvirtuales.web.unq.edu.ar/rodolfo-walsh-y-lo-testimonial-una-literatura-peligrosa/ (accessed: 04.08.2023).

Link D. (2014) Rodolfo Walsh y lo siniestro. In *Incluido en Walsh, Rodolfo (comp.). Antología del cuento extraño*. Buenos Aires, el cuenco de plata.

Louis A. (2016) ¿Por qué escribir un libro? Las versiones de Operación masacre de Rodolfo Walsh. Exlibris, Universidad de Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Departamento de Letras., halshs-02196128 HAL Id: halshs-02196128. Available at: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-02196128 (accessed: 07.08.2023).

Luppi J. (2016) *Una novela invisible. La poética política de Rodolfo Walsh*. Córdoba: Eduvim.

Muñiz E. (2019) *Historia de una investigación. Operación Masacre de Rodolfo Walsh: revolución de periodismo (y amor)*. Buenos Aires: Planeta de libros.

Pastor F. (2022) *Emboscada. La historia oculta de la desaparición de Rodolfo Walsh y el misterio de sus cuentos inéditos*. Aguilar.

Piglia R. (2000) *Formas breves*. Buenos Aires: Editorial Temas.

Piglia R. (2019) *Las tres vanguardias*. Madrid: Eterna Cadencia.

Rama A. (1976) *Rodolfo Walsh. La Narrativa en El Conflicto de Las Culturas*. Escrituras: teoría y críticas literarias, nº 2. Pp. 279–301.

Seifert M. (2012) *Los cruces de los oficios. Las notas periodísticas de Rodolfo Walsh entre 1966 y 1967*. Buenos Aires: EXLIBRIS.

Serrano P. (2011) *Contra la neutralidad. Tras los pasos de John Reed, Ryszard Kapuscinsky, Edgar Snow, Rodolfo Walsh y Robert Capa. Península*. Barcelona: Ediciones Península. Grupo Planeta.

Walsh R. (1994) *Operación masacre*. Buenos Aires: Ediciones de La Flor.

Walsh R. (1998) *El violento oficio de escribir. Obra periodística (1953–1977)*. Espejo de la Argentina.

Zimmerman M. A., Callegaro A., Lago M. C., Quadrini M., Bragazzi F. D. (2011) *La crónica latinoamericana como espacio de resistencia al periodismo hegemónico*. San Justo: Universidad Nacional de La Matanza. Режим доступа: http://repositoriocyt.unlam.edu.ar/handle/123456789/768 (дата обращения: 04.08.2023).

Notes

Barrero M. (2019) ¿Era tan nuevo el nuevo periodismo? [Was new journalism so new?]. *Zenda*. Available at: https://www.zendalibros.com/era-tan-nuevo-el-nuevo-periodismo/ (accessed: 04.08.2023).

Battista V. (2019) Rodolfo Walsh, crónica de una metamorfosis: cómo se convirtió en el prototipo del intelectual comprometido [Rodolfo Walsh, chronicle of a metamorphosis: how he became the prototype of the committed intellectual.]. *Infobae*. Available at: https://www.infobae.com/cultura/2019/09/15/rodolfo-walsh-cronica-de-una-metamorfosis-como-se-convirtio-en-el-prototipo-del-intelectual-comprometido/ (accessed: 04.08.2023).

Eduardo Jozami (2015) *2006 Rodolfo Walsh: la palabra y la acción; (Michael McCaughan, True Crimes: Rodolfo Walsh, the Life and Times of a Radical Intellectual)* [Rodolfo Walsh: the word and the action; (Michael McCaughan, True Crimes: Rodolfo Walsh, the Life and Times of a Radical Intellectual, 2002; Rodolfo Walsh: Journalist, Writer, and Revolutionary 1927–1977.

Fernández Díaz J. (2021) El testimonio de Rodolfo Walsh que desnuda al peronismo. [The testimony of Rodolfo Walsh that bares Peronism]. *La Nación*, 4 September.

Lezcano W. (2022) Rodolfo Walsh siempre está volviendo [Rodolfo Walsh always comes back]. *Infobae*. Available at: https://www.infobae.com/cultura/2022/02/06/rodolfo-walsh-siempre-esta-volviendo/ (accessed: 04.08.2023).

Millas J. J. (2019) *Un rato con Millás: "Antes había lectores de periódicos, ahora hay lectores de titulares"* [A while with Millás: «There used to be newspaper readers, now there are headline readers."] Available at: https://www.elindependiente.com/tendencias/libros/2019/04/05/rato-millas-habia-lectores-periodicos-ahora-lectores-titulares/ (accessed: 04.08.2023).

Rulfo J. (1979) *Entrevista*. [An interview]. Available at: https://www.revistadelauniversidad.mx/articles/e5a4b696-bb29-4ae9-bc0c-f74f6067e050/juan-rulfo-la-literatura-es-una-mentira-que-dice-la-verdad-una-conversacion - with-ernesto-gonzalez-bermejo (accessed: 04.08.2023).

References

Acevedo I. (2021) Algo se mueve [Something Is Moving]. *Eme Editorial, Colección Madriguera*. (In Spanish)

Berg E. H. (2008) La escuela del crimen: apuntes sobre el género policial en la Argentina. Espéculo [The School of Crime: Notes on the Police Genre in Argentina. The Speculum]. *Revista de estudios literarios* 38. Available at: http://www.ucm.es/info/especulo/numero38/escrimen.html (accessed: 04.08.2023). (In Spanish)

Bernabe M. (2010) *Sobre márgenes, crónica y mercancía* [About the Margins, Chronicle and Merchandise]. Boletín 15. (In Spanish)

Barnet M. (1969) *La novela testimonio: socio-literatura* [The New Testimony: Social Literature]. Unión 1. Pp. 99–122. (In Spanish)

Calvi P. (2019) *Latin American Adventures in Literary Journalism*. University of Pittsburgh Press. (In Spanish)

Eloy Martínez T. (2002) Periodismo y narración: desafíos para el siglo XXI [Journalism and Narration: 21st Century Challenges]. *Cuadernos de Literatura, Bogotá (Colombia)* 8 (15): 8, enero-junio: 115–123. (In Spanish)

Ford A. (1972) Walsh: la reconstrucción de los hechos, en Nueva novela latinoamericana II [Walsh: the Reconstruction of Facts in the New Latin American Novel II]. In J. Lafforgue (ed.). *La narrativa argentina actual* [The Current Argentine Narrative]. Buenos Aires: Paidós. (In Spanish)

García K. (2011) *Periodismo, arte y testimonio. Operación Masacre: el legado de un escritor anfibio* [Journalism, Art and Testimonies. Operation "Massacre": the Legacy of an Amphibian Writer]. Revista-Nexus-Comunicacion. DOI: 10.25100/nc.v0i5.847 (In Spanish)

García V. (2018) Testimonio y ficción en la narrativa argentina [Testimonies and Fiction in the Argentine Narrative]. *Lexis* XLII (2): 369–404. Available at: https://revistas.pucp.edu.pe/index.php/lexis/article/view/20572/20447 (accessed: 07.08.2023). DOI: https://doi.org/10.18800/lexis.201802.004 (In Spanish)

Geertz C. (2003) *La interpretación de las culturas* [The Interpretation of Cultures]. Barcelona: Gedisa. (In Spanish)

Grasselli F. (2022) Rodolfo Walsh y lo testimonial: una literatura peligrosa. En Rodolfo Walsh, a 45 años de su desaparición [dossier] [Rodolfo Walsh and the Testimonial: Dangerous Literature. On Rodolfo Walsh, 45 Years After His Disappearance [Dossier]]. *Sociales y Virtuales* 9 (9). Available at: http://socialesyvirtuales.web.unq.edu.ar/rodolfo-walsh-y-lo-testimonial-una-literatura-peligrosa/ (accessed: 04.08.2023). (In Spanish)

Koreneva E., Sokolova V. (2021) Transformatsiya zhanra khroniki v literaturnom kontekste Latinskoy Ameriki [Transformation of the Genre of the Chronicle in the Literary Context of Latin America]. *Vestnik MGLU. Gumani-*

tarnye nauki 6 (848): 220–231. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_6_848_220 (In Russian)

Koreneva E., Sokolova V. (2023) *Ispanoyazychnyy mediadiskurs: vzaimodeystvie literatury i zhurnalistiki* [The Spanish-Language Media Discourse: Interaction of Literature and Journalism]. Moscow: MSU Faculty of Journalism Publ. (In Russian)

Korochenskiy A. P. (2016) Spetsifika zhanrovykh form khroniki i svidetel'stva (testimonio) v ispanoyazychnoy periodike [Genre Forms of the Chronicle and Testimonies in Spanish-Language Periodicals]. *Medialingvistika* 1 (11): 58–70. (In Russian)

Link D. (2014) Rodolfo Walsh y lo siniestro [Rodolfo Walsh and the Sinister]. In *Incluido en Walsh, Rodolfo (comp.) Antología del cuento extraño*. Buenos Aires, el cuenco de plata. (In Spanish)

Louis A. (2016) ¿Por qué escribir un libro? Las versiones de Operación masacre de Rodolfo Walsh [Why Write a Book? The Versions of "Operation "Massacre" by Rodolfo Walsh]. Exlibris, Universidad de Buenos Aires. Facultad de Filosofía y Letras. Departamento de Letras., halshs-02196128 HAL Id: halshs-02196128. Available at: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-02196128 (accessed: 07.08.2023). (In Spanish)

Luppi J. (2016) *Una novela invisible. La poética política de Rodolfo Walsh* [An Unseen Novel. Political Poetics of Rodolfo Walsh]. Córdoba: Eduvim. (In Spanish)

Muñiz E. (2019) *Historia de una investigación. Operación Masacre de Rodolfo Walsh: revolución de periodismo (y amor)* [A History of an Investigation. "Operation "Massacre" by Rodolfo Walsh: a Revolution in Journalism (and Love)]. Buenos Aires: Planeta de libros. (In Spanish)

Pastor F. (2022) *Emboscada. La historia oculta de la desaparición de Rodolfo Walsh y el misterio de sus cuentos inéditos* [An Ambush. The Hidden Story of the Disappearance of Rodolfo Walsh and the Mystery of His Unpublished Stories]. Aguilar. (In Spanish)

Piglia R. (2000) *Formas breves* [Short Forms]. Buenos Aires: Editorial Temas. (In Spanish)

Piglia R. (2019) *Las tres vanguardias* [The Three Vanguards]. Madrid: Eterna Cadencia. (In Spanish)

Rama A. (1976) *Rodolfo Walsh. La Narrativa en El Conflicto de Las Culturas* [Rodolfo Walsh. The Narrative in the Conflict of Cultures]. Escrituras: teoría y críticas literarias, nº 2. Pp. 279–301. (In Spanish)

Seifert M. (2012) *Los cruces de los oficios. Las notas periodísticas de Rodolfo Walsh entre 1966 y 1967* [The Crosses of Trades. Rodolfo Walsh's Journalistic Notes Between 1966 and 1967]. Buenos Aires: EXLIBRIS; Lugar; Año. (In Spanish)

Serrano P. (2011) *Contra la neutralidad. Tras los pasos de John Reed, Ryszard Kapuscinsky, Edgar Snow, Rodolfo Walsh y Robert Capa* [Against Neutrality. Following in the Footsteps of John Reed, Ryszard Kapuscinsky, Edgar Snow, Rodolfo Walsh and Robert Capa]. *Península*. Barcelona: Ediciones Península. Grupo Planeta. (In Spanish)

Walsh R. (1994) *Operación masacre* [“Operation “Massacre”]. Buenos Aires: Ediciones de La Flor. (In Spanish)

Walsh R. (1998) *El violento oficio de escribir. Obra periodística* [The Violent Profession of Writing.Journalistic Work] *(1953-1977)*. Espejo de la Argentina. (In Spanish)

Zimmerman M. A., Callegaro A., Lago M. C., Quadrini M., Bragazzi F. D. (2011) *La crónica latinoamericana como espacio de resistencia al periodismo hegemónico* [The Latin American Chronicle as a Space of Resistance to Hegemonic Journalism]. San Justo: Universidad Nacional de La Matanza. Available at: http://repositoriocyt.unlam.edu.ar/handle/123456789/768 (accessed: 04.08.2023). (In Spanish)

Поступила в редакцию
18.01.2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» — рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы — ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете (для подписчиков), включен в систему Российского индекса научного цитирования, оформляется в соответствии с требованиями ВАКа. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Статьи в журнале публикуются только после получения положительной рецензии. Рецензентами могут выступать все кандидаты и доктора наук факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, а также сотрудники иных образовательных учреждений Российской Федерации и зарубежных стран, имеющие достаточную квалификацию в соответствующей научной области, получившие ученую степень и обладающие авторитетом в научной среде. Редакционная коллегия принимает на себя обязательства по поиску рецензентов и организации процесса рецензирования.

По решению редакционной коллегии рукопись принимается, отвергается или возвращается автору на доработку. Авторы обязаны учесть замечания рецензента и внести в статью соответствующие исправления. В случае отклонения статьи редакционная коллегия направляет автору мотивированный отказ. Рецензии хранятся в редакции, копии их предоставляются по требованию авторам рукописей.

Статьи авторам необходимо отправлять на электронную почту журнала vestnik_journ@mail.ru. Материалы размещаются в номерах по тематическому принципу либо согласно дате поступления в редакцию в соответствующие рубрики.

Все присылаемые статьи должны содержать следующие обязательные элементы:

1) Сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы, контактная информация автора (телефон и электронный адрес).

2) Аннотация (abstracts) и ключевые слова (key words) на русском и английском языках. Аннотация должна кратко излагать проблематику статьи и основные содержащиеся в ней выводы. Ключевые слова после аннотации отражают основное содержание текста.

3) Примечания, оформленные в виде концевых сносок (если есть). Через концевые сноски также оформляются библиографические ссылки на периодику (газеты, журналы общего интереса); интернет-источники; художественную, деловую, научно-популярную литературу; словари, справочники, отраслевые доклады; учебники и учебные пособия; архивные данные.

4) Пристатейные библиографические списки (Библиография) у всех статей – в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

В список литературы включаются: монографии; сборники научных статей; научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках. В список литературы вносятся только источники, на которые есть внутритекстовые библиографические ссылки.

Ссылки в тексте приводят в круглых скобках – в них указывается фамилия автора, год издания произведения и номер страницы, который отделяется от года двоеточием. Например: (Иванов, 1998: 125). При повторном цитировании: (там же: 128) для русскоязычных источников или (Ibid: 123) для иностранных источников.

Объем рукописи не должен превышать один печатный лист (40 тыс. знаков с пробелами). Оптимальный размер статьи – 20–30 тыс. знаков с пробелами. Текст статьи должен создаваться в формате doc (docx, rtf), шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, с полуторным межстрочным интервалом.

Статья должна начинаться с введения (обоснование актуальности и научной значимости исследования, теоретические подходы к проблеме, поставленная автором задача, корпус имеющих отношение к проблеме текстов). Введение может быть дополнено отдельным разделом, в котором предоставляется обзор литературы по проблеме и теоретические выкладки. В этом разделе (разделах) должна быть представлена большая часть отсылок к предыдущим работам по теме материала.

Если в статье есть компонент эмпирического исследования, в ней должны быть отдельные разделы, описывающие методологию и результаты исследования. Основная часть статьи заканчивается выводами.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических данных и иных сведений.

Редакционная коллегия журнала:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы;
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов;
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех рассматриваемых текстов;
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов;
- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме;
- борется с плагиатом всеми доступными способами;
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.